

№ 2 (42)
2023

ТОБОЛ

литературно-публицистический
альманах

Курган

№2 (42) 2023

ТОБОЛ

ЛИТЕРАТУРНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

Курган
2023

Литературно-
публицистический
альманах

ТОБОЛ

г. Курган, 2023 г., стр. 240.

Учредитель:
Государственное автономное
учреждение
«Издательский Дом «Новый мир».

Главный редактор:
Бабушкина Ольга Юрьевна.

Редакционная коллегия:
Васильева Александра Михайловна,
Даниил, митрополит Курганский
и Белозерский,
Жукова Ирина Максимовна,
Захаров Алексей Анатольевич,
Катайцева Наталья Александровна,
Кокорин Сергей Аркадьевич,
Кулакова Светлана Ивановна,
Потанин Виктор Федорович,
Портнягин Валерий Иванович,
Речкалова Наталья Викторовна,
Рухлов Александр Владимирович,
Травников Герман Алексеевич,
Филимонов Владимир Иванович.

Дизайн обложки:
Журавлева Ольга Владимировна.

Компьютерная верстка:
Журавлева Ольга Владимировна.

Корректор:
Ермакова Людмила Дмитриевна.

Фотографии:
редакционный и писательский архивы,
а также авторов материалов.

На обложке: декоративная
скульптура «Музы», авторы Тамара
и Валерий Лыгченко-Меткие.
Foto Валерия Бусыгина.

Набор и верстка:
редакция газеты «Новый мир».

© «Новый мир»
Альманах издан при содействии
правительства Курганской области.
Издатель: ГАУ «Издательский Дом
«Новый мир».
Адрес редакции и издателя: 640000,
г. Курган, ул. М. Горького, 84.

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
по Курганской области.
Регистрационный номер
ПИ № ТУ45-00203 от 3 декабря
2013 года.

Распространяется по адресной
рассылке и в розничной продаже.
Цена договорная.

Подписано в печать:
Дата выхода:
Отпечатано в ООО «Типография
«Дамми».
640028, г. Курган,
пр. Машиностроителей, 13а.
Тел./факс 8(3522) 25-52-33; 25-55-00.
Формат 170x270.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ №
Усл. печ. л. 31.
Тираж экз.
Выходит два раза в год.

(16+)

ISBN 978-5-906602-30-5

9 785906 602305

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Мне кажется, что очередной номер альманаха «Тобол» представляет собой гимн любви малой родине, написанный, по образному выражению Ильи Сельвинского, «заветным перышком воспоминаний». Открывают его отрывки из дневников и записных книжек замечательного русского писателя Виктора Потанина. В этих небольших заметках содержится житейская мудрость, христианское смирение и любовь к жизни.

Только подлинное художественное слово обладает уникальным даром соединять в себе настоящее и прошлое, а также заглядывать в будущее. Именно об этом читаешь в произведениях Сергея Кокорина, Андрея Ветрова, Вильяма Шейхмана, Екатерины Пермяковой, Николая Покидышева и других авторов. У них нет ни одной случайной строчки, рифмы, слога. Все положено на алтарь Её Величества Литературы.

Трогательно и нежно звучат на фоне взрослых текстов детские стихи. Новая рубрика «Кораблик детства», надеюсь, не потерянется в волнах «Тобола» и займет свое место в сердцах юных читателей.

Можно ли автору писать лучше, чем он пишет теперь, и кто ему в этом поможет? Валерий Портнягин в своей статье размышляет о роли критики и поименно называет тех, кто бы мог взвалить на свои плечи этот воистину непосильный труд – критический разбор литературных произведений. Ведь, как известно, литературная критика – дело неблагодарное, но необходимое, требующее высокого профессионализма, огромного опыта не только вдумчивого читателя, но и профессионального писателя. В нашем номере вышли две критические статьи – о новом поэтическом сборнике Леонида Блюмкина «Из местностей иных» (Валерий Портнягин) и о книге Жени Сорокапятки «Когда булочки еще умели смеяться» (Ирина Жукова).

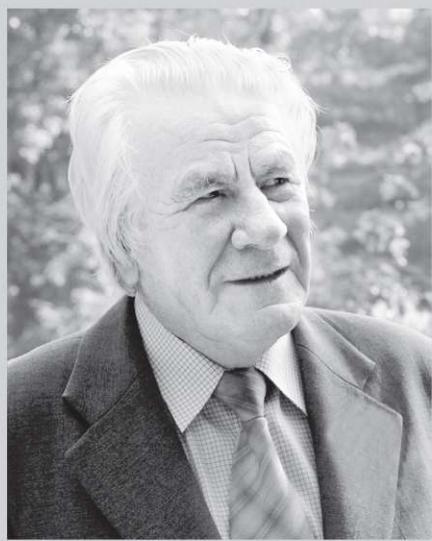
Сквозная тема номера – память. Мы не забываем о том, что не теряет смысла с годами и при том непосредственно связано с сегодняшними событиями. О людях, достойных нашей памяти, говорится в статьях Святослава Рыбаса, Светланы Кулаковой, Сергея Суханова, Станислава Батуева, Андрея Белоусова, Дмитрия Литвиненко. А вот Владимир Филимонов открывает новое имя земляка-челюскинца – Бориса Виноградова, которое пополнит галерею героев Зауралья.

В этом номере 10 из 36 авторов печатаются впервые, а это значит, что литературная река «Тобол», начав свое бурное течение три десятилетия назад, не обмелела еще долго и будет, как и прежде, выбирать в себя лучшие ручейки богатого талантами нашего родного края. Со следующего номера альманах изменит свой статус и станет единственным толстым литературным журналом, издаваемым при поддержке Правительства Курганской области.

Наша главная задача – сохранить традиции, не остановившись в своем развитии, – на сегодняшний день выполнена. Теперь слово за вами, дорогие читатели!

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

**ПОТАНИН
Виктор Фёдорович**

Родился 14 августа 1937 г. в селе Утятском Притобольного района в семье сельских учителей.

Член Высшего творческого совета при Союзе писателей России, член Приемной коллегии Союза писателей России, член Общественно-редакционного совета литературно-художественного журнала «Вертикаль XXI век», лауреат премий имени И. Бунина, В. Шукшина, Д. Мамина-Сибиряка и других. Его проза переведена на многие европейские языки и включена в школьные хрестоматии. В. Ф. Потанин – заслуженный работник культуры России, почетный гражданин города Кургана и Курганской области, делегат многих съездов Союза писателей СССР и России. Награжден орденом «Знак Почета», орденом Дружбы, орденом Почета.

Всего им издано более 50 книг, общий тираж которых составляет около 7 миллионов экземпляров. В 2007 г. в Кургане выпало пятитомное собрание сочинений Виктора Потанина, за которое ему во второй раз была присуждена литературная премия имени В. Шукшина.

ДНЕВНИКИ И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ (отрывки)

Дорогой читатель! Выношу на твой суд отрывки из моей новой рукописи «Дневники и записные книжки». Конечно, эти страницы для писателя Виктора Потанина – большое волнение. Но почему?

Да потому, что слова «Дневник писателя» для меня сродни исповеди и даже молитве. А наши молитвы чаще всего произносятся в тишине, в одиночестве, когда душа вершит над собой самый тяжкий суд, который как раз и называется исповедью, и потому так волнуется и страдает душа. И это правда. Как правда и то, что записные книжки любого писателя тоже чем-то напоминают дневник, и потому я объединил эти страницы в единое целое. И сейчас мечтаю, чтобы нашлись издатели, которые выпустили бы в свет эту дорогую для меня книгу. А сегодня я предлагаю на читательский суд всего лишь мои отрывки...

Закат

Люблю сидеть на крыльце родного деревенского дома и смотреть на запад, где солнце опускается за близкий бор и все вокруг – и бор, и соседние холмы – становятся розовым, дрожащим, словно где-то внизу, у подножья этих холмов, что-то вздрагивает, волнуется, вот-вот забурлит. А потом наступают полные сумерки, но они тоже живые. В них как будто чье-то дыхание. И это не фантазия – нет, нет, а тоже наша жизнь, которая полна всяких тайн и чудес, и не хватит всех наших дней, чтобы их разгадать.

Старинная музыка

Когда слушаешь старинную музыку, то все эти прекрасные хоры и речитативы словно бы о чем-то говорят с тобой. И может быть, это говорят с тобой давно ушедшие души, – и тебе и страшно, и благостно. И ты представляешь, как это было. Ведь было же, словно те далекие люди уже думали о нас. И не только думали, но уже представляли нас, еще нерожденных, неведомых. Но все равно те люди как бы уже видели нашу жизнь и посыпали ей свою чудесную музыку – свои бессмертные звуки.

Дорога

Хорошо помню, как ходил пешком от Кургана до своей деревни. Учился я в ту пору в городской школе, а по выходным старался выбраться на свою родину. И теперь часто об этом вспоминаю, да разве забудешь. Я ведь помню даже запахи того снега и тех метелей, которые часто били мне прямо в лицо. Ведь зимой такие жгучие ветра в наших краях – не новость. Я помню даже все рытвины и ухабы на дороге, о которые запинались мои валенки. Но особенно хорошо, отчетливо вспоминаю свои заветные огоньки. Это были далекие, прекрасные огоньки моей родной деревни, которая ждала меня впереди, а я шел к ней, как идут навстречу какой-то мечте.

Обман

Это случилось в Москве на Казанском вокзале. И было это давно – еще в мае 2007 года. И вот – вокзал, и вокруг – сотни пассажиров. Среди них – одна черноглазая, красивая девушка, которая без устали о чем-то говорит, говорит, и я прислушался к ее словам:

– Все вы здоровые, благородные люди, а я – инвалид. Я не могу слушать пение птиц, голос соловья, шелест трав, ведь я почти глухая. Купите у меня эту авторучку. Цена 300 рублей. Деньги пойдут на мое лечение. Заранее спасибо от больного человека.

Я, конечно, купил ручку. Она оказалась бракованной. Но у девушки было около 200 таких ручек, и все ручки она мигом распродала. А через час я увидел эту девушку в буфете в том же Казанском вокзале. Она заказывала какой-то дорогой коктейль и весело беседовала с таким же веселым парнем цыганской внешности. Увидев меня, она подмигнула мне, как хорошему знакомому. Боже мой! Какой обман. Но все равно мне стало весело, как будто я только что посмотрел веселое, увлекательное кино. И еще подумалось: как часто, слишком часто мы позволяем себе обманывать, и этот обман даже приносит нам радость.

Дон Кихот

Знакомый журналист недавно мне рассказал: «Ко мне пришел один ветеран труда и спросил: «Что такое Дон Кихот? Кто он – человек или кто?» А я в ответ: «А что случилось?» А этот ветеран опять с возмущением: «Меня так на собрании обозвали, и я буду жаловаться. Я не потерплю никаких оскорблений, намеков в свой адрес! И прошу о моем обидчике рассказать в газете. Пропесочьте его как следует!» А я стал возражать: «Но это же хорошо – быть Дон Кихотом!» «Значит, и вы тоже смеетесь надо мной. А я-то думал, что вы, как газетчик, защитите меня».

– Чудак вы! От кого вас защищать?

– Вот-вот! Значит, все же смеется, – и он быстро поднялся со стула и скрылся за дверью.

Я выслушал эту историю, и мне стало грустно, даже заныло сердце...

Рысь

Моя соседка Римма Петрова всегда по осени насаливала много груздей и этим очень гордилась. К тому же грузди росли в нашем бору, который рядом с деревней. Но случился засушливый год, и грибницы почти не стало. А это беда – груздей много не соберешь. Но Римма не унывала. Она решила: пусть грузди, которых нынче очень мало, достанутся только ей, только ей одной. И она объявила в деревне, что в бору видела рысь. И конечно, мои земляки испугались и перестали ходить за груздями. Кто пойдет в бор, если там обитает рысь. К тому же кто-то видел в бору обычновенную рыжую кошку. Наверное, прогуливался чей-то кот. И вот люди решили, что это и была та самая рысь. И конечно, удесятерился страх. А Римма в одиночестве стала ходить по грузди. Их хоть и уродилось маловато, но для соленя хватило. И Римма в тот год насолила целую корзагу.

А я узнал об этой истории от самой соседки. Она гордилась своей находчивостью, а мне вдруг стало печально. Какие мы все доверчивые, ведь из каждого из нас прямо плести веревки.

Соблазн

Она всегда была смеющаяся, счастливая и кругленькая, как комочек. И все в ней, каждая часть тела по отдельности, напоминало комочек. И глаза были такие же круглые, выпуклые, как комочки, – два голубеньких круглых комочка. И чуть пониже вырастали ноги, коротенькие, смешные, кавалерийские. Было в этих ногах что-то злое и хищное, даже животное. И она никогда не печалилась, ни о чем не тужила, а щеки были постоянно растянуты в полуулыбке. Она никогда не плакала, наверное, слез у ней просто не было – никогда-никогда. И мужа у ней тоже никогда не было, – и показалось бы странным, если бы когда-то он был. Но она почему-то нравилась мужчинам и постоянно притягивала чьи-то взгляды. Как все это называть? Может быть, в ней был какой-то соблазн, близкий к биологии или к животной страсти. Такой же соблазн сходит порой на нас, когда мы бремемся опасной бритвой. И этот соблазн у нас от какого-то больного инстинкта – а что, если, мол, надавить этим лезвием на горло, и что тогда будет? Кстати, что-то похожее испытываем мы, когда смотрим с высокого моста на реку. И в эти минуты в голову заходит что-то шальное – а что, если встать на перила и броситься вниз, прямо в воду? Это же почти подвиг. По крайней мере, все удивляются. Что это? Желание собственной смерти? Нет, нет, ни за что! Ну тогда что же? Кто мне ответит?! Да и надо ли отвечать?

Тыква

Однажды я чуть не написал рассказ под названием «Тыква».

А задумалось вот что: один мужчина ушел к любовнице и засиделся у нее до глубокой ночи. А потом взял у нее со столика тыкву, чтобы вручить жене для оправдания. Действительно, если муж приносит с собой тыкву, то вряд ли жена подумает, что муж был у любовницы.

Кстати, этот сюжет я взял прямо из жизни. А точнее – взял из своего дневника, а в дневниках нет надобности что-то выдумывать.

О чтении

В молодости этот учитель читал лекции на тему «Карл Маркс и Фридрих Энгельс о любви». Однажды он спросил меня: «Кто выше: Толстой или Достоевский?» Я промолчал и тогда он уточнил: «Вот если б у Вас была дочь, то за кого бы Вы ее отдали – за князя Андрея или за князя Мышкина?» Я ответил: «За князя Андрея!» «Во-во! А если бы у Вас был сын, то за кого бы Вы его отдали – за Наташу Ростову или за Настасью Филипповну?» И я ответил: «Конечно за Наташу!» – «Во-во!»

Потом мой знакомый заболел, ведь ему было лет семьдесят или даже побольше. Из-за болезни, чтобы за ним кто-то ухаживал, он вызвал телеграммой из дальнего города какую-то родственницу, может быть, даже внучку. И эта внучка, по возрасту лет семнадцати, рыжая, зеленоглазая, немного нахальная, сразу же выдала один секрет, что у ее дедушки всего было пять классов образования, но он развел себя чтением. Обзавелся даже личной библиотекой, с которой не расставался ни днем ни ночью. Внучка так и сказала, что он много, очень много работал с личной библиотекой. И вот эта девочка стала ухаживать за больным. Но спасти его все равно не удалось. Через неделю он умер. Вызвали скорую, а самого человека положили на брезентовые носилки и куда-то увезли. Наверное, в морг. И девочка, та самая, зеленоглазая, немного нахальная, громко плакала. Даже не плакала, а рыдала. И на нее было жалко смотреть. А вместо волос на голове у нее торчал какой-то хохолок, и теперь девочка походила на общипанного грачонка. А в воздухе, над крышами, летали уже настоящие грачи. Стояла середина апреля, и птицы готовились вить гнезда. Господи, как быстро текла наша жизнь. И как нужно ценить каждый миг ее. И все наши любимые писатели говорят постоянно об этом. И среди них – Толстой и Достоевский. И вот почему их нужно ценить и любить до самых наших последних дней.

Оператор

Один мой знакомый был штатным выступающим на всех похоронах и поминках. Потом он вкусно ел на этих поминках, пил вино, водку. И все это в большом количестве. Когда же сам умер, то за гробом его шло три человека: его мать, двоюродный брат и хмурый, мрачный мужик, который копал могилу...

Врун

Он жену хоронил три раза, а сам – алкоголик. А было так, – пришел человек к директору производства:

– У меня жена померла. Дайте денег на похороны.

Ему, конечно, выписали в бухгалтерии деньги, а наутро пришли погоревать от коллектива, посочувствовать сослуживцу. Стучат в дверь, заходят, шапки снимают:

– Примите наше соболезнование.

– А у нас никто не умер, – отвечает хозяин дома.

И сослуживцы сразу все поняли. Стали хозяина искать, а он на те деньги загулял и сидел уже где-то в ресторане.

А в завершение всего хозяин признался:

– Он меня уже три раза хоронил. Но это было на разных производствах.

Страх

Мой хороший товарищ, назову его сейчас Игорь, как-то признался мне: «Я не знаю, что страшнее – то ли страх перед жизнью, то ли страх перед смертью...»

О снах

Он жил так долго, что забыл многое из своей жизни. Но она часто напоминала о себе ночных снами. И он думал о своих снах с тревогой:

– Неужели все это было со мной? О, Господи! Неужели было?!

Об учителях

Учительница сидит за рабочим столом и проверяет школьные сочинения. Эти сочинения она давала ученикам на вольную тему. И одна из тем называлась «Самый дорогой человек в моем селе». И одна девочка написала о ней самой – какая она, мол, хорошая, умная, знающая, добрая, и лучше ее нет никого на земле. И учительница читает все это и чуть не плачет: «О, Боже мой, милая девочка, ничего ты не знаешь, а я ведь вся в грехах – вся, вся...»

Я хорошо знал эту учительницу и как сейчас вижу, как она идет по улице, как утка с утятами. Она – впереди, а ученики ее позади. И несут по очереди кто стопку тетрадей, а кто портфель ее... Такое было, кажется, совсем недавно. И вот я встретил ее на той же улице в своей деревне. Учительница состарилась, из школы ее убрали по возрасту, как пенсионерку. И вот она идет по улице, пошатываясь, как очень больная. Но она больная и есть, и теперь живет в полном одиночестве, и уже никому не нужна. А где же ее птенцы – те утятта, и почему они все забыли про нее, почему? Но мой вопрос без ответа.

Безбожник

Я видел, как в Загорске в подвальчике продают иконы. Продает иконы в киоске очень чистенький, аккуратный старичок. И он говорит одному парню с красным с похмелья лицом: «А тебе я икону не продам! Ты неправильно произносишь название иконы, ведь это «Спаситель», а не «Спасатель». И парень оправдывается:

«Я не себе, я тетке своей покупаю». И сразу же в очереди вспыхивают самые разные голоса, и все с негодованием смотрят на парня-пьяницу. И кто-то даже сказал громким, уверенным голосом: «Батюшка всегда прав, а ты отваливай отсюда, ведь ты – пьяница, а значит – безбожник».

Голосок

Голосок журчал, выговаривал что-то тихое, нежное, обволакивающее. Так бывает, когда смотришь на предгрозовое небо, где вспыхивают далекие всполохи молний. Но грозы еще нет, гром не гремит, а вокруг разливается такая же нежная, обволакивающая тишина.

Все это невозможно передать словами – так прекрасна наша природа!

О таланте

Любой талант, если человек им не воспользовался, начинает как бы душить человека. Нереализованный талант приобретает форму навязчивой болезни. И тогда человек начинает увлекаться водкой, уходить в пьянство. Или начинает метаться по жизни, менять работу. И начинает как бы сходить с ума и порой сходит... Так же

мешает жить и чрезмерная доброта. Такая доброта порой раздражает окружающих, и потому живет в обществе очень известное выражение: «Добро должно быть с кулаками». Но я признаюсь, все во мне закипает против этих слов. Ведь если добро с кулаками, то это уже зло, которое калечит душу.

Приговор

Щенков хозяин оставил только черных. Остальных – рыженьких, беленьких – утопил в ближайшем озере. Таков был его приговор, и он был ужасен. Все решил цвет – жить или не жить! Когда я думаю об этом, у меня останавливается сердце.

О мыслях

Наши мысли по ночам другие, чем днем. И по утрам они тоже другие, и по вечерам совсем-совсем другие. Но особенно отличаются летние мысли от зимних... И все это проступает в наших словах. Я, к примеру, все свои главные произведения создал зимой. И кто меня за это осудит? Да и надо ли осуждать?

О птицах

Очень часто птицы разбиваются о наледь. Это бывает поздней осенью, когда на реках и озерах еще ослепительно чистый лед. Он похож на прозрачную, голубоватую водную гладь. И птицы садятся рывком на эту гладь и разбиваются, ломают себе крылья. Так и в нашей жизни бывает: человек часто за красивым фасадом не видит скрытой опасности, не чувствует скрытой от глаз трагедии.

Забвения трава

Это стихотворение я прочитал в одной из наших районных газет. Названия у стихотворения не было, но сам текст обожег меня правдой:

*На русских кладбищах
могилы не найдешь...
На русских кладбищах
забвения трава
хватает ноги-руки,
рвет до крови.
Безмолвствует здесь долг,
молчит трава,
незримы знаки
родственной любви...
Кладбища русские
быстрее всех растут,
и всех быстрей они
места меняют.
Вчера лишь было там,
а нынче тут –
то ль умирают,
то ли воскресают.*

Геннадий Ступин.

Феша на горизонте

В моей деревне много добрых, светлой души людей. И Феша Тимошкина – среди них. Что о ней можно сказать? Она одинокая, старая, а родных – никого. Такое редко бывает, но вот случилось, и Феша живет одна. И домик у ней – не приведи Бог. Не домик, а мазанка. Его все время поправляет, замазывает глиной щели один сердобольный человек по имени Юрий. Он же и в сельсовете хлопочет о дровах для Феши, об отходах для четырех куриц. А если случаются в магазине перебои с мукой, то Юрий приносит Феше что-нибудь из своих запасов.

…А я уже сказал, что Феша очень одинока, но ее все время тянет к людям. Домик у ней стоит на самом берегу Тобола, и она частенько сидит у самой воды и наблюдает, как люди сходят с автобуса на другом берегу Тобола, а потом направляются к мосту, который упирается прямо в главную улицу. И вот уже они идут по улице, а Феша смотрит, что они несут в руках, и гадает – кто к кому едет на побывку. Но Феша знает, что к ней никто не приедет. И все равно жадно рассматривает всех приезжих. Правда, у Феши уже плохо со зрением, и она делает ладонь козырьком над глазами, чтобы не падал на глаза резкий солнечный свет.

Конечно же, есть у Феши и свои радости, и эти радости – дети. И если ребятишки затевают свои шумные игры, то она всегда тут как тут. И детям это не нравится, и они прозвали ее за эту навязчивость «Феша на горизонте». Она, по их мнению, выслеживает их, постоянно караулит, и потому они ее беспрестанно дразнят. Но что поделаешь, ведь дети не знают, что такое одиночество и что оно часто сопутствует старости…

И вот наступает ночь, и Феша рано ложится спать, чтобы пораньше выключить электричество и чтобы поменьше платить за свет. Пенсия у ней крохотная – та еще пенсия, старая, колхозная, но Феша почему-то не хлопочет о повышении. Наверное, боится, что и эту пенсию кто-нибудь отнимет. И Феша дружит с моей мамой, учительницей, потому что та иногда ей пишет различные заявления – то на дрова, то на безвозвратную ссуду. И вот однажды ей стукнуло в голову – надо обязательно завести кошечку. И она завела сразу двух – кота и кошку. И дала им человеческие имена – Коля, Коленька и Машенька. В этом тоже я вижу тоску по человеку и бегство от одиночества. И еще признаюсь, я часто думаю: о чем тоскует и мучается ее душа, когда зимой плачет метель за окном, когда трещит земля от мороза? И не лучше и поздней осенью, когда в моей деревне все вымирает и куда-то прячутся люди, и только качаются под окнами угрюмые и мокрые тополя. Именно в такие дни и завела Феша маленькую черную собачку-дворняжку. И назвала ее Уголек и сразу безумно ее полюбила. И теперь на виду у всех Феша сидит на лавочке возле домика, а на коленях у нее черный клубочек – Уголек. Но собачку скоро убили пьяные. Феша не дала им на бутылку, и вот – месть. А где ей взять денег, если за бутылку надо отдавать целое состояние – пенсия-то с ноготок. И Феша решила с горя повеситься. Она даже подготовила крепкую веревочку и прицепила ее к потолку. Но в последний момент раздумала: а вдруг на том свете будет еще тяжелей? Да и как оставить в сиротстве кота с кошечкой. Кому будут нужны ее Коленька с Машенькой. Обо всем этом я узнал от самой Феши, иногда на нее нападали приступы отчаянной откровенности. А я все это слушал и думал: как же так? Она рассказывает об этом и совсем не плачет. Вот что значит характер! Наш русский характер!

Посылка

На деревенскую почту пришла посылка, и на ней адрес – Поповой Анне Григорьевне. И отнесли посылку Поповой. А в деревне жила однофамилица – Елена Попова. Это была старая женщина, она носила очки и читать умела довольно хорошо. Она и открыла посылку – отодвинула верхнюю картонную досочку. В посылке оказались фрукты. Она обрадовалась и сразу съела яблоко и мандаринку. И вдруг она прочитала на посылке обратный адрес – город Симферополь. И имя у ней не Анна, а Елена. Выходит, произошла ошибочка, и старушка отнесла посылку обратно на почту:

– Простите меня, старую, дурную и глупую. Я ведь взяла из посылки одно яблоко и мандаринку. Так что, почтари милые, возьмите с меня деньги за то, что съела. Или оштрафуйте по всем статьям… Но ее, конечно, простили.

Святость

Как писатель, я довольно часто представлял наш город Курган на различных съездах и конференциях. А что удивляться, ведь с этого города начинается Сибирь. Об этом мы часто забываем, хотя забывать нельзя. Нельзя забывать хотя бы потому, что мой город – перекресток многих судеб, надежд и открытий. Через Курган начиналась дорога на целину, на БАМ, а сегодня все дороги слились в одну дорогу – к хлебу. Но почему? Да потому что у нас жил и сейчас с нами его душа – душа Терентия Мальцева. У него много было секретов, но главный секрет всегда был один – он просто любил и боготворил землю. И эту Любовь применительно к Терентию Мальцеву всегда следует писать с большой буквы. Кстати, сам Мальцев часто ходил по земле босиком. Конечно, если не было снега…

И все же откуда такая истовость и такая святость? Да все от той же Любви! Как-то я был вместе с ним делегатом VII съезда Всероссийского общества охраны памятников природы. Мы жили в гостинице «Россия». В ту пору она была еще жива. А сам съезд проходил в Колонном зале Дома союзов. А начало съезда – 10 часов утра. И вот накануне, еще рано-рано утром, в мой номер постучал Терентий Мальцев: «Виктор, надо идти заседать!» А я возразил: «Но ведь еще рано…». На это Терентий Семенович ответил: «Нам предстоит идти очень долго…».

Так и случилось. Ведь едва мы вышли из гостиницы, как Мальцева окружили москвичи. Каждому хотелось поговорить с ним, задать какой-то вопрос, а некоторые женщины, молодые матери, брали из колясок своих младенцев и подносили к лицу Мальцева и просили дотронуться до щек ребенка или даже его благословить. Мне почему-то сразу пришел на ум Серафим Саровский. Этот святой тоже не разлучался с народом. И вот сейчас многие из москвичей тоже относились к Мальцеву как к святому. Похожее отношение я видел на родине Валентина Распутина – на байкальской земле. К писателю относились тоже как к святому. И такое было везде – от Иркутска до самого Байкала. Что это? Может, это и есть настоящая народная Любовь!

О любимых книгах

У каждого из нас есть самые дорогие, самые любимые книги. Их мы читаем и перечитываем по многу раз. И вот что интересно: читая Виктора Астафьева, Василия Белова или того же Валентина Распутина, мы каждый раз обнаруживаем еще «что-то» новое, неизвестное до настоящей минуты. Что и говорить – классические произведения неистощимы! Об этом не должны забывать наши новые, молодые

писатели. Они должны самозабвенно «работать» над словом, над фразой. Что это значит? К примеру, тот же рассказ должен писаться с огромной реалистической силой. Фраза не должна делать никаких лишних телодвижений. Быть поэтом в прозе для настоящего писателя еще мало. На одной поэтической мелодии, как на одной музыкальной ноте, хорошего, правдивого произведения не создать. И нужно избегать многословия. Кустарник надо чаще подрезать, чтобы был сильный рост... Все эти мысли любил повторять мой самый близкий друг – замечательный русский писатель Виктор Лихоносов. Недавно его не стало. Для моей души это огромная утрата, ведь книги моего друга созданы не пером, а ритмами сердца. И это при том, что в его прозе много светлой тоски и печали, той густой, обвальной, чисто русской печали, которая создала однажды Чехова и Бунина, а потом Андрея Платонова и Юрия Казакова. А если уж сказать совсем честно, исповедально, то, читая и перечитывая своего друга, мне почему-то всегда хочется открыть при этом томик Николая Рубцова. Открыть просто так, наугад, в каком-то порыве. Но, впрочем, это ничего не меняет, что наугад, все равно каждая строка поэта – наше родное. Даже печаль:

*И всей душой, которую не жаль
Всю потоптить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...*

Вот и моя печаль о своем друге такая же светлая, нежная, бесконечная.

И такая же память о нем, потому что он олицетворяет для меня настоящую литературу, а сам он в моем представлении становится в ряды русских гениев. И так я буду думать до конца своих дней.

Собака Гулька

Иногда я приезжаю в свою деревню совсем усталый, разбитый, и уже ничего не хочется делать, даже не хочется жить. И вдруг видишь собаку Гульку. Она скачет на трех ногах – ее недавно покусала овчарка Шельма. А сегодня у Гульки радость, ведь приехал ее хозяин. И я вижу ласковые, влюбленные глазки, крутящийся от радости хвост, и у меня мгновенно меняется настроение, и уже хочется жить, строить какие-то планы, а самое главное – не унывать. Ведь кому-то еще хуже, труднее в жизни, чем тебе. Вот у той же Гульки впереди холодная, полуоголодная зима, а у нее нет крыши над головой, а ее хозяин, то есть я, скоро уедет на зиму в город, а она останется одна, совсем одна со своей больной лапой, со своей надвигающейся старостью, а самое главное – с неотвратимым голодом... Бедная, горемычная. Но как помочь? Как? А у Гульки от радости крутится хвост, и ты не выдерживашь – берешь ее на колени...

«Прости меня...»

Все последние годы я летом живу в своей деревне. И за эти годы я со многими подружился. Особенно часто бываю в семье Ивана Палина. Как-то я был у них в гостях, сидел за столом с кружкой чая. И вдруг постучали в дверь. Это была почтальонка, которая принесла пенсию для Ивана. Надо бы этому порадоваться, но хозяйка дома Маруся Палина почему-то погрустнела и даже захромала: «Ой, не знаю, что делать? Что делать?...» И скоро я догадался, о чем она горюет. Ведь Ивану надо было расписаться в ведомости о получении денег. Но как это сделать? Ведь у него

не действовали руки, и ладонь не могла взять ручку, а потом расписаться. А во всем виновата болезнь, ведь месяц назад он перенес инсульт и до сих пор не поправился. И вот принесли пенсию...

И я ждал – что же будет дальше. К тому же почтальонка не уходила. А потом вдруг предложила: «Не горюй, Маруся. А лучше возьми его ладонь в свою и сожми покрепче».

– А что дальше? – встрепенулась Маруся.

– Да все проще простого. Ты в его ладонь вставь ручку и поднеси к бумаге.

И ладонь с твоей помощью распишется. Неужели не поняла?

– Поняла, поняла! – обрадовалась Маруся, взяла ладонь мужа в свою и сделала так, как велела почтальонка.

Иван сразу повеселел, а Маруся почему-то расплакалась:

– Прости меня, Ваня. Вчера мне позвонили из больницы и сказали, что тебя положат в палату и постараются помочь поставить тебя на ноги. И я, старая дура, согласилась, а теперь думаю – не надо тебя туда отпускать. Мало ли что… Или пусть меня увозят с тобой. Ты согласен?

Иван в ответ что-то промычал, но я не понял. К тому же уже наступила ночь, и я попрощался.

Август

Конец лета, как конец жизни. И грустно в августе. Порой в жизни не произошло ничего печального, а все равно хочется заплакать. И почему-то все время душа стремится на кладбище, где лежат твои близкие и родные. А придешь к этим могилкам, и станет еще тяжелее… Все это правда, но сегодня я решил не грустить, не печалиться, а просто думать о чем-то светлом, хорошем, как сама жизнь. К тому же эта жизнь еще продолжается, и пусть ты не построил себе дворцов, не нажил миллионов, но ведь все вокруг тебя родное, бесконечно родное – и эти рябины под окном, и облака над крышей, и голос твоей родной жены Люси тоже рядом с тобой. И все это будет и завтра, и послезавтра, и все это похоже на счастье. А разве не так?

ПОЭЗИЯ

БЛЮМКИН
Леонид Моисеевич

Поэт, журналист. Родился в Кургане. Работал на областном телевидении. Стихи публиковались в газетах, журналах и альманахах, издающихся в городах Урала, Сибири, в Москве, а также в Германии.

Участник антологий «Поэты русского зарубежья» (издательство «Алестей», Санкт-Петербург).

Автор шести сборников стихов. Член Союза писателей России. С 2004 г. живет в Гамбурге.

В новую книгу Леонида Блюмкина «Из местностей иных», вышедшую в Берлине в издательстве Moabiter Dichter, вошли стихи, написанные в последние годы, а также ряд стихотворений из предыдущих сборников.

С рецензией журналиста В. И. Портнягина на эту книгу можно познакомиться в разделе «Критика».

* * *

Летний день. За окном потемнело,
и упала из тучи гроза
на земное засохшее тело,
окропляя поля и леса.

Встрепенулась земля, задышала,
шевельнулись на стеблях цветы.
Но дрожит еще воздух от жалоб,
что живой не хватает воды.

Последгрозье. Прохлада витает
над восставшей травой, над людьми.
Нам чего-то всегда не хватает:
денег, славы, вниманья, любви.

Даже в наши неюные годы –
вроде можно мечтанья унять –
то захочется больше свободы,
то рискнуть вдруг потянет опять.

То улыбка пронзит Моны Лизы
в разноцветной толпе городской,
то повеет, как вечностью, бризом
из немыслимой дали морской.

Приключения, восторги, наряды –
так с обыденным счеты сводя,
нас бодрят грозовые разряды,
будят свежие капли дождя.

ЗАРИСОВКА

Рука ведет перо с нажимом,
и пальцы сжаты, как тиски.
Училка из старорежимных
в костюме строгом у доски.

В тетради сохнет промокашка,
вся комната светлым-светла.
Чернильница-невыливашка
из синеватого стекла.

Ее несу с собой в портфеле
и на дом заданный урок.
А на моей лежит постели
мой кот, свернувшийся в клубок.

Зиме конец. Но обморозил
в начале марта уши он,
занявшихся половым вопросом,
поскольку молод и силен.

В сарае громко квохчут куры,
им снится летняя трава.
Из печки, как из амбразуры,
стреляют искрами дрова.

На кухне стол едой не блещет:
картошка, яйца, серый хлеб.
Мы верили, что будет легче,
не ведая духовных скреп.

С утра соседи варят бражку,
начав предпраздничный забег...
Чернильница-невыливашка.
История. Двадцатый век.

* * *

Обретая весеннюю стать,
оживают кусты и деревья.
Можешь время свое коротать
хоть в труде, хоть в блаженном безделье.

Сколько лет позади – не вопрос:
сколько б ни было – правдой не будет.
Ибо кажется, прочно пророс
дух бессмертия в скучельном сосуде.

И тюрьмы, и сумы избежал,
не побит и молвой не оплеван.
Лишь терзал самоедства кинжал –
недовольство написанным словом.

Торопливиости сроду не рад,
должен был напрягаться, как спринтер,
и нестись то вперед, то назад,
словно выход искать в лабиринте.

И сейчас, не желая спешить,
даже если гореть впопнакала,
понимаешь, как хочется жить,
жизнь по капле цедя из бокала.

ГРАЧИ

Спевут грачные гнезда
в кронах седых тополей.
Мартовский воздух морозный
день ото дня все теплей.

Семьями птицы хлопочут,
не забывая при том
сделать уютным и прочным
свой незатейливый дом.

Дружно работают, споро.
Как же нашли они в срок
дерево, улицу, город,
с дальних вернувшись дорог?

Там в поднебесные трассы
властно природа влечет.
Увековечил Саврасов
их долгожданный прилет.

Прибыли. Стряют из веток –
все для родимых кровей.
Кормят прожорливых деток,
в клювах таскают червей.

Нам бы инстинкты такие:
строить, а не разрушать,
чувства хранить вековые,
умных потомков рожать.

Где там – ведь мы же не птицы.
Разве стальные крыла
могут с живыми сравняться
взмахом любви и тепла...

* * *

С возрастом, признаться если честно,
все трудней держаться на плаву.
Жизнь во снах гораздо интересней,
чем она порою наяву.

Точным объясненьям неподвластный,
из иных и нынешних времен
ночью часто вижу несуразный,
странно повторяющийся сон.

Думаешь, с тобой ли это было
или, может, не было совсем.
Женщина в тумане приходила,
друг являлся, не сказав, зачем.

Много лет их нет уже на свете,
живших и рисково, и легко,
и разочарованных в столетье,
как стрелок, попавший в «молоко».

Сам же я, терзаясь в дикой спешке,
то лечу, то еду, то бегу,
но стою на месте неизбежно
в кем-то заколдованным кругу.

От чего зависит – от погоды
разница сюжетов и картин?
Но все время что-то происходит,
с чем во сне один я на один.

В темноте к видениям прикован,
под щекой ладонь или кулак.
Душат сны – один дурней другого,
но из них не вырваться никак.

ВЗГЛЯД ОТЦА

Он сидел, шурша газетой «Правда»
за kleenкой устланым столом,
не снимая старого бушлата,
молча глядя на меня и брата,
в доме неуютном и сыром.

Был отец всегда немногословен,
зря не тратил уходящих сил.
И хотя судьбой казался сломлен,
никого не хаял, не банил.

Лезвием «Невы» пытался бриться,
не давалась гладкость щек никак...
Где любивший пирожки с корицей,
где сейчас суровый наш добряк?

Никогда не веровавший в бога
под напором ленинских цитат,
на какой он мучился дороге,
добираясь до небесных врат?

Скажет ли нам что-нибудь оттуда,
двум мальчишкам – старым пацанам:
хорошо ему там или худо
и как нам из хрупкого сосуда
жизнь допить, согласно временам?

* * *

Сентябрь начинался с коротких несильных дождей,
с утра моросили, но быстро потом прекращались.
И не было места осенней и летней вражде,
а просто сезоны как будто друг с другом прощались.

Слезой поливали сухие кусты и траву,
вздобрили деревья, стуча в желтоватые кроны.
В такую погоду я снова стихийно плыву
отыскивать в жизни давно позабытые схроны.

Найду не найду, покопаюсь в минувших годах
и все же наткнусь на какой-нибудь фактик-зацепку,
чтоб слово созрело, пройдя сквозь сомненья и страх,
и вышло наружу сидевшее в памяти крепко.

В такую погоду срываются что-то в груди
и сердце щемит, словно чувствует близость финала.
Еще в сентябре не идут затяжные дожди,
но лето уже навсегда безнадежно пропало.

* * *

Вышло так, что в городе родном
нет меня и быть там не предвидится.
Что сейчас такой желанный дом
к новому жилищу не придвигнется.

Вышло так, что новостей – не знать
местных и не пользоваться слухами.
И себя с трудом освобождать
от воспоминаний, как от рухляди.

Может быть, позднее соберусь
на свиданье с городскими стогнами,

чье изгибы знаю наизусть,
где сверкало детство босоногое.

Знатно поработала коса:
просека зияет меж ровесников.
Подрастают по бокам леса
нового, пока что неизвестного.

Победит оно, не победит
с будущим в борьбе или приятельстве,
где грозит еще один ковид,
или мировое надувательство?

Прыгнет самолет за облака,
а границы снова приоткроются,
и страну, что стала далека,
под крылом увижу с высока
в островках огней цветастой россыпи.

* * *

Декабрь. Тридцать первое. Рвутся петарды,
ракеты салютов свистят в темноту.
А время, собравшись для нового старта,
под годом минувшим подводит черту.

В историю канул сорвавшейся клетью,
оставив в наследство и грохот, и дым.
А дальше? А дальше продолжится столетье,
которое мы не считаем родным.

За что почтать его, в самом-то деле,
коль в чреве его созревает беда.
Мы жили в двадцатом почти на пределе,
но все же уверенней жили тогда.

Наверное, кто-то сливаются с веком,
как всадник лихой со строптивым конем,
владея уздечкой и шпорой, и стеком.
Но мы-то о прошлом, о нашем, о нем.

Которое было для нас настоящим –
то светлым и нежным, то горькой травой.
Мы думали: то, что искали, обрящем,
не сразу, так завтра – нам ждать не впервой.

Казалось, уйдем от глупцов, святотатцев.
Но вечно, видать, с ними рядом кружить.
И с прошлым совсем не выходит расстаться,
и как-то в сегодняшнем надо нам жить.

* * *

В тяжелые годы болят и душа, и хребет,
и слово «надежда» мне нравиться вдруг перестало.
На что уповать, если в воздухе тысячи бед,
как хищные птицы, а жизни осталось так мало.

А впрочем, сегодня тревожиться надо ли нам? –
Ведь это важней для идущих решительно следом,
пока что не верящим жутким пророческим снам,
и голос трагедий которым пока что неведом.

Пророчь не пророчь, не сумеет никто предсказать,
куда нас выводит в безумное время кривая.
И все же надежда не хочет никак умирать.
И все же я на что-то, не знаю на что, уповаю.

КРИТИКА

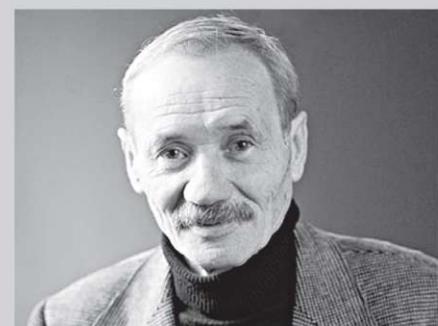
ПО ЗАКОНАМ СОБЕСЕДНИКА. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И НОВОЙ КНИГЕ ЛЕОНИДА БЛЮМКИНА

I

Иногда литературную критику сравнивают с тенью, которую отбрасывает собственная литература. Тень, конечно, должна знать свое место. Но – в любом случае – она должна быть. Тени нет у пустоты. Так что если понятие «зауральская литература» реально, то нельзя нашим писателям существовать без критиков. Нельзя друг без друга. Как писал Илья Ильф: «Критики должны иметь место. Без них не будет полного счастья». Вот тут-то и начинаются проблемы. О них и поговорим.

У каждой из проблем с литературной критикой (а их множество!) – совершенно разное происхождение, разные источники. Постараемся разобраться с некоторыми из них. К примеру, одной из главных задач критика остается, кому бы не показалось в наши времена это странным, полагаясь на собственный вкус, опыт и здравый смысл, называть вещи своими именами, то есть отвечать на «детские» вопросы: что такое хорошо и что такое плохо. Понятно, если будешь выставлять писателям школьные отметки или публиковать рейтинги, то станешь смешным. Этого-то и боятся многие рецензенты, забывая о том, что и уклоняясь от открытого выражения своей позиции, будешь так же смешон. Суждение о произведении литературы (впрочем, и о политике, и о многом другом) не сводится к оценке, не предполагает ее.

Другое дело, что откликаться на каждую новую книгу – особенно нынче, когда что только не издается, – не получится и

ПОРТНЯГИН
Валерий Иванович

Автор, составитель и редактор нескольких книг: «Провинциальный летописец», «Газета. Люди. Жизнь», «Ветер времён», «Живое слово», «Сказки и стихи Леонида Куликова» и других.

Печатался во многих московских газетах, сотрудничал с информационным агентством ИТАР-ТАСС, журналами «Огонек», «Журналист», «Урал» и др.

Делегат двух съездов Союза журналистов России, в том числе учредительного в 1992 г., на котором принимал участие в разработке Устава Союза журналистов России. С 1996 по 1997 г. – председатель правления Курганской областной журналистской организации.

Лауреат Всесоюзного конкурса молодых журналистов, областных журналистских премий – им. Яна Пурица и им. Юрия Хлямкова, обладатель диплома и знака «Золотая акула» лучшего журналиста печатных СМИ Уральского федерального округа, знака и звания «Отличник печати Зауралья», почетного знака Союза журналистов России «За заслуги перед журналистикой», городской премии «Признание», диплома победителя Всероссийского конкурса журналистов.

Награжден памятной медалью Михаила Шолохова, Почетной грамотой администрации (правительства) Курганской области, поощрен благодарственным письмом губернатора Курганской области, благодарственным письмом Курганской областной Думы.

не надо. Самим фактом разговора о каком-либо произведении мы уже выделяем его из множества прочих. Так что, критик, если он профессионально готов сформулировать собственное мнение о книге, пользуется правом голоса все-таки по своему выбору. При этом авторитетность его оценок определяется в первую очередь литературной репутацией критика. И здесь опять проблема: как заработать эту репутацию?

Почти все, кто сейчас так или иначе публикуется, грешил сочинительством с детства. Но вряд ли кому встречалось юное существо, мечтающее быть критиком. Это поэтами рождаются, а критиками – становятся. В силу разных обстоятельств. Тем не менее скажу: критики в Зауралье были и есть, но самой критики сейчас нет.

Попробуем взглянуть на наш критический цех через личности. Наши потери непоправимы: ушли из жизни Михаил Янко и Тамара Шутова, Владимир Межевикин и Любовь Безрукова, Анатолий Львов и Борис Карсонов. Уехали в другие края Юрий Никишов и совсем недавно Светлана Кошкарова и Любовь Кочарина. Многие из оставшихся потенциальных критиков загрузили себя журналистикой. Преподают в нашем университете Ирина Жукова, Екатерина Коробова, Елена Позднякова, Мария Фомина, изредка покидая пределы научных сборников и выходя на страницы альманаха «Тобол». Кандидат филологических наук Нина Украинцева и доктор филологии Валентина Федорова практически полностью посвятили себя фольклору. Андрей Белоусов занят краеведением и музеем, а Сергей Кокорин общеписательскими делами. Владимир Филимонов подчинил себя редактированию. Валерий Портнягин (то есть я) увлекся литературными проектами Союза журналистов и продвижением чужих книг с написанием к ним предисловий. Хорошими рецензентами могут быть работающие в газете «Курган и курганцы» Дмитрий Литвиненко и Марина Перова.

Как видим, потенциал зауральского критического цеха достаточно обширен, но все заняты другими делами. Между тем профессионального разговора, серьезного критического анализа ждут проза Алексея Захарова и Сергея Кокорина, свежие рассказы нашего классика Виктора Потанина, поэзия Владимира Брозинского, Александра Рухлова, Николая Покидышева, Натальи Пушкиревой, Екатерины Пермяковой, Ольги Дружковой, Андрея Ветрова, Виктора Воинкова и других авторов.

Не раз мы с Виктором Федоровичем Потаниным говорили об этих проблемах, мечтали об открытии в альманахе «Тобол» постоянной критической рубрики. Плавно эта мечта переместилась в сознание нового редактора альманаха Ольги Бабушкиной. Для осуществления этой мечты предлагаю от имени редколлегии использовать систему конкретных заказов на написание критических откликов, рецензий и литературных портретов. К кому обращаться? К любому из перечисленных мною литераторов.

Конечно, когда рецензентами выступают те же поэты и прозаики, то появляется едкая мыслишка о взаимном самообслуживании. Взгляд художника на творчество коллеги часто оказывается «точечным», о достоинствах и недостатках рассматриваемого сочинения говорится, как правило, выразительно, но без ощущения контекста, без выхода на общие пути развития современной литературы.

Видимо, следует с сожалением вздохнуть и в адрес периодики, газеты давно перестали выпускать литературные страницы и откликаться на местные книжные

новинки. При этом не забыты времена, когда книга зауральского автора получала вполне квалифицированные отзывы и в «Молодом ленинце» и в «Советском Зауралье» (позже в «Новом мире»), и в газете «Курган и курганцы». Сегодня же в редакциях смотрят на рецензии – особенно если они позитивны – как на замаскированную рекламу.

Хорошо, что исчезла критика как обязательная идеологическая норма советского общества (вспомним знаменитое специальное постановление ЦК КПСС 1972 года «О литературно-художественной критике»). В постперестроечную пору нам и показалось, что критика не нужна. Времени с тех пор прошло немало, и вот в сфере культуры – прежде всего от филологов, самих писателей, да и от вдумчивых читателей – стали появляться сигналы тревоги в связи с «потерей» критики. Оказалось, что она нужна. Для чего же? Да для того, чтобы сообщать обществу и спрашивать его, что оно, общество, думает о том или ином художественном явлении. После этого та же критика информирует творцов о том, как общество отнеслось к тому или иному произведению литературы и искусства.

Критика становится востребованной. Конечно, она живет прежде всего в периодике, но газетные и журнальные строчки обречены на некоторую однократность. И тут, еще не дождавшись осуществления нашей мечты о критической рубрике в «Тоболе», возникает мысль о создании сборников критических статей и даже об авторских литературоведческих книгах. Скажете, в наших условиях это утопия? Умейте ждать. И будут вам новые Белинские, новые Писаревы...

В девятнадцатом ли веке или в веке двадцать первом, говоря о других, критик говорит и о себе. Для меня критика – это школа понимания. И не только литературы. Мы ведь читаем не книги – с помощью книг читаем себя. В этом смысле все умные читатели – критики. Хочется, чтобы твой текст был воспринят именно ими. Физиолог А.А. Ухтомский в одном из писем – они публиковались в журнале «Новый мир» в начале 1970-х годов – пытался обосновать закон заслуженного собеседника. Таким заслуженным собеседником для читателей и писателей и хочется быть, когда рассуждаешь о понимании новой книги. Вот с этих позиций во второй части данных размышлений коротко поговорим о новой книге нашего земляка Леонида Блюмкина, живущего ныне в Германии.

II

Книжка называется «Из местностей иных» и издана впервые в Берлине, хотя автор ее живет в Германии уже почти 20 лет. Остальные книги Блюмкина (а их уже семь) изданы в Кургане, Челябинске и Санкт-Петербурге.

Известный зауральский поэт Алексей Решетов, подводя некий итог своего творчества, написал:

*И всё же со временем ясно:
Поэт ли с тобой говорит.*

Вот и Леониду Блюмкину незачем опасаться времени. То, что с нами заговорил не просто очередной стихотворец, а именно поэт, было понятно уже после дебютных тоненьких сборников, изданных в 1980-е годы. Тогда еще звучали поэтические отголоски 60-х годов с их социальными эмоциями и гражданской

устремленностью. Но Блюмкин был другой, да и остался по большому счету другим. Свои чувства и состояния автор всегда сопрягал и продолжает сопрягать не с бурными событиями дня и века, а с такими сущностями, как жизнь и смерть, любовь и природа, земля и небо. С тем, что понятно любому человеку. Вот, например, такие строки:

*Свет ночных городов и лесные тротинки –
все так прочно слилось и с короткою жизнью родним.
Но застяли в тебе золотые дробинки
лет быльих, от которых на сердце свербит.*

В этих строчках пафос не планетарный, а самый что ни на есть домашний. При этом уменьшительные суффиксы имен существительных не воспринимаются как сентиментальность.

В связи с этим вспоминаю, как на нескольких презентациях его книг в Юговке Блюмкин читал свои стихи. Он читал их, будто прислушиваясь к самому себе. Сосредоточенность, отсутствие малейшей рисовки и желания выделить какую-то строку и самого себя. Как письменно, так и устно. Соотнесенность, соответствие человека и написанного им слова – вот что привлекает в поэзии Леонида Блюмкина. Хочется заглянуть по ту сторону бумажного листа. А там, на другой стороне, жизнь в чужбине. Не думаю, что земляку нашему там сладко.

Спасением для поэта, защитой от одиночества остаются стихи. Когда надежды на лучшее становятся призрачными, вспоминается любимый нами Алексей Еранцев: «Может, сердце перемелется на хорошие слова». И тогда Блюмкин пишет:

*Строку к строке старательного слагая,
ты понимаешь: жизнь совсем другая –
не как в тетради. В ставках на кону
она резвее и многообразней,
полна невзгод, надежд и чудес праздной,
поступков, слов, не ясных никому.*

Новая книга Леонида Блюмкина состоит из двух частей. В главу «По старым тропам» вошли стихи, написанные до 2015 года, а стихи последних лет представлены в главе «И небо не упадёт». И если обращаться к поэзии Блюмкина хронологически, то ясно увидишь, как его авторское «я» все настойчивее выдвигается на первый план, и стихи все более насыщаются дневниковой искренностью, исповедальной безжалостностью. Меняется и тональность его лирики. Солнце из нее не исчезает, но все чаще затемняется иными настроениями, порождающими осенние или зимние ассоциации.

*День мрачен и тяжёл под занавесом серым.
Погода – камертон, меняется настрой.
Надежды гаснет свет, ослабевает вера,
Скрывается любовь, уйдя в туман густой.*

А где же весна?

*А весна появится, капризна,
Свет неся высокого венца.
Краткая, но не короче жизни,
Той, что нам осталась до конца.*

Сопереживая вместе с автором, вполне разделяя его ностальгические чувства, хочется отметить широкое культурное пространство поэтического творчества Леонида Блюмкина.

Выросший на нашей поэзии 60-х годов, впитавший в себя вкус русской классики, он словно отталкивается от строк великих поэтов, чтоб стартовать самому. Имена, которым он воздает должное, – самые разные. Но какие это имена! От Пушкина до Пастернака. И далее – Гумилёв, Мандельштам, затем любимые им шестидесятники – Юрий Рышенцев, Евгений Евтушенко, Римма Казакова, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Юрий Левитанский, Иосиф Бродский.

После эры шестидесятников время от времени раздавались причитания о том, что «больше не будет поэтов». Но разве когда-то выходило столько книг с рифмами, сколько их было в последние годы? Другое дело, что тиражи нынешних книжечек столь малы, что часто автор знает в лицо всех своих читателей.

У сборника Леонида Блюмкина «Из местностей иных» по европейской традиции тираж не указан, но тоже явно идет на сотни, а не тысячи экземпляров. Но стихи и никогда не были товаром повседневного спроса. Они не для других пишутся, автор прежде всего себя строкой изводит-радует. А нам, читателям, позволено интересоваться этим.

Мы поинтересовались. Было интересно, умно, грамотно, поэтично. Повторимся: хотелось заглянуть за каждый лист книги, вновь встретиться с литературным другом и не разочароваться в нем. Разочарований нет. Очарование есть!

ПОЭЗИЯ

**ПЕРМЯКОВА
Екатерина Викторовна**

Член Курганского регионального отделения Совета молодых литераторов. Неоднократно становилась победителем областных, межрегиональных и всероссийских фестивалей и конкурсов.

По итогам Международного поэтического конкурса «Золотой Grand Германия» (2021) была отмечена дипломом «За мастерство».

Стихотворения публиковались в альманахах и журналах: «Странник», «Тобол», «Курган.Текст», «Невский альманах», «Александр», «Форма слов», «Бельские просторы», «Чаша круговая», «Веретено» и др., детских журналах «Мурзилка», «Радуга», а также коллективных сборниках.

В июне 2023 г. Всероссийским союзом молодых литераторов рекомендована для приема в Союз писателей России, а 29 августа текущего года уже принята в Союз.

* * *

Вот и зима, потерпи.
Крыши качают метели.
Будем держать взаперти
Солнце в ослабленном теле,
Прятать под толстый жакет
Крылья до летних полетов.
Город блестит в куржаке.
Слепит глаза пешеходов.
Будем заваривать чай
С мяты, посланце, покрепче,
Вешать на елку зайчат,
К марта готовить скворечник,
Править мечты. А потом
Холод отступит от окон.
И под весенним зонтом
Снова обнимется кто-то.

КУРГАН

Город седой, угловатый,
Будто бы склеен из ваты –
Снегом укутан зимой.
Город любимый и скромный,
Жмешься в проемах оконных,
Ждешь терпеливо домой.
В небо вплетаются ветки
Строгих деревьев, и терпкий
Воздух в подъездах с утра.
Тихий, воспрянешь под солнцем,
И по дворам понесется
Звонкой толпой детвора.

* * *

Жизнь времененным отрезком от
Работы до вечерних шкварок,
Я в быстром темпе вечный мот:
Мои года – чужим подарок.
Усталость правит и взрослит,
И в сорок лет мечты негодны,
Беру уверенность в кредит,
Ведь быть неслабым – это модно.

Остатки планов и надежд
Перебирает день-карманник,
А в памяти зияет брешь –
Не различу, где скорбь, где праздник.
С рассветом, чуть открыв глаза,
Вяжу судьбу на тонких спицах.
За справедливость крикнув «за»,
Боюсь в той правде ошибиться.
Губной помадой пожирней
Улыбку вывожу умело.
Как жаль – среди толпы людей
Моя душа осиротела...

БОЛЬНИЧНОЕ

Январь, осмотр, и начат год,
В палате новые мальчишки.
Пугливым врач шепнет: «Пройдет.
Нам все не зря дается свыше».

И взять ребят бы и обнять,
Забрать болезни и недуги.
Весь мир их – тумбочка, кровать
И вид в окне, где стонут выюги.

Слеза мелькнет, но стыдно так
Реветь юнцу в свои тринадцать –
На теле рваная черта
Вновь станет резью отзываться.

Какао утро подсластит
После привычно жидкой каши,
И будет день держать в горсти
Мальчишек и врачей уставших.

* * *

Между тенью и светом, молчанием и словом,
Между завтрашним днем и огарком былого
Я ищу твои шорохи, звуки внимая,
Сквозняками пробитая, сердцем немая.

В суетливости дня, в замирании пробок
Ты мерещишься каждым движением дорог.
Я ловлю очертания, беглые тени,
Обретая тебя, забывая потери.

Успокоится город под белым покровом,
И в груди отзовется спокойно и ровно.
Пусть торопится времяя, пеняя на стрелки, –
Я в объятьях твоих долгожданных и крепких.

* * *

После поздней, недоверчивой зимы
В быстрых па на зеленеющих пущах
Май красуется, и пляшет у стены,
И гуляет по сырьим дорожкам сада.

Подпевает бархатистым лепесткам
Тихим шепотом, гудением шмелиным,
Над водою у озябшего моста
Белит светом почерневшие перила.

Жизнь старательно вдохнув в земную твердь,
Возрождает между комьев первоцветы.
И в лазурь мечтает бабочкой взлететь
Кокон гусеницы на ростке планеты.

ТАНЕЦ

К нагретому хлопку примкнула щека,
В потоке трепещущих нот мы плывем,
Волнистые локоны гладят слегка,
И в тесных круженьях мы словно вдвоем.
В глаза проникает играющий свет –
Закроются веки без страха упасть,
Мой стан, твои плечи – вечерний дуэт,
Ты мне покорился, тебе я сдалась.
Окинет прожектор лучами черты,
Бесстыдно влезая в сплетенье сердец.
Достигнув душевной до слез наготы,
Нас в танце мирил поднебесный Мудрец.

ПРОЗА

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ЗА КРАСНЫМИ ГОРАМИ»

Многие сказки начинаются словами «В некотором царстве, в некотором государстве, за морями, за долами...».

Для нас, родившихся и выросших в посёлке Чкалова, красные горы отработанного боксита с западной стороны посёлка были неотъемлемой частью пейзажа. Они были видны отовсюду. С них мы катались зимой на лыжах, за них на закате пряталось солнце. Может быть, поэтому, когда вечером папа или мама начинали читать мне «В некотором царстве, в некотором государстве, за морями, за долами...», я мысленно добавлял «...за Красными горами...». С тех пор Красные горы стали частью моего детства, частью меня.

ЗАБЫТЬ НЕ В ПРАВЕ

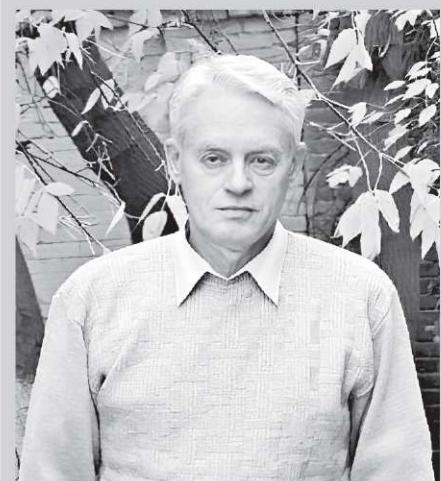
1

Память... Она измучила меня, переполнила всё моё сознание. Она без спросу вторгается во все мои дела и мысли, приносит с собой подчас, казалось бы, что-то давним-давно совершенно забытое: имена, лица, события... Но оказывается, что они не забылись, а от своей невозвратимости стали сегодня ещё более дорогими, чем в прежние дни.

Память... Очень непросто ладить с нею. Она знает обо мне больше, чем я того хочу. Не даёт забывать даже самые стыдные минуты жизни, как бы я ни хотел спрятаться от них или обойти их стороной. Она стоит рядом и безмолвно остерегает своим присутствием:

– Помни, чтобы такие минуты не случались снова.

Она не знает прощения за сроком давности: нет у неё такого срока – на то она и Память. И не купить у неё, неподкупной, прощение: не торгует она собою.

ПОКИДЫШЕВ
Николай Александрович

Родился 10 октября 1949 г. в городе Каменске-Уральском Свердловской области. С 1967 по 1972 г. учился на дневном отделении Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта.

После окончания института был распределён в Министерство обороны СССР и направлен для прохождения срочной службы в Управление военного коменданта железнодорожного участка и станции Курган Южно-Уральской железной дороги в должности помощника военного коменданта, затем на службу в Управление КГБ СССР по Курганской области. Занимался вопросами оперативного обеспечения безопасности на объектах железнодорожного, воздушного транспорта и безопасности объектов связи области.

Первые поэтические сборники Николая Покидышева вышли уже в зрелом возрасте. Его прозаические и поэтические произведения неоднократно публиковались в газетах России, в ряде журналов и альманахов, размещались на электронном портале Союза писателей России «Русское Воскресение».

Автор сборников стихов «Отголоски», «С тобою навсегда», «Неразделимость», «Звательный падеж», книг стихов и прозы «Осколок в памяти», «За Красными горами».

И не вымолить его даже самыми искренними мольбами. Скажет:

– Что же ты у меня прощения просишь? Ты у тех проси, кого обидел раз и на всегда.

А как же у них попросишь, если жизнь с одними давно разбросала, а других уже и в живых нет?..

Так вот и живём с нею. Я часто не знаю, чего ещё ждать от неё, когда и почему она бросится ко мне со всех ног и выложит вдруг передо мной что-нибудь из своих сокровищ, останется рядом и будет смотреть: как я встречусь с моим прошлым?

Почти забытого запаха цветов с клумбы летним вечером, обрывка мелодии, в которой сочетание нескольких нот напомнит совсем другую незабываемую мелодию, абриса женской головы, мелькнувшей в толпе, и похожего оттенка волос – любого случайного совпадения, знака прошлого достаточно ей, чтобы броситься ко мне с ворохом воспоминаний, выбить из рабочей колеи и настойчиво выспрашивать:

– Помнишь?.. Ты помнишь, как мальчишкой шёл с отцом в кино, а из мощных динамиков клуба, перекрывая летний уличный шум, плыл голос Марка Бернеса, и слова «Я люблю тебя, жизнь...», ещё не совсем понятные в таком возрасте, будили в тебе желание тоже запеть?

– Ты помнишь, как десятиклассником возвращался в автобусе из Свердловска, а ваш автобус сломался на половине дороги среди какого-то поля. Ты вышел вместе со всеми, смотрел на это цветущее поле, на видневшиеся вдалеке деревья.

И впервые как-то по-особенному понял: куда бы ты ни уезжал, всегда будешь помнить этот июньский день, это поле и всегда будешь возвращаться к ним.

– Ты помнишь вкус воды в реке, около которой вырос? Воды, словно настоящий на хвое сосен, растущих на её берегах?

– Да, – отвечаю ей, – помню.

И, словно подчиняясь ей, в последние годы я всё чаще и чаще вспоминаю самые дорогие для меня места на всей земле: наш Каменск, наш посёлок Чкалова. И хочется рассказать о том, какими они остались в моей памяти.

Хочется поделиться тем, что помнится из виденного мной и рассказанного моими родными, друзьями, знакомыми и случайными попутчиками, с которыми ненадолго сводила судьба в детские и школьные годы, в годы юности и зрелой поры.

Сводила за школьной партой и на студенческой скамье, в городской уличной суете, в залах ожидания вокзалов, в купе поездов, в каких-то неизбежных очередях – везде, где мы нечаянно встречались друг с другом. Вдруг кому-то, как и мне, сейчас невольно вспоминается наш посёлок таким, каким он был в то послевоенное время, как жили мы тогда и кто жил тогда рядом с нами...

И хотя всего не перескажешь, но, может быть, что-то из того, о чём я попытаюсь рассказать, дорого не только для меня?..

Память одного человека, наверное, вообще не может помнить всё подряд, а помнит только отдельные, ею самой выбранные эпизоды. Они легко могут войти в противоречие с воспоминаниями другого человека, пусть даже он был твоим ровесником и жил в одной с тобой коммунальной квартире или соседней комнате барака: его память имеет право на свой выбор.

Думаю, поэтому любые воспоминания – это только отдельные бусинки на ниточке времени. Можно долго собирать ожерелье из них, но никогда, наверное, нельзя будет уверенно сказать, что мы собрали все бусинки и теперь знаем всё, пусть хотя

бы о своём времени. И сегодня я хочу лишь предложить несколько своих бусинок, не зная даже, не подменила ли их память фальшивыми стекляшками, чтобы не расставаться с подлинными...

В документальных местах повествования я постараюсь быть предельно точным с именами и фамилиями всех, кто помогал в подготовке материала для книги, в лирических же отступлениях – рассказах, новеллах, стихах – встретятся как настоящие, так и изменённые, а то и просто вымышленные имена главных героев. В том числе и само повествование в них, даже если будет вестись от первого лица, не обязательно будет строго биографической исповедью тех, кто рассказывал о себе. Пусть порой в чём-то и возникнут совпадения, но мало ли самых невероятных совпадений встречается нам в жизни...

2

В книге «Осколок в памяти» в главе «Там, где родился и рос» речь шла о судьбах наших отцов и матерей, которых Война вырвала из родных мест и навсегда связала с Каменском-Уральским, с заводом, который они строили и работали на нём в мирное время до ухода на пенсию. В разное время завод назывался по-разному. В наше детство он вошёл как «почтовый ящик четыре».

Когда мой друг детства Михаил Алексеевич Шипилов прочитал своему папе Алексею Михайловичу, ветерану Каменска-Уральского металлургического завода, орденоносцу, отрывки из главы «Там, где родился и рос», то Алексей Михайлович, прикованный к постели возрастом и болезнью, сказал:

– Ну вот и о нас написали!..

В телефонном разговоре Михаил передал мне слова его отца.

БЕЗЫМЯННЫЕ ГЕРОИ – это о них. О тех, кто, зачастую не отмеченные наградами, прошли Войну, строили завод и город, жили рядом, растили нас, вкладывая всё лучшее, что могли, а потом тихо ушли из жизни.

Невозможно назвать их всех. Но сегодня, уже из другого столетия, мне представляется важным поклониться семьям: Тупиных, Горожанцевых, Пустоваловых, Лаптевых, Баженовых, Мокрушниковых, Сухановых, Аристарховых, Майоровых, Киселёвых, Хузиных, Волковых, Зиненко, Румянцевых, Буторовых, Кадочниковых, Конычевых, Мещеряковых, Вознюк, Широносовых, Шипиловых, Жернаковых, Шляпниковых, Дьяченко, Симановых, Тикуновых, Глинкиных, Волосниковых, Чумак, Бумровых, Пироговых, Стафеевых, Черноскутовых, Тельмановых, Ляховых, Трифоновых, Алёхиних, Пьянковых, Черепановых, Пшеницыных, Конюковых, Душкиных, Окуловых, Орловых, Меньшовых, Греховых, Захаровых, Зуевых, Зыряновых, Казанцевых, Полухиних, Скачковых, Соболевых, всем, с кем жили в одном бараке по улице Школьной, в соседских коммуналках по Западной, в «самстроевских» двухэтажках по Центральной.

Поклониться до земли семьям всех других жителей нашего посёлка и города!

Поклониться всем нашим учителям и наставникам! Всем, кто помогал нам на жизненном пути!

3

Наверное, многим из нас приходилось сталкиваться с тем, что большинство фронтовиков не любят рассказывать о войне. Особенно «молчаливы» воевавшие на Дальнем Востоке.

События с 9 августа по 2 сентября 1945 года официально называются «Вооружённым конфликтом в августе-сентябре 1945 года между СССР и МНР с одной стороны и Японской империей и Маньчжурией с другой».

В графе потерь значатся цифры: 12 031 безвозвратные и 24 425 санитарные. За двадцать пять дней «конфликта». За двадцать пять дней и ночей ожесточённых боёв.

Об одном из участников этих боёв, Кадочникове Николас Николаевиче, следующие строки.

С его дочерью, Любовью Николаевной Векшиной (Кадочниковой), мы учились вместе с первого по десятый класс. В последние годы встречи нашего школьного 1967 года выпуск проходят в её родном доме. Конечно, мы вспоминаем наших родителей, отцов-фронтовиков. И оказывается, что об их участии в войне свидетельствуют только краткие фразы и лаконичные записи в военных билетах. Так получилось и в случае с Любиным папой.

А сейчас строки из её письма:

«Мой папа, Кадочников Николай Николаевич, родился 19 февраля 1919 года в деревне Москвиной Кунашакского района Челябинской области. В семье был старшим ребенком среди шести детей. Образование 7 классов. До призыва в армию работал токарем на Уральском алюминиевом заводе.

В сентябре 1939 года призван в ряды Советской армии на Дальний Восток. В воинской части 179-го горно-стрелкового полка окончил курсы снайперов. С сентября 1940 года по май 1945 года проходил службу в 179-м горно-стрелковом полку на территории Южного Сахалина.

С началом активных военных действий с милитаристской Японией с мая 1945 года участвовал в военных операциях в составе 165-го стрелкового полка в должности помощника командира взвода.

Во время южно-сахалинской наступательной операции в августе 1945 года участвовал в штурме Котонского укрепрайона в долине реки Поронай.

Передовой отряд под командованием капитана Г. Г. Светецкого 165-го стрелкового полка в 11 часов утра 11 августа завязал бой за пограничный опорный пункт Хонда (Ханда), который прикрывал первую полосу обороны укрепрайона. В бой вступили подошедшие основные силы 165-го стрелкового полка. В течение ночи из бревен и подручных средств была сооружена временная переправа, и с рассветом пехота и танки атаковали Хонду. В ночь с 11 на 12 августа передовой отряд 179-го стрелкового полка, который вел командир батальона капитан Л. В. Смирных, прошел вдоль заболоченного левобережья реки Поронай и неожиданно для противника атаковал опорный пункт Муйка.

Бой за город и станцию Котон продолжался двое суток. Активные действия батальона Смирных решили исход схватки. К вечеру 15 августа полк полностью овладел Котоном. 16 августа капитан Смирных погиб.

Из рядов Вооруженных сил СССР папа был демобилизован только в июле 1946 года, т.к. Советский Союз на Дальнем Востоке держал воинские части в боевой готовности. Поэтому служба и продлилась долгих 7 лет. Приходилось лежать часами со снайперской винтовкой в сопках в любое время года. Папа был награжден боевыми медалями «За отвагу» и «За победу над Японией». К сожалению, орден Отечественной войны II степени нашел его только в 1985 году.

Особенно дорога моему папе была медаль «За отвагу».

Только с возрастом начинаешь понимать, почему фронтовики не любили рассказывать о войне. Даже в памяти они не хотели возвращаться к тем страшным

событиям, но помнили о них всегда. На просьбу рассказать о войне папа всегда отвечал «просто воевали, делали то, что должны были сделать». Лишь год назад, когда Центральный архив Министерства обороны начал публиковать рассекреченные материалы об участниках Великой Отечественной войны, в наградных списках под номером 24 на странице 190-й я нашла следующие, написанные от руки строки:

*«Пом. ком. взвода 2 стр батальона ст с-нта Кадочников Николай Николаевич
В бою 13.8.45. за укреп р-н под пулемётным огнём пр-ка первым подполз к ДЗОТу
и забросал гранатами амбразуру, уничтожил лёгкий пулемёт. Рождения 1919 (далее
текст выбелен) Русский член ВКП(б). Рабочий в РККА с 1939 призван Каменским
РВК Свердловской обл. Домашний адрес (текст выбелен)».*

4

Мы любим Каменск, потому что он наш родной город.

Оказывается, его любим не только мы. Его любят и те, кто, пусть и недолго, жили в нём.

В начале войны в Каменск эвакуировалась семья Сергованцевых с семилетним сыном Колей. После Победы они вернулись в европейскую часть страны. Сын Николай окончил Тамбовский пединститут, а позже Литературный институт им. Горького, стал известным писателем Николаем Михайловичем Сергованцевым (1934 – 2012). И не просто писателем – членом Высшего творческого совета Союза писателей России. Он работал в главных журналах страны: «Октябрь», «Огонёк», «Наш современник», был главным редактором издательства «Советская Россия». Николай Михайлович – автор книги «Мамин-Сибиряк» в серии ЖЗЛ.

В таком еще недалёком 2011 году мы договорились по телефону с Николаем Михайловичем о том, что я привезу ему свою книгу о Каменске-Уральском, о тех, кого судьба тоже забросила на Урал с началом войны, кто сроднился с ним и не расстался до последнего своего часа. Привезу фотографии нынешнего города – города, который Николай Михайлович так хотел снова увидеть, но не позволяло здоровье.

Встречу назначили в Союзе писателей.

Я приехал в Москву, но Николай Михайлович был болен. Только в декабре, с оказией, удалось передать ему и книгу, и фотографии. Позже, вновь в разговоре по телефону, Николай Михайлович благодарил за посылку и признавал, каким почти неизвестным стал город спустя столько лет, выразил надежду, что в следующем году мы всё-таки встретимся…

Жизнь распорядилась по-своему.

Не буду говорить, какой болью отозвалось во мне известие о том, что Николая Михайловича не стало.

Сегодня мы не сможем спросить: а что чувствовал семилетний Коля Сергованцев, когда вместе с другими эвакуированными ехал в незнакомые места? И рассказать он уже не сможет.

Но этой же дорогой в ноябре 1941-го из подмосковного Ступино вместе с другими работниками эвакуируемого по распоряжению Наркома авиапромышленности Ступинского металлургического завода № 150 в эвакопоезде ехала моя мама – пятнадцатилетняя девочка Аня.

Вот что ей запомнилось.

«... Я не знаю, как родителям на заводе объявили об эвакуации, но помню, что уезжали из Ступино, когда уже лежал снег и стояли холода. Куда едем – никто не знал, знали одно: на Урал. А какой он, этот Урал, тоже не знали.

Перед отъездом родителей на заводе отоварили в дорогу мукой.

Везли в пульмановских вагонах, в которых почему-то стояли маленькие, как «буржуйки», печки. На них и готовили себе. Кипяток в вагоне тоже был в титане, но некоторые выбегали с чайниками на остановках, чтобы набрать себе, как они говорили, «свеженького». Не каждая остановка была рядом с вокзалом, и не везде рядом был кран с кипятком.

Проводников в вагоне за всю дорогу почему-то ни разу не видели.

Ехали долго. Хорошо помню, что в Каменск приехали 15 декабря 1941 года.

Со станции нас привезли в поселок, рядом с которым и должны были восстанавливать эвакуированный завод.

Поселили кого в большие палатки, кого в бараки. Внутри бараков, кроме деревянных нар, ничего не было. У каких семей нашлось чем занавесить свои нарь, занавешивали, у кого нет – так и жили на виду. Одновременно строились другие бараки: уже с раздельными комнатами вдоль сквозного коридора. Строили спешно, в стены для тепла засыпали шлак. В барак заселяли в неоштукатуренные комнаты, но и этому были рады... ».

Таким же, наверное, увидел Каменск военной поры и Коля Сергованцев. И полюбил наш город, и не забыл его...

Не забыл его и Герман Алексеевич Травников, с которым мы знакомы много лет по совместной работе в Советском фонде культуры.

В Каменске в 1966 году молодой художник Герман Травников, ныне народный художник России, картины которого находятся во многих зарубежных музеях, зарегистрировал свой брак с Ольгой Константиновной, работавшей инженером киноустановок во Дворце культуры «Юность».

Однажды при нашей встрече в его мастерской, когда мы снова разговаривали о Каменске, Герман Алексеевич с его удивительной памятью вспомнил частушку, услышанную им в шестидесятые годы:

На УАЗ дорога прямо,
А с УАЗа косяком.
На УАЗ пошёл в ботинках,
А с УАЗА босиком...

Конечно, не в одной частушке дело, пусть даже она своей лаконичностью и игрой слов западает в память. Живописность города и окрестностей поразила его. И когда я говорю Герману Алексеевичу о своей предстоящей поездке к родным, он всегда отвечает: «Передавай привет Каменску!»...

ЕСТЬ ГОРОД, КОТОРЫЙ Я ВИЖУ ВО СНЕ...

Человек не выбирает место, где ему родиться. Но только он сам, заглянув в своё сердце, может ответить себе: дорого ли ему это место?

Многим из нас даже и заглядывать не надо. И без этого с детских лет звуки его названия неразрывны с нами, как звуки слова «мама».

Твой дом, улица, на которой он стоит, деревья около дома, дорога от дома к детскому саду, а потом к школе, ширь реки, протекающей через город, и горячее тепло

песка на пологом её берегу, и высоченные скалы на другом. Наверное, из этого простираются вначале почти незаметные ниточки-привязанности к месту твоего рождения.

И однажды наступит день, когда ты вдруг поймёшь это и признаешься себе:

– Я и не знал, мой город, как тебя люблю!..

Город не кинется тебе на грудь от этого признания. Но он всегда будет ждать тебя: утром, едва ты выйдешь из дома, и к концу дня возвращающегося с работы, и вечером, глядя в твои глаза светлыми глазами уличных фонарей.

Он терпеливо будет ждать твоего возвращения из командировок и долгих разлук. И когда, вернувшись, ты спустишься с высокого вокзального крыльца, он обнимет тебя своим ветром, потянется навстречу ветвями деревьев и желанным лабиринтом улиц и переулков. А дороги, выгибая чёрные спины, приведут, наконец, к родному дому.

Тогда и ты почувствуешь: как ты нужен своему городу!..

У каждого города, как и у нас, есть дата рождения, тоже занесённая в документы и закреплённая печатью. А если есть начало отсчёта, то есть и своя история. И у места, на котором он стоит, – тоже.

И история этого места уходит к привычным для нас со школьных лет историям древнего мира.

Эту часть главы хотелось бы начать с обширной цитаты из книги «Каменск-Уральский. В панораме трёх столетий»:

«...В 1955 г. экспедиция под руководством археолога В. С. Столокоса в результате раскопок древнего поселения Лужки у села Волкова (в черте современного Каменска-Уральского) обнаружила, что территория будущего города заселялась дважды: с XVIII по IV в. до н.э. и в IV–VIII вв. н.э. ...Другая редкая находка была сделана в 1958 г. на окраине города во время земляных работ. Это бронзовый наконечник копья, возраст которого датируется серединой II тыс. до н.э. ...».

Столь же давний период упоминается в книге «Край по имени Далмата. 1644–1924, том I»:

«К началу II тысячелетия до н.э. Южное Зауралье было заселено скотоводами-земледельцами... Их поселения и могильники обнаружены в Зауралье по берегам рек Исеть, Миасса, Тобола и их притоков...». Что же примерно происходило в то время в мировой истории?

У Оскара Егера, в его «Всемирной истории» в томе 1 «Древний мир», в главе первой «Страна и народ в Египте» есть удивительные слова:

«... Откуда и когда сюда явились первые поселенцы – вопрос не исследованный: вероятно, они принадлежали к кавказскому племени, и культура здесь шла с севера на юг по реке, а не обратно... Эти поколения жили мирно в течение многих веков, как вдруг около 2100 г. до н.э. ... союзу кочевников, живших в восточной пустыне, удалось ворваться в Египет, и «князья пастухов», иначе – гиксосы, в течение 500 лет господствовали в Египте...».

Там же, в главе второй «Эллины. Происхождение и история нации до столкновения с персами», читаем:

«... Основным и первоначальным событием в истории той части света, которую называют древним семитским названием Европа (полуночной страны), было нескончаемо долго длившееся переселение в неё народов из Азии... Эту эпоху переселений приурочивают обыкновенно к 1104 г. до н.э., конечно, совершенно произвольно, потому что у подобного рода событий никогда нельзя определённо указать ни их начало, ни конец...».

Но возвратимся в родные места. На странице 13 раздела «Греки и арабы в Западной Сибири» в книге «Край по имени Далмата. 1644–1924, том I» имеется ссылка уже на более близкое время:

«Торговые связи греков с Уралом получили сильное развитие около 700 годов до н.э.». А за Уральским хребтом они «вели торговлю с кочевым племенем – исседонами, игравшими роль торговых посредников».

Далее идёт примечание об исседонах, что это название встречается в трудах Геродота: того самого Геродота из Галикарнаса (около 484 – 425 г. до н.э.), греческого историка из области Кария, которого Марк Тулий Цицерон удостоил почётного имени *Pater historiae* (Отец истории).

И очень привлекательное предположение:

«... Немецкий же учёный К. О. Мюллер считал, что слово «исседоны» лежит в основе названия древнего государства Иссетии и сохраняется ныне в названии уральской реки Исеть».

И правда, в труде Василия Татищева «Сказание Геродота Гелиокарнасского о скифах, сарматах и прочих» на карте мира времён Геродота рядом с областью MASSAGETAE обозначена область с названием ISSIDONES. Пусть среди названий рек у В. Татищева не упоминается Исеть, но, видимо, профессор из Геттингена Карл Отфрид Мюллер располагал достаточными основаниями для своей гипотезы. И совсем не исключено, что на других более подробных картах древнего мира наша Исеть была нанесена. Может, называли её на каждом языке на свой лад, но знали, где она течёт.

Вот, оказывается, в какой дали таятся истоки человеческих судеб, однажды приведшие к образованию нового поселения людей, которое станет нашим городом.

Около тридцати с лишним лет назад я решил почтить о Каменске в дореволюционных изданиях: именно в дореволюционных – к тому времени я уже нечаянно убедился в определённой «заданности» энциклопедических статей в послереволюционных изданиях. Стоило сравнить, например, строки о С. А. Есенине из литературных энциклопедий разных лет издания, как поневоле ты наталкивался на взаимно противоположные формулировки от «упаднический» до «великий русский поэт».

Это сейчас можно набрать в «поисковике» «Яндекса», «Майла» или «Гугла» сочетание «Каменск-Уральский» и через секунду увидеть на мониторе компьютера подборки статей по заданному вопросу.

Конечно, удобно. Но исчезла достоверность получаемой информации. Исчезло таинство первооткрывания, когда ты сам намечаешь путь поиска, перерываешь библиографические картотеки с их алфавитными и системными каталогами, пролистываешь гору книг... И, наконец, находишь необходимый материал, переписываешь его в принесённые блокнот или тетрадь. И чувствуешь себя таким счастливым, как будто в огромной толпе отыскал своего потерянного ребёнка...

По этому пути, через библиографические картотеки Курганской областной библиотеки, сейчас – Курганской областной универсальной научной библиотеки имени Алексея Кузьмича Югова, библиотеки, читателем которой был и остаюсь с первых дней приезда в Курган, я начал искать материалы по истории Каменска.

Так вот, в томе XIV «Энциклопедического словаря» издателей Ф.А. Брокгауза (Лейпциг) и И.А. Эфрана (С.-Петербург) 1895 г. издания, полученного в читальном

зале библиотеки, в первой полосе на странице 173 нашёл выделенные жирным шрифтом слова «Каменскій заводъ».

Далее шли известные всем, кто изучал или читал историю Каменска-Уральского, строчки: «*казённый чугунно-плавильный и литейный зав. Камышловскаго у., Пермской губ., въ 70 в. отъ у. г. на рч. Каменке, близъ впаденія ея съ лев. стороны въ Исеть... Одинъ изъ древнешихъ въ России горныхъ заводовъ (см. Железенка, XI, 765)*». Пришлось взять ещё и одиннадцатый том и посмотреть, при чём здесь какая-то Железенка. На странице 765, также с «серами» и «ятями», написано:

«*Железенка (т. XI, 765) – старое имя р. Каменки Пермск. губ. Въ 1682 г. монахи Далматовскаго монастыря основали тут Железенское поселье и устроили железный завод, в 1699 г. поступивший в казну (см. Каменскій заводъ)*».

Ничего не оставалось, как посмотреть «Далматовский монастырь» и «Железенское поселье».

Но о поселье, наверное, лучше процитировать строки монаха Исецкой (так писалось) заимки Филарета Черницына:

«*На Железенке речке (Каменке) монастырский дворец, на дворце строение: изба на змостье, пред избою клеть и сени в поклети, тоя же клети, закромы хлебныя, изба большая поземая, к избе прирублены сени о двух жильях; на углу двора теплый хлев и две стаи большии, над нею сараи под драничною крышей; вне дворца в отставке, кузница с наковальненою, клемшами, мехами, домнича – плавят железо; в ней две печки с кричными клемшами, с тремя поварничами; перед домницами сараи угольный прирубной, ступа и пест, чтобы железную руду толчи, погреб с погребницею и на речке Железенке одна поставная мельница*».

О такой тесной причинной связи между существованием монастыря и зарождением родного города я не знал. Наверняка, когда в школьные годы нас приводили в городской краеведческий музей, специалисты музея рассказывали об этом. Но разве мы запоминаем всё, что слышим во время экскурсий?

ПОЭЗИЯ

ЗЮСЬКИН
Владимир Константинович

Родился в г. Шадринске Курганской области. Журналист, поэт, прозаик, эссеист, критик. Окончил факультет журналистики УрГУ. Работал в СМИ Урала, Сибири, Украины, Сахалина. Печатался в журналах: «Урал», «Уральский следопыт», «Веси», «Сибирские огни», «Дальний восток», «Российский колокол», «Новая литература», «Русское эхо», «Автограф», «ФОЖная звезда», «Литра», «Тобол». Издал семь индивидуальных сборников стихов и документально-художественную повесть «Истребители танков».

Лауреат премии «Золотой Рифей», член Интернационального Союза писателей. Проживает в Самаре.

СТИХИ О ШАДРИНСКЕ – МОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЕ

ХУДЫ МЫ БЫЛИ И ЛЕГКИ...

По Комсомольской, через кладбище.
И вот она – река Канаш.
Я помню наш нехитрый пляж,
Где мы, погодки и товарищи,

Валялись, обретя пристанище
От педагогов и мамаш.
Подначки, удаль и кураж
Витали в воздухе. Тогда еще

Худы мы были и легки.
Царапины и синяки
Нас украшали, а не шрамы.

И, глупой радостью лучась,
Так были счастливы тогда мы,
Как нам уже не быть сейчас...

* * *

Дымкою дальнего детства одет
Маленький домик за шатким забором,
Черный, нахолленный грустно,
как ворон,
Бельмами окон глядящий на свет.

Дням безоглядно умчавшимся вслед
Долго смотрю опечаленным взором.
Память как холст.

Кое-где он изорван,
Но полинявших узоров там нет.

Видно, старею, раз тянет к местам,
Где начинал. А быть может, устал,
Корни оставив, по свету носиться.

Домик – песчинка песочных часов,
Жизни моей непростая частица –
Слыши твой душу пронзающий зов.

В ГОСТЯХ У ДРУГА ДЕТСТВА

Гостем приехал я в город родной.
С другом сидим за накрытым столом.
Вот он достал, положил предо мной
Старый, потрепанный фотоальбом.

Воспоминаний мятущийся рой
Вызвали мы, невзначай совершив
Желто-багровой, осенней порой
В прошлые годы безумный прорыв.

Тополь в окне – словно в тихом огне.
Отсветы листьев заполнили дом.
Дерево это припомнилось мне
Саженцем с тонким, как ветка, стволом.

... Саженцы на оскудевшей земле
Послевоенных отчаянных лет,
Мы запекали картошку в золе
Не потому, что заманчивей нет.

Это когда? Да полвека назад!
Тополь еще не маячил в окне.
– Вот, посмотри, вспомнишь этих ребят?
Друг показал фотографию мне, –
Четвероклассники. Это Лихач...
Это Суханчик... Вот Рева... А вот...
Как его? Помнишь? Удал и горяч...
– Борька Тимир, если память не врет.

Помню. Уроки с утра, а потом
Жизни фартовой учила шпана.
Не оттого на жargonе блатном
Мы изъяснялись, что ночка темна.

Не для закалки носили пальто,
Что продували любые ветра:
Бедность кружила, как ворон. Зато,
Словно Жар-птица, манила игра
В смелых и ловких воров. Не корысть
Нас увлекала, а жажда броска.
И Никитос, оторвавшись, как лист,
В зоне завис от звонка до звонка.

Следом за ним спецэтапом пошли
Рева, Суханчик – мои кореши.

Скучно им складывать было в рубли
В цехе добытые потом гроши.

Павка Корчагин, Олег Кошевой –
Тускло светились. Сиял ореол
Вора в законе, который, конвой
Переиграв, на свободу ушел.

И как разведчик в тылу у врага,
Жил он с финягою за сапогом.
Женщины, водка. Судьба колобка.
И не жалеть ни о чем, ни о ком.

И пусть по следу идут «мусора»,
И пусть к десятке не выпадет туз –
Вкус и кураж обретает игра,
Если ты духом силен и не трус...

Сел бы на нары и я. Шло к тому,
Да повернулось судьбы колесо.
Я и сейчас до конца не пойму,
Что меня в центр областной понесло.

Как я попал не на зону, а в вуз,
Без подготовки экзамены сдав?
Это как в майке взойти на Эльбрус
Или реку переплыть в лесосплав.

Мне повезло. На стезю колею
Смог поменять. Хоть порою и вкось
Шла она, я оставался в строю.
А вот погодкам-друзьям не пришлось...

Рушатся и возникают миры.
Не повернуть реку времени вспять.
Где мне понять смысл Господней игры?
Как не роптать, как слезу не ронять?

Быстро пустеет графин на столе.
Голову кружит, да сердце болит.
– Где Лихачев теперь – Колька?
– В земле.
– Ну а вот этот?
– Он в зоне... Сидит.
Так поднимай, уцелевший мой друг,
Рюмку, наполненную до краев,
За недоживших друзей и подруг,

За наломавших поленницы дров.
Водка горька, как прошедшая жизнь.
Рад я, что выжил ты, что на ногах.
Осень за окнами, но не тужись.
Страх перед старостью – ну его в прах!

Трасса кончается финишем. Что ж,
Киснуть душой на последней прямой?
Да и к чему он, сердечный скелет?
В вечность войдя, возвратимся домой.

... Тополь в окне – словно в тихом огне.
Отсветы листьев заполнили дом.
Дерево это припомнилось мне
Саженцем с тонким, как ветка, стволом...

ПРОЗА

НУЛЕВОЙ ВАРИАНТ

ВАЛЬТЕР

Литературный псевдоним Шибаева Юрия Вальтеровича. Под ним автор известен в сетевом журнале «Самиздат», где в основном размещены плоды его творческих усилий.

Родился в 1951 г. в Башкирии. Окончил факультет иностранных языков Курганского педагогического института, Академию МВД СССР. Преподавал в школе, работал в органах внутренних дел, службе судебных приставов. Печатался в местной периодике, еженедельнике «Попутчик криминала» (Санкт-Петербург), коллективном сборнике «Сила символа» (Рязань). Недавно вышел сборник его стихов и рассказов «Вернуться к самому себе». Живет в Кургане.

В альманахе публикуется впервые.

Модест Иванович не любил детей. Ни своих, ни чужих. Никаких. Не любил – и все. В принципе. Как класс. Не то чтобы он был букой-бякой и специально напускал на себя нелюбовь – нет, само так получалось. Естественным путем.

Своего он худо-бедно вырастил. Хапнул горя, конечно. Пеленки-распашонки, тазики-шмазики, коклюши-шмоклюши... И ведь что обидно – лучшие годы на это ушли. Его приятель, который был пятью годами старше и «отстрелялся», соответственно, раньше, узнав, что юный Модест готовится стать папашей, беззлобно предрек: «На три года выпадешь из гражданского оборота. Как минимум». Красиво сказал, гад! Модесту это выражение понравилось – «выпасть из гражданского оборота». Позднее он сам его не раз использовал, напутствуя идущих следом. Это сейчас «идущие» все больше «вместе» идти норовят, а тогда таких вольностей не знали, шли след в след, как положено. И хоть призывал Высоцкий «выбираться своей колеей» – а боязно. Ну как накажут. Впрочем, мы отвлеклись.

Так вот. Гражданский оборот в полном соответствии с предсказанием резвился где-то в стороне, а Модест Иванович утират детские сопли, стирал пеленки, красил масляной краской батареи отопления в детском саду, до посинения читал ненавистного «Айболита» – и прочая, и прочая, и прочая (перечень можно продолжить по вкусу и сообразно с личным опытом). Время от времени холостые приятели зазывали его по старой памяти на мальчишники (часто, как водится, совмещаемые с девичниками), но он вынужденно отказывался. А если и срывался иногда, то неизменно испытывал потом чувство глубокого рас-

каяния и тщательно зализывал семейные раны. Модест Иванович был человеком ответственным.

Но не только. Еще он был человеком творческим. Не в смысле, что творил по долгу службы, – нет, тут как раз все обстояло более чем заурядно, а – в душе. Была у него заветная тетрадочка в коленкоровой обложке, куда он смолоду записывал всякую всячину. Иногда это были просто дневниковые пометки, иногда – стишки, а один раз, аккурат незадолго до рождения сына, он замахнулся на поэму. Пару страниц осилил, потом забуксовал, потом в доме появилось беспрестанно орущее существо – и тетрадка надолго залегла на антресолях. Но Модест Иванович о ней помнил. И тосковал. Более того, он как-то подсознательно чувствовал, что главное в его жизни – в этой тетрадке. И если бы не суeta, да не постылая работа, да не семейное болото, да не... Эх, да что говорить!

А годы шли. Сын подрастал, карьера медленно, но верно вырнула к руководящему креслу, гражданский оборот (вот привязался!) стал понемногу приоткрывать свои полуза�отые кладовые, и жизнь вновь вошла в привычное русло. Более того – русло оказалось шире, чем Модест Иванович изначально предполагал. Неожиданно оказалось, что он довольно интересный мужчина и что окружающие женщины не всегда заняты только семейными заботами. Он втянулся в степенные мужские разговоры в курилке, стал болеть за «Спартак», захаживать с приятелями в рюмочные, пару раз съездил на рыбалку, но не увлекся. Копил на машину, строил гараж. Порой не ночевал дома, но всегда находил тому разумные объяснения. Словом, *sor et pulver in norma**, как писали эскулапы в его медицинской книжке.

Неприязнь к ребячьему племени проявляла себя по-разному. Во-первых, он тяготился присутствием в доме собственного чада и искренне радовался, когда того удавалось сплавить куда-нибудь к родителям в деревню, в пионерский лагерь, школьный турпоход и так далее. Во-вторых, он никогда не брал на руки чужих детей, не сюсюкал с ними; не понимал телячьего восторга, который выказывали некоторые его знакомые, будучи описанными в гостях хозяйствским отприском; не носил чужим детям гостинцев и всякий раз, попав по той или иной надобности в школу, испытывал неподдельный ужас при виде несущихся по школьным коридорам и все сметающих на своем пути мамаевых пацанских орд. Да много всяких проявлений было. Модест Иванович давно поймал себя на этой неприязни, но голову не забивал и натуру свою не насиливал: «Нет так нет, конституция такая», – мысленно говорил он себе.

Годам к тридцати пяти он занял-таки невысокое руководящее кресло, купил машину, отпустил животик и плыл по жизненному морю вполне устойчиво. Коленкоровые тетрадки понемногу росли в числе, и он даже стал хаживать по редакциям. Кое-что брали, в основном стихи, но мало. Жена не разделяла его тяги к сочинительству, и он боролся со словесной рудой в гордом одиночестве. Смолоду у него был преданный читатель, одноклассник Генка, но к зрелым годам пути их разошлись: Генка не поступил в вуз, вкалывал простым шоферюгой, пил, часто менял места работы и жен. Модесту Ивановичу это не нравилось.

Так, ни шатко ни валко, прошли лет пять-семь. Вот говорят же знающие люди, что после сорока в мужика бес вселяется. Оно и понятно. Тиранши-теши дряхлеют и заняты в основном своими выпадающими зубами, женины подружки на поверхку оказываются розданными из той же колоды, вспоминаются нереализованные юно-

*сердце и легкие без патологий (лат.).

шеские амбиции, последний вагон смачно гудит «ту-ту!» – словом, успевай, пока трамваи ходят!

И он кинулся за последним трамваем. Без особого азарта, так – смены обстановки для. Ничего особо нового в этой гонке не обнаружил и все чаще и чаще стал подсаживаться к заветной тетрадке. И попал в клинч. Между женой и тетрадкой. Они обе – и чем дальше, тем настойчивее – требовали к себе его эксклюзивного внимания. Он помаялся, помаялся – и выбрал тетрадку. Тем более что сын к этому времени вырос, перестал тянуть на себя одеяло и отрывался вне дома какими-то новомодными, не ведомыми Модесту Ивановичу способами. И хорошо. Леди с дилижанса – кобыле легче.

Развод прошел тихо. Слез не лили, имущество не делили. Модест Иванович гордо и благородно ушел в пустоту. «С одним чемоданом», – как любил говорить один из его дружков, побывавший в подобной ситуации и сильно себя за это (не за ситуацию, а за сиротский чемодан) уважавший. Попили с дружком, обменялись опытом выживания в экстремальных ситуациях. С другим дружком попили. Тоже обменялись. С третьим… Наконец, Модест Иванович оказался в объятиях некоей вдовы – да там и задержался. Какое-то время понахлебничал, отрабатывая задолженность тем, чем Бог снабдил мужика, потом упёрся в работу, походил (куда деваться?) по начальству – и выхлопотал себе однокомнатную квартиру. Без сожаления расстался со вдовой и зажил своим хозяйством.

Вот тут он развернулся в полной мере. Так, как считал нужным. Ни у кого не спрашивая и ни перед кем не отчитываясь. Его природные основательность и аккуратность не позволили ему запустить квартиру, превратить её в притон отвергнутых любовников и непохмелившихся гениев. Стиральная машина стирала, газовая плита газовала, холодильник холодил, телек чего-то там телячил. Но главное – с ним были его тетрадки. Он и раньше слышал, что жизненные невзгоды сильно способствуют творчеству, а тут убедился в этом на своей шкуре. Тетрадки пухли как на дрожжах. Причем проходняк он отвергал, тщательно чистил свои детища, шлифовал рифмы, подбирал слова. Он и сам видел, что стал писать лучше. Прямо болдинская осень, да и только.

Однако в бобылях было скучновато. Иногда мелькали какие-то дамы, но по долгу не задерживались. Все основные друзья были обременены семьями, а случайных знакомцев он избегал, ибо не раз обжигался. Отдушиной были тетради и – из песни слова не выкинешь – бутылочка. Он не злоупотреблял, нет. Попивая любимое с юности белое сухое, просиживал иной раз целые ночи над занозистым четверостишием, сложной фразой, листал справочники, словари – и вспоминал, вспоминал…

Он вспоминал студенческое литобъединение, темные, тайные глаза девчушки с параллельного потока, которая, как он догадывался, ходила на их сборища только из-за него, балбеса; он вспоминал обрывки ранних своих, утерянных стихов, сюжеты несложившихся рассказов, споры в прокуренной комнате общаги о Пастернаке, Блоке, Метерлинке; он вспоминал первые поцелуи, нелепые стычки с дружками-со-перниками, дурное брожение в крови, азарт и неуемность юности… Он вспоминал.

Как-то, сморившись над раскрытым тетрадью, он заснул за столом на кухне, а когда проснулся – тетради на месте не оказалось. Разбираться было некогда, он быстро умылся, позавтракал и умчался на работу. Вечером основательно все перескрыл – пусто. Перерыл по второму кругу, по третьему – тот же результат. Куда ж она

делась, зараза?! А жалко, там выкраивался хрупкий, тонкий и высокий сонет. Так, по крайней мере, ему с вечера помнилось. Тетрадь не нашлась.

В другой раз он долго и безуспешно искал электробритву, которая всегда лежала на одном и том же месте и нигде больше лежать не могла. Даже если бы небо обрушилось на землю, она бы продолжала покоиться на второй полке шкафчика, рядом с трюмо. Делать нечего, пришлось купить новую бритву. Но какой-то дискомфорт невнятно и угрюмо навис над его скромным жилищем.

Модест Иванович исподволь, сам над собой посмеиваясь, стал интересоваться подобными случаями. Чего раньше за ним не водилось. Как ни странно, тема была с жаром подхвачена в курилке. На него обрушился шквал подобных историй, советов и даже вполне проверенных рецептов борьбы с нечистой силой. Дожили! Один рецепт ему особенно понравился: нужно оставить на ночь на месте пропажи рюмку водки, накрытую куском черного посоленного хлеба, и, укладываясь спать, соторить над ней нечто вроде заклинания: «Хозяин, хозяин, верни мое добро, а я тебе услугу!» Красиво, черт возьми! И романтично. С некоторых пор Модест Иванович стал податлив на подобные сентиментально-патриархальные штучки.

Когда примерно через полгода он не нашел в квартире взятую накануне у приятеля книгу (потерять чужую вещь – немыслимо!), он чуть ли не обрадовался. В нем проснулся азарт исследователя. Купив чекушку водки, он оставил рюмку на журнальном столике, произнес заветную фразу, остатки водки допил и завалился спать. Наутро стопка оказалась пустой, хлеб исчез, а на столике нагло блестела супербложкой бесстыжая книжнянка. Радоваться тут или как? Модест Иванович задумался. Что-то неуютно ему стало в доселе родной и до последнего пыльного уголка знакомой берлоге. Мой дом – моя крепость? Кто в доме хозяин? Ну-ну...

Вскоре в его жизни наметились крутые перемены. Модест Иванович влюбился. Не сразу и не горячо – так, как был на тот момент способен. Татьяна (так звали новую знакомую) понравилась ему своей спокойной русской красотой, рассудительностью, душевностью. Да и стосковался он один за два-то года холостяцкой жизни. Отношения развивались быстро. Через месяц Татьяна перебралась к нему, а еще через два они поженились. Не любил Модест Иванович эти современные фифти-мифти, сожительства всякие, необязательность. Живешь – так живи открыто, нечего хвостом вилять. Правильно?

У Татьяны тоже была однокомнатная квартирка, дочь-студентка жила и училась в соседнем городе, и ничто не мешало «молодым» наслаждаться счастьем. С полгода они не вылезали из гостей, знакомились с его друзьями, ее друзьями, разъезжали по дачам, шашлыкам – словом, прожигали жизнь. Потихоньку обустроились. Сначала сдавали ее квартиру внаем, потом объединились в трехкомнатную, обставили, зажили степенно. Модест Иванович еще подрос на работе, стал ездить на персональной служебной «Волге».

Годы шли. Дочь Татьяны – Лена – окончила институт, вышла замуж за однокурсника Сашу и осталась с мужем в соседнем городе, где они сразу же принялись строить двухэтажный коттедж, как теперь принято. Вскоре родили ребятенка. Модест Иванович с Татьяной часто навещали их, сдружились со сватами, радовались, что все так ладно получается. Татьяна, в отличие от первой жены, поддерживала Модеста в его творческих исканиях, хвалила его опусы, не ревновала к своим равненным музам. Эх, хорошо!

Однако давно подмечено, что когда очень хорошо – то тоже нехорошо. Молодежь нынче нетерпеливая, им вынь да положь все сразу. Сваты стали позванивать с тревожными сообщениями, что у молодых не все ладно. Пару раз приезжала Лена, жаловалась, что Саша гуляет. И вообще – грубый он, неделикатный. А куда смотрела? Тучи сгущались-сгущались – и разродились проливным дождем: приехала Ленка с грудным дитем под мамину крышу. Здрасьте! Вот мне как раз вас тут не хватало! Одно дело – любить на расстоянии, а другое – когда ежедневно и еженощно рев чужого дитя слушать. Модесту Ивановичу и собственного-то чада рев не особо нравился, а тут под старую задницу такие концерты. *Sans piano ni l'orchestre**.

Мало-помалу ситуация все же стала рассасываться. Малыш Славка подрастал, Ленка устроилась на работу, после долгих тяжб с бывшей родней выменяли ей крохотную гостинку неподалеку от себя и понемногу успокоились. Однако черных кошек за это время между всеми столько успело напробегать, что на пять куклаческих театров хватило бы. Модест Иванович с горечью обнаружил, что прежние доверительные отношения с женой ушли в прошлое, стал попивать, тут и на работе его слегка подвинули, и он снова стал разъезжать на общественном транспорте, как и все порядочные люди. Дело шло к пенсии.

Татьяна все чаще и чаще пропадала у дочери. И это бы ладно. Но и дочь к ним повадилась вместе с чадом, а то и одно чадо подбрасывала, соло. Тут у нее как раз пошла очередная полоса женитьб-разженитьб, знакомств-раззнакомств – и Славка стал лишним. К этому времени он вовсю навеличивал Модеста Ивановича дедушкой, тянулся к мужскому общению, ходил по пятам. Тетрадки опять осиротели.

Теперь Модест Иванович не спешил домой, как раньше. На полдороге между службой и своей пятиэтажкой он обнаружил неплохую, сравнительно дешевую забегаловку и пристрастился попивать там пивко с фисташками. Иногда, под настроение да под хорошую компанию, и водочкой это дело «лакировали». Официантки уже знали его в лицо и по имени и не удивлялись, когда он время от времени просил у них клочок бумаги и ручку. Прямо тут же, что твой Модильяни, он набрасывал пришедшие в голову строки, сюжеты, а дома переносил их в тетрадь. Жизненный вектор как-то незаметно стал поглядывать чуть вбок и в сторону.

Маленький Славка – и так-то чужой – был еще, по мнению Модеста Ивановича, плохо воспитанным и избалованным ребенком. Слова «нельзя» он не понимал, а свое «хочу!» носил как флаг и изрекал безапелляционным тоном, как истину в последней инстанции. Татьяна ему в этом потакала. «За что мне это наказанье?» – думал иногда Модест Иванович, рассеянно вглядываясь в дно пивной кружки. Кружка молчала. Впрочем, были у Славки и положительные черты: он быстро впитывал новое, был смышен, любознательен. «Эх, тебя бы в добрые руки!» – кручинился Модест Иванович в редкие минуты раскаяния. Но тут же спохватывался: «Но я тут ни при чем. Пусть эти цветочки, как говорится, цветут в чужих огородах».

Редко, но бывало – они отправлялись со Славкой погулять или по магазинам. Модест Иванович честно отрабатывал номер: рассказывал о проезжающих машинах (Славкина страсть), учил читать по вывескам и афишам, обстоятельно отвечал на бесконечные детские «почему?». Но с гораздо большим удовольствием он посидел бы перед телевизором или за своей тетрадкой, чего скрывать. «Сколько мне осталось

---

*без фортепиано и оркестра (фр).

трепыхаться? – думал он. – Почему я не могу остаток дней прожить в свое удовольствие? Ведь ни Ленка, ни Славка и не вспомнят обо мне потом. Чего ради все?»

Как-то, вернувшись из кафешки довольно поддатым и неся с собой вечернюю «стременную» чекушку, он против ожидания и всяких договоренностей опять застал дома Ленку и Славку. «Снова они здесь! Ведь не договаривались же на сегодня!» – упрекнул он жену. Та вспылила: «Они уже и так в дом боятся заходить! А это и мой дом тоже!» Разразилась очередная, бездарная и тягомотнаяссора, которая кончилась тем, что противная сторона в полном составе ретировалась в Ленкину клетушку. Безрадостно оглядев поле боя, Модест Иванович достал чекушку и принял утешаться привычным способом. Однако не рассчитал сил, доза оказалась чрезмерной. Криво усмехнувшись давним, полузыбытым воспоминаниям, Модест Иванович поставил последнюю стопку на стол, накрыл ее хлебом и произнес заветную фразу: «Хозяин, хозяин, верни мое добро, а я тебе услугу!» И отключился.

Проснулся он оттого, что кто-то тряс его за плечо. За окнами уже было светло. Голова гудела. Рядом с ним стоял небольшой, как бы нарочнечный мужичок в старинном деревенском одеянии, лаптях и рубахе-косоворотке и укоризненно поглядывал на Модеста Ивановича. Модест Иванович вспомнил о заначенной стопке и потянулся похмелиться, но рюмка оказалась пустой. Хлеб тоже исчез.

– Ты, что ли, выпил? – недовольно спросил он у мужичка.

– Да ты разве не мне ставил? – ответил тот. – Зачем звал? Я у тебя ничего не брал.

Модест Иванович похолодел. Затряс головой, пытаясь прогнать видение, но мужичок остался на месте.

– Ты кто? – спросил Модест Иванович. – Ты как сюда попал?

Мужичок хохотнул.

– Ты меня хозяином назвал. Можно и так. А пройти я везде могу. Чего тебе нужно, мил-человек? Зачем потревожил?

– Так ты домовой, что ли? – с замиранием спросил Модест Иванович. – А бритву ты у меня брал?

– Я. Так, пошутковал малость. Натура наша такая. – И опять хохотнул. – Чего же тебе нужно?

– А что ты умеешь? – перебарывая страх и смущение, спросил Модест Иванович. А про себя подумал: «Вот. Допился. С лешими уж всякими разговариваю».

– Да все, – ответил мужичок. – Вот тебе, например, что нужно?

– Похмелиться бы... – неуверенно протянул Модест Иванович и недоверчиво посмотрел на домового.

– Это можно, – сказал мужичок. – Только ты бы подумал прежде. Я ведь только одно желание исполнить могу, больше нельзя.

– Исполнить желание? – переспросил Модест Иванович. – Ты можешь исполнять желания?

– Только одно. Больше нам нельзя. Расход большой получиться может. Нехорошо это. Нерачительно.

– Нет, правда? А какое? Любое, что ли?

– Любое. Но только одно-единственное. Я ж тебе толкую. Ты чё, все еще пьяный?

Хмель давно уже выветрился из головы Модеста Ивановича. Одна головная боль осталась. Но тратить единственное желание на опохмелку? Нет уж. Рассолом обойдемся.

Мужичок выжидательно посматривал на собеседника. Потом отошел, взгромоздился на соседний стул и принялся болтать ногами, как маленький ребенок.

«Единственное желание! – пронеслось в тяжелой голове Модеста Ивановича. – Единственное желание! Надо же! Сон, что ли, мне снится? А хоть и сон! Почему бы не загадать? А какое? Сколько книг читано-перечитано, все чего-то загадывают, а я и сообразить ничего не могу. Богатство? Деньги? Власть? Суета все это. Любовь неземная? Поздно. Миру – мир? Долой войну? Такое, наверное, и черту не под силу. Здоровье? Бессмертие? Не тысячу же лет жить! Со скуки сдохнешь. Талант? Во! Кажется, нашел. Оставить свои труды в памяти потомков, книги на школьных и библиотечных полках, монографии, биографии… Почему бы и нет? Разве это не благородное желание? Не корысть, не жадность, наоборот – самоотдача, служение человечеству, сердце Данко…»

Модест Иванович совсем уж было собрался выпалить: «Хочу быть талантливым писателем!» – но тут зазвонил телефон. Модест Иванович подпрыгнул и испуганно уставился на мужичка, боясь, что тот сейчас растает. Но домовой лишь досадливо поморщился и кивнул на телефонный аппарат: бери, мол. Модест Иванович опасливо снял трубку, ожидая, что звонят из преисподней, но услышал в наушнике знакомый голос жены. «Ну что, буян, проспался? – примирительным тоном спросила Татьяна. – Я скоро подойду. Может, тебе бутылку пива купить, чтоб не маялся? Все равно ведь потащишься. Опять выходной наスマрку. Так что?» – «Купи», – машинально ответил Модест Иванович, трудно въезжая в реалии. «Ладно, жди. Кстати, нам сегодня Ленка опять Славку подкинет, у них рабочую субботу объявили. Потерпи уж до вечера».

Модест Иванович скрипился, как от зубной боли. Опять они с этим Славкой! Ни дня покоя. И тут его осенило. Вот же прекрасная возможность разрубить gordиев узел! Талант подождет. Он и так талантлив. Это редакторы бездари. Он положил трубку и, глядя прямо в глаза домовому, отчеканил: «Я хочу, чтобы моя неродная дочь Лена и ее сын Славик переехали жить в другой город. Это можно?» Мужичок пожал плечами: «А чего ж? Сделаем. Чудное у тебя желание, однако. Ну, да так и быть!» Он спрыгнул со стула, встал к Модесту Ивановичу спиной и вполголоса пробормотал какие-то заклинания, делая одновременно пассы руками. Потом обернулся и буднично объявил: «Ну, все. Пора мне. Прощай, мил-человек! Не тревожь больше». И бойко направился куда-то в угол кухни. Модест Иванович глазом не успел моргнуть, как человечек протиснулся за холодильник и исчез.

Какое-то время Модест Иванович просидел в оцепенении, потом подошел, глянул за холодильник и нервически рассмеялся. «Да, братец, крышу-то у тебя сносить начинает», – вслух проговорил он и снова рассмеялся. На этот раз – с облегчением.

Вскоре пришла Татьяна, критически оглядела супруга и вручила ему бутылку «Жигулевского». Модест Иванович жадно выпил, отер пот со лба и почувствовал, что жизнь наконец возвращается в нормальное русло. Слава Богу! Весь день он был тише воды, ниже травы, безропотно играл со Славкой, а к вечеру даже проводил их с Ленкой домой. Прямо подменили мужика.

Прошло несколько дней. Как-то к вечеру Ленка залетела в дом в радостном возбуждении и с порога завопила: «Ура! Вызов пришел. Завтра уезжаю в Нижневартовск». Модест Иванович чуть не выронил из рук чашку с горячим чаем. «Какой Нижневартовск?» – только и смог выговорить он. Оказалось, что Ленка уже давно разослала запросы в несколько северных городов, и вот Нижневартовск откликнулся. Обещают работу, место в общаге и даже садик для Славки. Татьяна пояснила:

«Извини, мы тебе сразу не сказали, еще неизвестно было, получится ли. Какие у нас тут зарплаты, сам знаешь. А ей Славку поднимать надо». Модест Иванович уже пришел в себя и рассудительно ответил: «А что? Правильно. Я бы и сам уехал от нищеты здешней, да годы уже не те. А молодым – в самый раз». Сердце в его груди радостно затрепетало. «Вот тебе и мужичок с ноготок, – подумал он. – Неужто вправду его рук дело?»

Ленка уехала. Сначала одна, потом забрала с собой сына. В доме воцарились тишь и благодать. Модест Иванович стал реже заглядывать в рюмку, чаще просиживал за своими тетрадками. Вскоре в местном альманахе вышел его рассказ и подборка стихов. Он с гордостью показывал их друзьям и коллегам. Всем очень понравилось.

Однако чего-то стало не хватать. Он даже не сразу сообразил – чего. И однажды поймал себя на мысли, что скучает по Славке. Вот те раз! Час от часу не легче. Живи и радуйся! Но чувство не проходило. Он жадно перечитывал Ленкины письма, рассматривал фотографии подросшего Славика. Вспоминал их совместные прогулки, наивные вопросы, смешные, шитые белыми нитками детские хитрости и уловки. Не зря говорят, что внуков часто любят больше, чем детей. Татьяна, он видел, тоже сильно скучала. «Погорячился я со своим желанием, – думал иногда Модест Иванович. – И не такой уж я детоненавистник, вбил в голову невесть что. Все-таки нужно было талант заказывать у дедульки этого». Ленка тоже писала, что сильно скучает по родному городу, близким, друзьям. Тяжело врастать на новом месте, что ни говори. Это еще подлило масла в огонь.

И однажды Модест Иванович решился. Воспользовавшись длительным отсутствием Татьяны, которая уехала к знакомой портнихе обсудить фасон очередного платья, он вновь поставил на стол рюмку, сотворил заклинание и стал ждать, остатками водки пытаясь унять волнение. Долго ждать не пришлось. Из-за холодильника показалась знакомая бороденка, что-то загремело – и перед ним предстал все тот же дедок, но на этот раз явно недовольный, сmurной какой-то.

– Чего тебе опять? – неласково спросил он.

Модест Иванович объяснил.

– Ты, мил-человек, совсем дурной, что ли? Я ж тебе толковал, что только одно желание исполнить могу.

Модест Иванович был готов к этому возражению и принялся втолковывать мужичку, что встречные желания взаимно погасятся и получится нуль, то есть не было никаких желаний. Можно начинать сначала.

Мужичок явно озадачился. «Нулевой вариант, говоришь?» – бормотал он. – Что-то я такого в книге не припомню. Ох, и выдумщики вы, городские».

Модест Иванович настаивал, с жаром напирая на то, что талант служит всему человечеству, а переезд с места на место отдельно взятой молодки с дитем – это частный случай, мелочь, которую можно не учитывать.

– Вот что, – сказал наконец мужичок. – Я точно не помню, но вроде в книжке про такие случаи написано, что опасно это очень. Не пожалеть бы тебе потом.

– Не пожалею! – заверил Модест Иванович.

Мужичок поворожил и с сомнением приговаривая: «Ишь ты – нулевой вариант... Ведь удумают чего...» – отправился за холодильник.

Вскоре после его ухода Модест Иванович почувствовал себя плохо, закружилась голова, ноги не держали. Он присел за стол, положил голову на скрещенные руки и забылся.

* * *

День выдался пасмурным. С утра накрапывало, порывистый ветер гнал по аллеям жухлые листья, задирал зонты, срывал с прохожих шляпы. К обеду немногое прояснило, выглянуло скучное осенне солнышко, чуть подсохло.

От ворот кладбища шли к автостоянке молча. Татьяна с припухшими от слез глазами зябко куталась в легкое пальтишко, загораживаясь от ветра краем воротника. Елена была насуплена и сосредоточена, и даже маленький Славик, не вполне понимая происходящее, тоже смотрел перед собой сурово и отрешенно.

Нелепая и досадная смерть. Правда – легкая. Обширный инфаркт, секунда – и готово.

Откуда-то со стороны автобусной остановки ветер принес растрепанную газету. Сделав несколько последних пируэтов, она распласталась в луже и успокоилась. В уголке виднелась маленькая траурная рамочка:

«***-ское отделение Союза писателей России с прискорбием извещает, что вчера на 53-м году жизни скоропостижно скончался известный писатель, публицист и общественный деятель, член Союза писателей России, почетный гражданин нашего города Модест Иванович N***, и выражает глубокое соболезнование семье и близким покойного».

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

ПЕТР I И ЭКСПЕДИЦИЯ ИВАНА БУХОЛЬЦА НА р. ИРТЫШ

Недавно прошел сериал «Тобол» по роману писателя Алексея Иванова. Предлагаем познакомиться с научной работой, написанной на основании документов на эту тему.

В конце XVII – начале XVIII в. на юге Западной Сибири отряды кочевников совершили крупные набеги на население русских уездов. В 90-е гг. XVII в. отряды Казачьей орды впервые вышли к территории Сибири и совершили ряд набегов на русские слободы. Главный удар кочевников был нанесен по слободам р. Тобола. Причинами казахских набегов на Зауралье являлись ойрато-казахские противоречия в Средней и Центральной Азии, резко обострившиеся к 80-м годам XVII в. В результате серии походов контайши Джунгарии Галдана в 1681–1685 гг. ойраты изгнали казахов из восточного Туркестана. Джунгарское ханство – воинственное государство ойратов – было важным партнером России в Сибири XVII – первой половине XVIII в. В 1700 г. киргизы и «улусные люди» контайши организовали ряд крупных набегов на южные территории Томского и Кузнецкого уездов. В сентябре 1700 г. 1,500 киргизов и ойратов в течение десяти дней вели осаду уездного города Кузнецка. Однако знать Джунгарии не поддержала это наступление на русский уезд, и осаду пришлось закончить¹.

В 1704 г. из Томска в киргизскую землю были отправлены две партии служилых людей, которые разбили киргизов и привели в город несколько сотен пленных людей. В результате для прекращения конфликтов с русскими джунгары выселили киргизов из Енисейского края². В августе 1709 г. круп-

**ПУЗАНОВ
Владимир Дмитриевич**

Профессор Шадринского университета, профессор Курганского университета, доктор исторических наук. Автор более 200 научных работ.

В альманахе «Тобол» публикуется впервые.

ный отряд джунгар вышел под Кузнецк, разоряя русские деревни. Служилые люди города в бою 23 августа разбили кочевников, побив 300 джунгар. В 1710 г. отряд джунгар разорил Кузнецкий уезд и захватил Бикатунскую крепость, построенную по указу царя в 1708 г. [Акишин, с. 106].

После Полтавской победы началась новая эпоха в восточной политике Петра I, который стремился на Востоке найти ресурсы для реформ и активной внешней политики Русского государства в Европе. По мнению С. М. Соловьева, Петр I хотел, чтобы Россия стала главным посредником в торговле между странами Востока и Европой [Соловьев, с. 345]. В этих целях императором были предприняты военные экспедиции в Азию 1715 – 1717 гг., Персидский поход 1722–1723 гг., экспедиция на Мадагарск 1723 – 1724 гг., экспедиция Беринга на Тихом океане [Анисимов, с. 385 – 398] [Копелев, с. 91]. В 1713 г. один из сподвижников Петра I Федор Степанович Салтыков, представитель старого боярского рода, который в 1712–1715 гг. служил в Англии в качестве русского агента, выполняя различные поручения царя, обратился к Петру с проектом активной внешней политики на юге Сибири. Надо отметить, что отец Федора Салтыкова боярин Степан Иванович Салтыков в 1690–1692 гг. служил воеводой Тобольского разряда. С отцом в Сибири в это время служил и его сын стольник Федор Степанович Салтыков как товарищ воеводы Тобольска, благодаря этому хорошо узнавший Сибирь³ [Павлов-Сильванский, с. 11]. Позднее Федор Салтыков был послан царем учиться корабельному делу в Англию, был назначен воеводой Азова, служил гвардейским офицером, выполнял секретные дипломатические поручения царя, а позднее в России был корабельным мастером.

В записке государю Ф. С. Салтыков советовал строить корабли на р. Енисей для географических открытий в океане до р. Амура и плавания купечества в Китай и «в другие острова». На юге Сибири и Урала – на вершинах рек Иртыша и Яика Ф. С. Салтыков предложил строить крепости для подчинения степи между Китаем и Бухарией и организации торговых связей с городами Средней Азии – Бухарией, Еркетью (Яркендом) и Турфаном, чтобы разведать их силы, а позднее «мочно будет теми государствами и овладеть» [Павлов-Сильванский, с. 46].

В это время Петр I получил и доклад первого губернатора Сибири М. П. Гагарина о золотых рудниках около города Эркет. М. П. Гагарин писал, что узнал о добыче золота в Азии от бухарцев, приезжавших в Тобольск для торговли, которые и сообщили ему, что золото промышляют под городом Эркетом. В 1713 г. Гагарин направил из Тобольска дворянина Федора Трушникова для разведки «промышления золота» в Джунгарии до китайского города Селима. 27 февраля 1715 г. Федор Трушников прибыл из далекого путешествия в русский город Селенгинск и вывез 200 лан золота, или 22 фунта русского веса.

22 мая 1714 г., когда готовился поход русского флота из Кронштадта к берегам Финляндии, Петр Великий на доношении Гагарина своей рукой написал приказ: «Построить город у Ямыша озера; а буде можно, и выше построй крепость, искать далее по той реке вверхъ, пока лодки пройти могут, и от того идти далее до города Эркети, и оным искать овладеть». Петр I поручил руководство экспедицией одному из своих старых сподвижников – капитану гвардии подполковнику Ивану Бухольцу. Губернатор Гагарин писал в Сенат, что «по имянному Его царского величества указу определен в Сибирскую губернию подполковник Бухолц для строения новых городов»⁴.

Образование Сибирской губернии стало началом новых реформ на громадном пространстве востока России. К 1703 г. в Сибири служили 32 дворянина, 786 детей

боярских, 2374 конных казака, 6022 пеших казака, 1000 драгун, 28 беломестных казаков, 75 пушкарей, 477 служилых татар – всего 10884 человек «старых служб»⁵. После Полтавской битвы правительство Петра I занялось созданием системы гарнизонных войск во всей России. В 1711 г. было составлено расписание полков полевой армии, а в 1712 г. гарнизонных войск. В эпоху Петра I гарнизонные полки стали основой военных сил Сибирской губернии. В Сибирской губернии были сформированы 1 драгунский и 2 пехотных гарнизонных полка. Формирование гарнизонных полков в Сибирской губернии происходило при подготовке экспедиции Ивана Бухольца, посланного царем для поиска золота на р. Иртыш. По данным Черепановской летописи, Бухольц приехал в Тобольск 13 ноября 1714 г. и был, как он позднее отмечал, «без команды» по 9 января 1715 г. В январе 1715 г. в Тобольске были собраны рекрутчи, и началось обучение. В результате только в июле 1715 г. Бухольц отправился в экспедицию на р. Иртыш⁶.

В январе 1715 г. Бухольц принял в команду всего 495 человек. Губернатор приказал набрать остальных рекрут из городов и слобод Сибири. Зимой и весной 1715 г. Бухольц принимал рекрут, взятых губернскими властями, и начал учить их воинским упражнениям. Бухольц принял в Тобольске драгун и солдат, подготовка которых вызвала его критику, – «таких, которые ничего экзерциции не знали и не стреливали, и с негодным ружьем, у них же ни палашей, ни лядунок, ни партупеев, ни перевезей и ничего воинского не было»⁷. В Тобольске, по данным Бухольца, не было даже пушек, годных в поход, станков и другой амуниции.

В 1715 г. Бухольц писал царю, что «пушек в Тобольске годных к походу, кроме 2, нет, и то без станков, а ружье, с которым я принял людей в Тобольске, у господина губернатора все не годно без штыков и палашей»⁸. В Тобольске Бухольцу не удалось получить от Гагарина более точные данные о цели похода – географическом положении золотых рудников на Эркете. Бухольц жаловался, что Гагарин так и не дал ему точных данных о золоте в районе Эркета, опрашивал тобольских жителей, которые бывали в Эркете, но и они не знали «о том золоте подлинно»⁹.

К июню 1715 г. в отряд удалось собрать 28 пушек, 2 тыс. гранат, 9 тыс. ядер, 99 мушкетонов, 2 500 фузей, 2 000 палашей, 1 230 копий рогаток, 21 знамя, 44 барабана, 64 алебарды, 64 пик капральских, 164 шапок grenadierских, 440 кафтанов васильковых, 1 000 кафтанов красных, 954 кафтанов зеленых, 382 камзолов васильковых, 944 камзолов красных, 86 штанов васильковых, 402 штанов красных. В отряде не хватало формы – кафтанов, картузов, сапог.

30 июня 1715 г. отряд Бухольца выступил из Тобольска¹⁰. Отряд отправился на 32 дощениках и 27 больших лодках. К экспедиции присоединились еще 12 дощеников торговых. 24 июля отряд пришел к Таре, где дождался подкреплений из новых драгун, набранных в слободах. Из Тары в отряде Бухольца на юг отправилось 2 795 человек войска всякого чину людей¹¹. На Таре отряд получил 1500 лошадей, на которых Бухольц посадил драгун и отправил верхом для защиты экспедиции от набегов. Кроме того, около тысячи офицеров и рядовых имели при себе собственных лошадей. В августе 1715 г. в экспедиции Бухольца служили 1056 человек Санкт-Петербургского гарнизонного полка, 1067 человек Московского гарнизонного полка, 604 драгуна, 70 артиллеристов, всего 2797 офицеров и солдат¹².

По данным Бухольца, 1 октября отряд прибыл к озеру Ямыш, а 29 октября была заложена русская крепость, которую быстро удалось построить. Однако обстановка на юге Сибири была сложная. Около озера Ямыш кочевали ойраты численностью

в 10 тысяч человек. Бухольц писал, что если к его отряду не прибавить войска, то нельзя будет идти дальше, и просил царского указа о прибавке войск¹³.

По данным Черепановской летописи, Ямышевская крепость была основана на расстоянии 1143 версты от Тобольска по р. Иртыш. Было мало леса, пришлось использовать на строение несколько дощников. Земляной вал крепости был построен за 13 дней – с 29 октября по 10 ноября¹⁴. Во время строительства крепости на озере Ямыш пришли новые известия о трудности дальнейшего похода на Эркет за золотом. Бухольц отмечал, что, по данным проводников-«вожей», которые были в Эркете, от озера Ямыш туда надо было идти 12 недель и больше, причем через ставку контайши – правителя Джунгарии. Главной проблемой для продолжения экспедиции были кочевники Сибири. Кроме ойратов около русского отряда находились отряды Казачьей орды, «которые по все годы к слободам тобольским бывают и берут людей»¹⁵. Бухольц писал секретарю Петра I А. В. Макарову, что надеется только на Бога, количество людей в русском отряде оставляло мало возможностей при встрече с кочевниками, но заявлял, что будет идти на юг, пока это будет возможно. В письме Бухольц просил А. В. Макарова просить царя освободить его от такого поручения, а если это невозможно, то просить указа Петра I о прибавке войск в экспедиции¹⁶. Ранее Бухольц писал государю из Тобольска о том, что отряд не готов к такому крупному походу и сибирские части надо прежде хорошо подготовить к экспедиции, прежде чем идти на юг¹⁷.

К 29 декабря 1715 г. в отряде осталось только 2 536 человек, многие драгуны и солдаты от тягостей экспедиции бежали из отряда. Бухольц писал от озера Ямыш, что не может идти до Эркета «за малолюдством»¹⁸. К 1715 г. только войска контайши Джунгарии насчитывали более 60 тысяч человек¹⁹. По данным русского посланника Ивана Унковского, к 1722 г. контайша Джунгарии располагал силами «войска добраго» около 60 тыс. В случае необходимости можно было собрать и больше, около 100 тыс. чел., причем «все конные». Воины имели саадаки, длинные копья в 7,5 аршин, сабли «и много имеют пищалей, токмо все с жаграми»²⁰.

В это время Джунгария вела войну с Китаем. В феврале 1716 г. контайша Джунгарии отправил на р. Иртыш большое войско под командой своего двоюродного брата – знаменитого полководца ойратов, «великого воина», по характеристике Г. Ф. Миллера, Чирен Дондука, владения которого находились на озере Нор-Зайсан. Все воины, которые оставались в стране ойратов, были отправлены в этот зимний поход на р. Иртыш [Миллер, с. 485].

Ночью 9 февраля 1716 г., в мороз, войско ойратов в 10 тысяч всадников неожиданно напало на русский лагерь. Кочевники захватили лошадей у крепости, взяв в плен или убив караульных, а затем напали на русский лагерь. По данным Черепановской летописи, в крепости ойраты стреляли из луков «обыкновенным своим боем», а солдаты стреляли из ружей и «метали бомбы», которые кочевникам были еще неизвестны, почему многие из них в этом бою были убиты гранатами. Артиллеристы в этом бою «были неискусны» и стреляли как придется – «более бомбы метали наудачу, нежели как надобно»²¹.

Позднее в гарнизоне крепости начались заразные болезни, от которых умирали 20–30 человек в день. В осаде проявилась слабая подготовка экспедиции в Сибири, при отправлении экспедиции губернатор Гагарин не нашел для отряда Бухольца лекаря и лекарств. После 2 месяцев осады в полках экспедиции осталось только 700 человек солдат и офицеров, большинство которых были больны. Военный совет решил оставить укрепление и уйти на север. 28 апреля 1716 г. укрепления крепости

были срыты, русский отряд погрузился на 18 дощеников и отправился вниз по р. Иртыш, где основал Омскую крепость²².

После отъезда Бухольца из Омской крепости М. П. Гагарин послал на р. Иртыш новые отряды. Осенью 1716 г. М. П. Гагарин отправил по р. Иртыш к озеру Ямыш подполковника Сибирского драгунского полка Федора Матигорова с небольшим отрядом для восстановления крепости. Летом 1717 г. для прикрытия пути на Иртыше в 200 верстах от Омской крепости и в 231 версте от Ямышевской крепости отряд казаков из Тары под командой сына боярского Павла Свидерского построил Железинскую крепость. В 1718 г. Ступин начал строительство Семипалатной крепости в 229 верстах южнее Ямышевской крепости [Миллер, с. 491].

В это время Петр I решил продолжить исследование р. Иртыш. 18 января 1719 г. Петр I дал указ майору гвардии И. М. Лихареву провести следствие о дела губернатора Гагарина и походе Бухольца и построить крепость на озере Зайсан. В поход царь приказал взять полный комплект полков, бывших с Бухгольцем, всего 3 017 человек. Все войско в крепостях на Иртыше было под командой Лихарева, в Тобольске он дал приказ набирать рекрутов для старых полков Сибири. В мае 1720 г. И. М. Лихарев с отрядом всего в 440 человек и артиллерией в 30 пушек и 6 мортаров начал путешествие на 34 плоскодонных лодках (позднее их в Сибири стали называть зайсанками) и обследовал озеро Зайсан, а затем 12 дней плыл по течению Иртыша. Путешествие Лихарева по р. Иртыш привело к новому конфликту с ойратами. В августе 1720 г. отряд ойратов в 20 тыс. напал на экспедицию, но был отбит. Возвращаясь в русскую Сибирь, И. М. Лихарев построил крайнюю на юге по р. Иртыш Усть-Каменогорскую крепость в 181 версте от Семипалатной крепости на р. Иртыш и 15 октября 1720 г. вернулся в Тобольск [Бородаев, Концев, с. 289].

Миссия Лихарева в Сибири была высоко оценена императором Петром Великим. 22 октября 1721 г. на торжествах по случаю заключения Ништадского мира Иван Лихарев был произведен из майоров гвардии в бригадиры²³. К 1720 г. в результате экспедиций Бухольца Ступина и Лихарева на р. Иртыш были построены 5 крупных русских крепостей²⁴. Реформы Петра I стали началом перестройки всех военных сил Сибири. В Сибири были сформированы Сибирский драгунский и Московский и Санкт-Петербургский пехотные полки. В 1717 г. на р. Иртыш служили 460 драгун в драгунском батальоне, 847 человек в Санкт-Петербургском полку, 842 человека в Московском полку, 132 артиллерийских служителей – всего 2281 человек и 71 – мастеровые люди²⁵.

Посылая в Тобольск Бухольца, Петр I готовил и другую экспедицию для поиска золота на р. Эркет. 29 мая 1714 г. Петр I отправил в Астрахань для поиска золота в Средней Азии капитан-поручика Преображенского полка князя Бековича-Черкасского²⁶. 14 февраля 1716 г. Петр I в Либаве написал указ об отправлении экспедиции князя Бековича-Черкасского, который должен был склонить хана Хивы «к верности и подданству», чтобы он послал своих людей с русскими для поиска золота по реке Дарье вверх до городка Иркети. В 1717 г. отряд Черкасского, который состоял более чем из 3 тыс. драгун и казаков, по данным выжившего участника поручика А. Кожина, был окружён войском хана Хивы, а затем обманом взят в плен и вырезан²⁷.

Военный конфликт на р. Иртыш развивался на фоне борьбы Китая и Джунгарии. 21 февраля 1716 г. губернатор Гагарин сообщил секретарю кабинета Петра А. В. Макарову, что правительство Китая предложило России военный союз против Джунгарии. Гагарин сообщил, что, по данным министров Китая, контайша хану

Аюке «учинил великую обиду». Из Китая на Волгу были отправлены посланцы для союза против Джунгарии. Но Гагарин не был сторонником участия России в данном конфликте, как сообщал губернатор: «А я китайцом в войне на него отказал, потому что де тот калмыцкой владелец кочует на сибирских землях его царского величества и нам есть от него способ, и воевать его нам не для чего. Сие писал, мой государь, я для того, чтоб он о том сведя, и дал то знать и людем его, которых в Сибири не мало есть, за торгом и за иным делом приезжают»²⁸. Гагарин писал, что надеется привести Джунгарию в российское подданство: «Хотя мы, государь, ныне и ради войне их, но призываю я его в подданство к царскому величеству, о чём в 1714 и в 1715 годех к нему писал. И под сей случай послал же к нему о том, и подполковнику господину Букольту велел же к нему посыпать и людем его говорить о подданстве. И естьли он склонитца, чтоб, мой государь, Аюку мне можно было удержать»²⁹.

Гагарин еще в августе 1712 г. в доношении главе Посольского приказа Г. И. Головкину отмечал, что дипломатические отношения и особенно военный союз Китая и хана Аюки на р. Волге против Джунгарии противоречит интересам России: «Подлинно государь уведать не можно у китайцев, зачем идет к Аюке тот посланец, однако ж знатно, что не с малым делом для того, что ис Китай никогда не посыпают послов, ни посланников никуда, а его послали, знатно, что не за малым делом. А обноситца де от китайцев, чтоб согласитца бы им со Аюкою и войною итти на калмыцкого владельца контайшу, которой ныне кочует близ китайского владения, також и вблизости сибирских городов. И если государь того владельца они разобьют, то от китайцев государь великая будет теснота нам, мало не всей Сибири, и владенье китайское будет смежно нам со многими сибирскими ближними городами – Красного Яру, Енисейска, Иркутска, Томска, Тары и от Тоболска и Тюмени в самой близости ж»³⁰.

27 февраля 1715 г. губернатор Гагарин направил лист контайше Джунгарии, где изложил позицию правительства России по главным спорным вопросам между государствами – все земли Азии, которые находились по рекам, протекающим по Сибири, являлись владением русского царя: «А искони сибирские земли граничат от устья тех рек, где впадли в море, и до вершин, откуда из которых гор потекли, також и в те реки, которые впадли реки також до вершин их сибирская земля, и барабинцы и курсаки всякие люди его царского величества, и о том требует самые правды, о чём контайша сам сведом»³¹.

18 декабря 1716 г. Петр I из Амстердама послал грамоту контайше, в которой отмечал, что Джунгария находится на российских землях, но государь, оказывая милость контайше, готов оставить ойратов на старых землях и даже защищать их от других народов: «А мы, великий государь, наше царское величество, милосердяя о вас, желая что бы вы також как и хан Аюка и прочие калмыцкие владельцы у нас в милости пребывали, позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь свободно, хотя оные к Сибирскому нашему царству принадлежат... Но наипаче б вам и от посторонних неприятелей велел оборонять и охранять»³².

В это время джунгары воевали на востоке с Китаем, а на западе с казахами (Казачьей ордой). Война с Китаем у ойратов продолжалась с 1712 по 1722 г. Контайша Цэван-Рабдан просил Петра I построить в Джунгарии новые русские крепости для защиты от набегов китайцев. В 1722 г. Петр I отправил к контайше Джунгарии посольство Ивана Унковского с предложением перейти «в протекцию свою» по примеру хана волжских калмыков Аюки. После принятия контайшой подданства императора Петр I обещал защищать его силами войск Сибири от всех противников.

Однако в декабре 1722 г. с Китаем был заключен мир. В результате военная помощь и протекция Петра I была теперь не нужна ойратам, по словам контайши, «для того ныне города мне не надобны»³³.

Знать Джунгарии собирала сведения о России, военных силах, закончившейся войне с Швецией, отношениях с Турцией, реформах Петра I, его поведении. Контайшу интересовало – почему Петр I принял новый титул – «прежде назывался царь великий, а ныне для чего называем император»? В Джунгарии интересовались и реформами в России, о которых дошли известия из Сибири.

В 1727 г. контайша Цэван-Рабдан умер. Как отмечал В. Н. Татищев, новый контайша Галдан-Церен (1727–1745) о землях «с Россиею в Сибири… спор имеет, но никогда в действительную войну не вступал, а более перепискою с губернатором разбирают и справедливость в обидах производят». Построение Иртышских крепостей контайша «за обиду себе причитал и с войсками приходил, однако ж не чиня великого сопротивления, ища согласия с Россиею, а паче по великим политическим резонам добровольно уступил»³⁴.

В. Н. Татищев доказывал, что спорные земли на юге принадлежали России по праву завоевания после победы в 1582 г. над ханом Кучумом и его детьми, «.... Российская империя имеет право на все оные земли, которыми прежде бывшие сибирские ханы владели»³⁵. Ойраты – калмыки «будучи под разными тайшами, воюяся между собою», заняли часть южных земель в эпоху, когда Россия еще не успела построить все города в новом краю, и было «малолюдство русских в Сибири войск». Когда Россия имела войска и средства «русские далее к ним по Иртышу города построили»³⁶. В. Н. Татищев говорит здесь об экспедиции Ивана Бухольца и других в эпоху Петра I на р. Иртыш.

Еще И. И. Тыжнов справедливо отмечал, что строительство крепостей на Иртыше «было значительным успехом» России в борьбе за земли по Иртышу и Алтаю с джунгарами [Тыжнов, с. 189]. С. В. Бахрушин считал, что только в 1715–1720 гг., после экспедиции Бухольца, организованной Петром I, и строительства русских крепостей на верхнем Иртыше «все течение Иртыша было завоевано русскими» [Бахрушин, с. 173]. Хотя главная цель экспедиции и не была достигнута, после нее под русским влиянием оказалось все верхнее течение Иртыша.

Позднее А. Ю. Огурцов полагал, что экспедиция Бухольца стала «авантюрой» Петра I и М. П. Гагарина [Огурцов, с. 12]. Действительно, экспедиция на р. Иртыш 1715 г. была отправлена без достаточной подготовки, особенно в географическом отношении. Однако, результатом русских военных экспедиций в 1715–1720 гг. был переход под власть России всего Иртыша и усиление русского влияния на юге Западной Сибири. Экспедиция Бухольца на р. Иртыш не привезла золото царю. Однако важным следствием военных экспедиций в Сибири явилось открытие золотых рудников уже при жизни Петра I и строительство Колывано-Воскресенских заводов на Алтае, которые в 1740 – 1750 гг. стали важным источником пополнения бюджета Российской империи и главным центром добычи золота и серебра, которые давали возможность государству чеканить монету из своих драгоценных металлов. Только с 1748 по 1759 г., после взятия в казну у Акинфия Демидова, заводы принесли, по данным правительства, «золота самого чистого» 89 пудов 14 фунтов на 962. 372 руб., серебра 2 824 пуда 14 фунтов на 2. 231. 087 руб., а также меди 2 396 пудов 15 фунтов на 15 145 руб. Всего за 12 лет было получено с заводов металлов на 3. 313. 548 руб., из которых только 660 000 руб. было употреблено на заводские расходы³⁷.

- ¹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543, л. 98 – 100.
- ² РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543, л. 109 – 116.
- ³ Древняя российская вифлиофика. М., 1788. С. 275 – 280.
- ⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 373. л. 50.
- ⁵ РГАДА. Ф. 24, д. 1, л. 13.
- ⁶ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. л. 152.
- ⁷ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 32.
- ⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. л. 59.
- ⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. л. 60.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 30 – 36.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 32.
- ¹² РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. л. 153.
- ¹³ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 39.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. л. 154.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 32.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 32 об.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 32 об.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 36.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 9, Р. 23. л. 32.
- ²⁰ Унковский И. С. Посольство к Зунгарскому Хун-Тайчжи Цэван – Рабтану и путевой журнал за 1722 – 1724 гг. Санкт-Петербург: тип. В. Киршбайма, 1887. С. 194.
- ²¹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. л. 162-163.
- ²² РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. л. 165-167.
- ²³ Гистория Свейской войны [Поденная записка Петра Великого]. В 2 вып. Вып. 1 М. 2004. С. 540.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. л. 317.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. л. 52.
- ²⁶ Гистория Свейской войны... С. 577.
- ²⁷ Гистория Свейской войны... С. 605.
- ²⁸ Международные отношения в Центральной Азии, XVII – XVIII вв. Кн. 1. М. Наука, 1989. С. 236.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 230.
- ³¹ Там же. С. 234.
- ³² Там же. С. 240.
- ³³ Унковский И. С. Посольство к Зунгарскому Хун-Тайчжи Цэван – Рабтану.... С. 113.
- ³⁴ Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Ленинград: Наука, 1979. С. 292.
- ³⁵ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Москва: Ладомир, 1995. Т. 8. С. 411.
- ³⁶ Татищев В. Н. Собрание сочинений.... Т. 8. С. 411.
- ³⁷ ПСЗ. Т. 15. С. 617.

ЛИТЕРАТУРА:

- Акишин М. О. Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого/Присоединение Сибири к России. Историко-правовое исследование. Саарбрюкен, 2017. с. 103 – 118.
- Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. Спб.: Питер, 2009. 448 с. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927. 200 с.
- Бородаев В. Б. Концев А. В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском между-речье в 1620 – 1720 гг. Барнаул, 2015. 416 с.
- Копелев Д. Н. Предыстория секретной экспедиции Петра на Мадагаскар 1723 - 1724 гг. Вопросы истории. 2016. № 3. с. 90 – 107.
- Миллер, Г.Ф.История Сибири. В 3 т. Т. 3. М. : Вост. лит. 2005. 598 с.
- Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 25 с.
- Павлов-Сильванский, Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб. : Типография В.Ф. Киршбайма, 1897. 237 с.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. Кн. 9. 701 с.
- Тыжнов И. И. Очерки по истории Средней Сибири XVII – XVIII столетий. Томск: Издательство Томского университета. 2013, 256 с.

ПРОЗА

ВЫСОТА ВАСИНА (рассказ)

Георгий Михалыч, придя из клуба, пиджак с орденами снимать не стал, а сразу прошел на кухню и кликнул внука, что гостили у него. Левка недавно окончил институт и работал в областном центре на заводе.

— Давай, внучок, ради праздника по рюмочке... Помянем моих фронтовых товарищей. Достань-ка там, в холодильнике...

Лева отложил книгу, он, собственно, и приехал сегодня к деду для того, чтобы поздравить с праздником. Достал из холодильника любимую дедову настойку и сразу заварил крепкий чай.

Сидели до самого вечера. Георгий Михалыч внука видел редко, пытался расспросить, как дела, но Лева разговор все время переводил на военное прошлое Георгия Михалыча. Знал, что старику будет приятно. Вот и сейчас дед спросил его про военные сборы, а он в ответ ему вопрос:

— Дед, а тебе когда лейтенанта присвоили?

— Так сразу, как в разведке отвоевался. Мы тогда поиск удачный провели. Двух фрицев приволокли: гауптмана и унтера. А я был младшим лейтенантом в должности командира взвода разведки. Но поскольку операция была на контроле в разведотделе дивизии, поиск возглавил сам. И ранение получил тогда, и звездочку. А после госпиталя уже в разведку не попал — направили командиром роты. Хорошо запомнилось, потому что сразу Васину высоту пришлось отбивать у немцев.

— Интересное название — «Васина высота»...

— Это я ее так называю, не помню уже, как на карте именовалась. Эту задачу мне комбат поставил сразу по прибытии, как только я роту принял.

КОКОРИН
Сергей Аркадьевич

Родился в 1955 г. в поселке Мишкино. В 1978 г. окончил Курганский машиностроительный институт, в 2001 г.

— Академию государственной службы при Президенте РФ. В 1996 и в 2000 гг. избирался главой Кетовского сельсовета, в 2004 и в 2009 гг. — главой Кетовского района Курганской области.

Пишет стихи и прозу. Печатался в областных и районных газетах, в журнале «Сибирский край» и альманахе «Тобол», в литературных журналах «Родник» и «Веси». Автор ряда сборников стихов и сборников повестей и рассказов.

Председатель Курганской областной писательской организации и правления Курганского регионального отделения Российского фонда мира, руководитель Ассоциации литературных объединений Курганской области, член Союза писателей России.

– Что, одной ротой?

– Нет, не так. В общем, слушай. Прибыл я в штаб батальона. Представился. Комбат познакомил меня с командирами других рот. Он как раз совещание с ними закончил. Четвертой ротой, куда меня направили командиром в штабе полка, временно командовал старшина Ручьев, в годах уже. Собственно, как в годах... Мне-то тогда было как тебе сейчас, а Ручьеву лет сорок, так что он мне казался пожилым дядькой. Да тем более усы у него были шикарные, как у Буденного.

Комбат меня с обстановкой познакомил. Я что узнал, сразу на свою карту нанес, которую мне в полку выдали, сунул ее обратно в полевую сумку. Командир дал понять, что с прибытием пополнения из маршевых рот начнется наступление, приказал изучать обстановку и готовиться.

– И по этой «занозе», лейтенант, – он ткнул карандашом в высотку на карте, – жду предложений к вечеру, крайний срок – завтра утром. Нельзя, чтобы она оставалась у немцев. Когда начнем наступление, немец отсюда может во фланги ударить. Так что думай, пока прямого приказа не получил. Потом думать некогда будет!

Через час мы с Ручьевым отправились из батальонного блиндажа в расположение роты. Пока подкреплялись кашей с тушенкой, я у старшины подробнее все выспросил.

Когда наступление закончилось и фронт встал, на участке нашего батальона осталась укрепленная высота, которую немцы смогли удержать.

– Выдохлись мы уже, – рассказывал Ручьев, – в ротах треть состава осталась. С ходу пытались взять, да только те, кто прорвался в траншею, все там и полегли в рукопашной. В том числе командир роты и политрук.

Мы с Ручьевым обошли наши позиции, передвигаясь по траншеям, осмотрели пулеметные точки, батарею минометчиков, со всеми командирами взводов поговорили. Долго смотрели в стереотрубу на немецкие позиции. Старшина комментировал:

– Наблюдатели докладывали: вчера фрицы удлиняли траншеи, вроде как новые огневые точки оборудовали, по всей видимости, подкрепление к ним подошло. Огонь вдруг стали чаще открывать, значит, пристрелку целей с новых точек ведут. Боятся они эту высоту потерять...

Еще бы... Этот холм представлял из себя целый укрепрайон. От немецких блиндажей кое-где поднимались дымки. Иногда из траншеи боевого охранения раздавалась короткая очередь дежурного пулемета. Я по привычке детально рассматривал каждую складку на местности.

– Видите, старшина, чуть левее, на средине между нашей траншней и немцами, небольшая волна, как бы бугорок вытянутый. Ни на какие мысли не наводит?

– Чего там наводить... За ней только зайцы могут спрятаться. Впрочем, вам, разведчикам, виднее.

– Складка вроде и мелкая, но на ней растительность... Надо будет обмозговать. А раз новые точки появились, значит, разведка нужна.

– Вот это верно, товарищ лейтенант! Сунуться сейчас вслепую – только последних бойцов положить...

– Значит так, старшина, остаетесь за командира, я к комбату.

Связавшись с комбатом по телефону, взял верховую лошадь и сразу выехал. По прибытии доложил новую обстановку и свои предложения:

– Рядовой язык ничего не скажет, товарищ майор. Нужна разведка боем, за сеть огневые точки и обязательно взять контрольных пленных. А на сегодняшний момент в роте семьдесят бойцов. Это вместе с пулеметными и минометными расчетами. Если я их подниму в атаку, роты больше не будет. Немцы получили подкрепление. Сколько их там, с каким вооружением, мы не знаем. Товарищ майор, прошу усиления для проведения операции!

Комбат только крякнул, возразить было нечего, и приказал мне возвращаться в роту, сказал, что свяжется с командованием. К утру в роту прибыли машины. Командир полка проникся и командировал нам в помощь усиленный разведвзвод капитана Васина. Кто такой Васин, я тогда не знал, и вот довелось познакомиться.

Старшина Ручьев сиял, как медный пятак, мой авторитет в его глазах поднялся:

– Как же это вам, товарищ лейтенант, удалось? Это ж такие бойцы, такие бойцы... Это же цепные псы, а не бойцы!

Флотский лейтенант Василий Васин воевал с первого дня войны. Сначала на корабле, а потом, когда экипажи стали снимать, – в морской пехоте. Его товарищи-моряки – кто погиб, кто был возвращен на флот, а он и его друг старшина Давыдов, которого он по-флотски называл мичманом, так и остались в разведке. Имея талант командира и разведчика, требовательный к себе и к подчиненным и, что самое удивительное, к начальникам, он, в звании дослужившись до капитана, в должности оставался командиром разведвзвода уже целый год. За это время ему удалось подобрать личный состав такой, что взвод стал незаменимым подразделением не только в разведывательно-диверсионных, но и в других операциях, где иные подразделения могли столкнуться с непреодолимыми трудностями.

Проведя с Васиным целый день в подготовке, мы познакомились и, как разведчики, нашли общий язык. Бойцы его были вооружены немецкими автоматами, у всех ножи и пистолеты, несколько ручных пулеметов. Гранаты в эту операцию брали с собой только Ф-1 по несколько штук на человека. Обратил внимание, что саперные лопатки заточены, как ножи. В моем разведвзводе это не практиковалось. По их сноровке было видно, что бойцы бывалые и тренированные. Заметив, что я с интересом наблюдаю за его личным составом, Васин похвастался:

– Что, лейтенант, нравятся мои орлы?

– Нравятся, – ответил я и подумал, что по росту, экипировке и ухваткам это не орлы, а, скорее, волкодавы.

Капитан Васин согласился со мной, что бросок в траншею охранения лучше сделать от ложбины, пусть даже это и рискованно. От нашей траншеи до немецкой было метров сто-сто десять.

– От траншеи мои бойцы пробегут секунд тридцать-сорок. Многовато. Если не проспят немчура – включат пулеметы. От ложбины – пятнадцать секунд. Гарантированно не успеют среагировать, – говорил капитан.

– А если заметят, пока вдоль ложбины ползете?

– А если заметят, сразу начинаем атаку. Другого не дано.

Вечером в моем блиндаже было тесно от командиров. На столе лежала карта с нашими пометками. Я ставил задачи каждому подразделению.

– За час до рассвета, по команде, взвод капитана Васина скрытно выдвигается к ложбине и оттуда, молча, без шума, бросок в траншею охранения. Уничтожают немцев, берут одного-двух пленных и сразу обратно. По выявленным огневым

точкам ведут огонь наши станковые пулеметы и минометная батарея. Моя рота из траншеи активно поддерживает огнем. Одно отделение, командир старший сержант Пухов, с тремя РПД (ручной пулемет Дегтярева) также заранее, до рассвета, незаметно ползком по руслу ручья выдвигается на левый фланг. С началом атаки разведчиков открывает пулемётный огонь, имитирует атаку. На правом фланге третья рота тоже демонстрирует атаку. Если нет вопросов, на этом все! Командирам разойтись по подразделениям, инструктировать бойцов, проверить оружие, боекомплект. Комбат прибудет на КП роты в три часа и примет командование.

О готовности всем доложить ему. Вперед, товарищи!

Все разошлись по траншеям. К прибытию командира батальона все было готово. Отделение старшего сержанта Пухова с вещмешками, набитыми под завязку пулеметными дисками, уже выдвинулось: им предстояло ползти по руслу ручья почти час.

Яшел в блиндаж к разведчикам. Они не спеша собирались. Капитан Васин, в свежем подворотничке, сидел за столом, сосредоточенно курил, изредка бросая замечания своим бойцам:

– Не стесняемся, попрыгали! Проверить, чтобы ничего не брякнуло!

Когда я выходил, сказал мне:

– Не беспокойся, лейтенант, все будет в лучшем виде! Не впервые...

На КП уже были подведены телефонные линии от штаба полка. Комбат прибыл, нервно курил у стереотрубы. Моя рота, положив пулеметы и ППШ на бруствер, замерла, вглядываясь в темноту. Комбат глянул на часы, кивнул Васину, разведчики растворились в темноте, слившись с перекопанной снарядами землей.

Комбат видел в стереотрубу, как через несколько минут от ложбины оторвались тени, бесшумно и стремительно бросились к траншее охранения. Тявкнул и тут же заткнулся пулемет. Раздались хлопки гранат. На секунду все смолкло. Слышался из траншеи мат, тупые удары, хриплые вздохи – шел рукопашный бой. Проснулась первая линия немцев, застучали пулеметы, захлопали одиночные выстрелы. Но по ним уже работали наши минометчики и отделение Пухова с пулеметами.

Вдруг комбат, страшно матерясь, оторвался от трубы:

– Что они творят, что творят?! Этот капитан совсем башку потерял?!

Оказывается, наши разведчики из окопа охранения рванулись в первую траншую немцев, забрасывая их гранатами и падая под пулеметными очередями.

Майор резко командует:

– Лейтенант, поднимай роту! Побьют их всех! Вперед, вперед!

Я хватаю свой ППШ и ору благим матом:

– Рота, вперед! В атаку!

Рота нестройной цепью выкатывается из траншеи и бежит на холм. Я бегу тоже, продолжая подгонять бойцов:

– Вперед! Вперед!

Мне страшно от мысли, что взвод Васина может погибнуть.

Наши минометы замолчали, опасаясь поразить своих. Комбат тут же минометные расчеты бросил в атаку вслед за нами. Слева Пухов сообразил, что имитация кончилась, отделение рвануло к немецким позициям, расчеты РПД вели огонь на ходу.

А там уже рвались гранаты, трещали автоматные очереди, разведвзвод врукопашную разбирался с первой траншееей и с блиндажами. Я перепрыгнул через заваленный трупами окоп боевого охранения немцев, а в первой траншеее уже все шло к концу – бойцы добивали оставшихся немцев, забрасывали гранатами помещения блиндажей. Наши ротные пулеметчики, не дожидаясь команды, катили свои «максимы» на холм. С правого фланга слышалось «Ура!» третьей роты, а слева густая пулеметная стрельба отделения Пухова.

И немцы дрогнули! Они начали организованно, отходя из второй траншеи к своим соседним позициям. С того опорного пункта уже летели немецкие мины. Однако восходящее за нашими спинами солнце сыграло с ними злую шутку: в чистом поле в свете разгоравшегося дня фрицы оказались перед нами как вши на ладони. Вовремя подоспевшие «максимы» грамотно поработали – живым почти никто не ушел.

В траншеях уже действовал санинструктор с санитарами. Я вместе с комбатом и телефонистом подыскивал подходящий блиндаж для размещения КП роты. Там меня и нашел мичман Давыдов.

– Похоронили мы, товарищ лейтенант, нашего командира, здесь на холме… Убили его еще там, внизу, в окопе охранения. Ну, ребята и озверели. У меня тоже румпель заклинило на «полный вперед»… Смотрю, в плен взять некого, я и повел их дальше. Ты, лейтенант, скажи, чтоб разведчиков похоронили отдельно, там еще наших семеро… А нам пора уходить.

И разведка уехала, захватив с собой своих раненых. Мичман мне на память оставил немецкий автомат МР-40:

– Держи, лейтенант, пригодится. Это нашего командира автомат.

А я приказал на могиле Васина сделать пирамидку из снарядных ящиков с деревянной звездой.

Немцы, конечно, не смирились с потерей высоты и продолжали попытки ее вернуть. А к нам через два дня прибыло пополнение – сто пятьдесят человек необстрелянной молодежи. И я, распределяя их по взводам, еще раз мысленно благодарил бойцов Васина, ведь если бы я брал высотку с этими новобранцами, потеря было бы втрое больше. Поскольку у меня политрука в роте по-прежнему не было, я построил их и произнес короткую речь:

– Здесь похоронен капитан Василий Васин, – показал я рукой в сторону могилы. – Он воевал с первого дня войны, но отдал жизнь за эту высоту, сохранив ваши жизни, чтобы из этих дотов не стреляли по вам. Пока фронт не перейдет в наступление, немцы не оставят попыток отбить эти блиндажи, поэтому призываю: стоять насмерть! Торжественно обещаю: того, кто сделает хоть шаг назад без приказа, пристрелю лично!

Вот так вдохновил я новобранцев на подвиг. Васину высоту, конечно, мы не отдали. А вскоре началось большое наступление, и наша высота здорово помогла при развертывании ударных бригад. А потом меня представили к старшему лейтенанту. Так что в звании лейтенанта мне пришлось побывать недолго, – закончил Георгий Михалыч.

Левка молчал под впечатлением дедова рассказа. Оказывается, дед получил лейтенантское звание в те же годы, что и он после сборов, в двадцать три года. Так же, как и он… А какая разная судьба.

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Захватить станцию с ходу не получилось. Обескровленный батальон был отброшен и занял позицию в захваченных немецких траншеях первой линии. Контратаковать фрицы не решились, видимо, тоже нуждались в подкреплении или поддержке артиллерии.

Федор Зуев подсчитывал личные потери. По сравнению с тем, что жив, – сущие пустяки: осколок, а может, пуля расщепила приклад ППШ, ватник был порван, на правом сапоге отваливалась подметка. Обосновались в окопе, стал приводить амуницию в порядок и ждать кухню. Ее ждали все. Обманывали голод табачком.

Комбат связывался с КП полка:

– Поддержка нужна, товарищ майор! – кричал в трубку. – Сейчас бы один артналет, и станция наша. Что толку закрепляться в чистом поле? Сейчас нас фрицы своей артиллерией обогреют и сами вздумают контратаковать...

Кухни не было. Старшина выдал сухой паек и по сто граммов «для сугреву». К ночи прибыла минометная рота – четыре ствола. Разведвзвод «покусал» колючку, сделал дополнительные проходы. Поддержаный минометным огнем батальон снова атаковал.

Когда добрались до передовой траншеи, Зуев швырнул туда последнюю РГД, взрыв гранаты потонул в общем гуле. Сразу же прыгнул в окоп. Рукопашная схватка была короткой. Патроны кончились, Федя орудовал автоматом, как дубиной. Столкнулся со здоровенным немцем. И опять чудо: он уже хрюпал в объятиях душившего его фашиста, когда у того горло брызнуло кровавым фонтанчиком, и он обмяк. Это комзвода автоматной очередью в спину продырявил немца. А Федя прихватил его приклада уже не было.

Когда ворвались на станцию, там все горело, дымило и взрывалось. Минометчики поработали. Пленных не брали. Куда их девать? Впрочем, у немцев уже начался откровенный драп. Кто бегом, кто на машинах. Преследовать их никто не собирался. Не было сил. Только минометы перенесли огонь на дорогу, что подходила к станции от деревни, в направлении которой немцы отступили, растворившись в дымке начавшейся метели.

Федя встретил санитаров, попросил перевязать. Одна пуля из спасительной очереди взводного зацепила и его. Но лучше так, чем остыивать на дне фашистского окопа. Из таких «пустячков» и состоит оно – солдатское счастье.

Через полчаса бойцы сидели в кирпичной будке – то ли обходчика, то ли железнодорожных слесарей. Угощались брошенными гитлеровцами продуктами. Гудела печка. Тепло было рукам и желудку. Все были довольны, улыбались. Феде, как раненому, плеснули двойную норму «наркомовских». Он задремал. Сон был беспокойный – почти сутки в бою. Нервная система никак не хотела успокаиваться.

Во сне он опять воевал. Его душил немецкий солдат. Он слышал взрывы и крики. Надрывный треск пулеметов. Хлопки гранат. Злые команды своих офицеров, и тут же лающие немецкие. Кто-то его пинал и наступал на ноги. Когда проснулся, ничего не мог понять. В будке все перевернуто. Окно разбито, гуляет ветер. В дверь входили его товарищи по взводу с сердитыми лицами. Старшина ругался:

– Вот же еш твою в медный котелок! Вставай же, Зуев! Пьяница хренов! Вторую войну воюю, а такое вижу в первый раз, чтобы солдат в плену побывал, из плена

освободился и при этом даже не проснулся! Больше никаких тебе «наркомовских» до конца войны!

* * *

После войны Федор Зуев работал на заводе. Заочно выучился на инженера. Когда в анкетах доходил до графы «Были ли Вы или Ваши близайшие родственники в плену или в оккупации...?», его охватывало некоторое волнение. Он твердо писал «нет» и задумывался: а всё-таки был он в плену или не был?

В такой день вечером он наливал полстакана водки и выпивал. Запретить никто не мог – старшина с войны не вернулся.

ПОЭЗИЯ

ГАЛАШОВ
Юрий Викторович

Родился в 1962 г. в с. Суслово Малгушинского района. Школу окончил с похвальной грамотой. В 1985 г. окончил Курганский машиностроительный институт. В школьные и студенческие годы активно занимался легкой атлетикой, входил в студенческую сборную России. В период учебы в институте занимался в литературном кружке под руководством поэта Сульдина Константина Николаевича, в то время редактора студенческой газеты «Смена». Дипломант нескольких конкурсов и фестивалей. Лауреат Международного фестиваля «День поэзии–2017», лауреат конкурса поэтов и бардов «Самойловские встречи». Участник литературного клуба «Приют поэтов». В настоящее время трудится в Притобольном районе в крестьянском хозяйстве «Иванов и К».

В альманахе публикуется впервые.

СНОВА В ВОЗДУХЕ ЗАПАХ ВЕСНЫ...

Снова в воздухе запах весны,
Я от ветра слезинки не прячу,
В небе месяц-обломок блесны
Мне опять обещает удачу.
Я, как прежде, спешу и бегу
По написанной кем-то программе,
Но уже никогда не смогу
Я в глаза заглянуть своей маме.
Не берёт мою голову хмель,
И сегодня печальная дата,
Ведь однажды такой же апрель
Сиротой меня сделал когда-то.
Ты учила: где правда, где ложь,
Встречный ветер поможет подняться,
Дважды в реку в одну не шагнешь,
И грешно над калекой смеяться.
Я, как мог, твою мудрость постиг
И в добро не терял твоей веры.
Но я, видно, плохой ученик,
Раз наделал ошибок без меры.
Всё с годами я стал понимать
И поступки оценивать строже...
Моя мама, мамулечка, мать –
Никого нет на свете дороже.

У МАМЫ

Свои желанья буду вспоминать.
Под тихий звездопад взгрустну немного
И обнулю число своих потерь,
Но сколько б ни вела меня дорога,
Я снова постучу в родную дверь.

ДОЧКЕ КАТЕ

Сладко спит моя малышка,
Ткнув в подушку носик свой,
Рядом спит лохматый мишка,
И разорванная книжка
У него под головой.
Утомились ручки, ножки
Бегать, прыгать, всё таскать,
Лишь на глянцевой обложке
Карапузик на дорожке
Никогда не хочет спать.
Чуть подрагивают глазки,
Губки чмокают во сне,
Может, хочется колбаски,
А быть может, ей из сказки
Снится рыцарь на коне.
Снятся ей чужие страны,
Столько хочется узнать
Про моря, про океаны,
Про степные караваны,
Как цветут в горах тюльпаны,
Но пока что надо спать.
Крепко спи, родной комочек,
Завтра день начнём сновья,
Папы больше любят дочек,
Посвящают много строчек,
Пусть простят нас сыновья.

НА ЗОРЬКЕ

Рассвет ласкает камыши,
Туман расчёсывает пряди,
И в этой сказочной глуши
Мой поплавок на водной глади.
В осоке дремлет ветерок,
Её волнуя в такт дыханью,
И только пения урок
У петухов по расписанию.
Но самый вёрткий червячок,
Как космонавт, покинул банку,

Обвил заточенный крючок
И тихо дремлет спозаранку.
Вот только злые комары
Носы врубают даже в лодку,
Как дровосеки топоры,
Я им, как огурец под водку.
Но это горе – не беда,
Пусть неприятное соседство,
И я опять спешу сюда,
Я снова возвращаюсь в детство.

У ОКОШКА

Лунный свет в моём окошке,
На листке грустит строка,
Я налью луне, как кошке,
Из кувшина молока.

Где ещё найдёшь такую
Собеседницу в ночи,
Заплету в косу тугую
С подоконника лучи.

Из трубы дымок чумазый
Мне помашет на бегу,
А вокруг горят алмазы
Вгороде на снегу.

От любви и в эту пору
Не утихла суeta,
Убегает по забору
Моя кошка от кота.

У неё свои запарки,
Им, как видно, не до снов,
Скоро будут мне подарки
Полосатых крикунов.

Посижу ещё немножко,
Что поделаешь теперь,
И пойду открою кошке
Припорощенную дверь.

РОДНЫЕ МЕСТА

Я помню запах мест родных,
Здесь я на свет пришёл когда-то

В дорогах звёздных и земных,
Об этом память вечно свята.

Здесь темноту порвал мой крик,
И мать у ляльки хлопотала,
А я к груди её приник,
Чтоб жизни почерпнуть начало.

И в первый раз здесь произнёс
Родное вечно слово «мама»,
Не уберёг Господь Христос,
Теперь здесь вместо дома яма.

Вокруг лишь ветер да ковыль,
И старый тополь у дороги,
Но помнит на дороге пыль
Мои мальчишеские ноги.

И помнит тополь-старина,
Как всё здесь было по-другому,
Теперь другие времена,
Но я опять вернулся к дому.

ПРОЗА

ВЕТРОВ
Андрей Алексеевич

Родился в 1972 г. в г. Семипалатинске. Проживает в г. Кургане. Автор трёх поэтических сборников. Лауреат и дипломант поэтических фестивалей в России и за рубежом (Курган, Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург, Грузия, Бельгия, Франция, Германия). В 2022 г. стал победителем в номинациях «Верность слову» и «Поэтический ринг» на фестивале поэзии и бардовской песни «Самойловские встречи» (Свердл. обл., Н.Синячиха), обладатель гранта губернатора Курганской области имени В. Ф. Потанина в области литературы за 2022 год.

Печатался в газетах и журналах города Кургана и Курганской области, в международном альманахе «Воскресенье» (Екатеринбург), журнале «Урал» (Екатеринбург); в сборниках «Эмигрантская лира». В 2022 г. принят в Союз писателей России.

ГЛАЗА, ЖИВУЩИЕ В МОЕЙ ГОЛОВЕ

Сегодня я снова поругался с Лерой. Мы и раньше-то жили не особо дружно, а в последнее время ссора стала чуть ли не ежедневным нашим ритуалом. В этот раз кричала только она. Я же просто смотрел на нее и тупо улыбался, зная, что это бесит ее даже больше, чем мои гадости в ответ. В порыве гнева Лера теряла контроль над собой и могла наговорить все что угодно. Главный посыл сегодняшнего ора состоял в том, что я эгоист, который никогда и никого не любил, а решение связаться со мной – это самая большая ошибка в ее жизни. На какое-то время я даже задумался: а действительно, любил ли я?

Глаза. Ее глаза – большие-большие, как два веселых облака, которые иногда таращились на меня в окно моей спальни. Голубые-голубые, как небо, по которому плыли эти облака. Озорные-озорные, со своими чертиками внутри и одновременно чистые, как родниковая вода. Это то, что я всегда отчетливо видел, когда вспоминал о ней. А еще я помнил, что мне было очень хорошо и спокойно рядом с ней. Мне, рыжему пятилетнему мальчишке, грозе местных гусей и куриц. И пускай стрелы моего лука не наносили птицам большого вреда, но зато переполох всегда получался знатный. Мальчишке, у которого дня не проходило, чтобы он что-нибудь да не натворил, которого бабушка частенько отмазывала перед соседями за очередные проделки.

А когда я встречался с ней, меня словно подменяли. Я становился просто другим человеком. Мы могли подолгу спокойно играть в песочнице или качаться на качели. Она могла поделиться со мной последней конфетой, а я разрешал ей кататься на своем трехколесном велосипеде, к которому

относился очень ревностно, никому не разрешал даже посидеть на нем, не то что прокатиться. Бывало даже так, что она играла со своей куклой, а я мог сидеть рядом, молчать и просто наблюдать за ней. А иногда мы брались за руки и шли гулять.

Однажды я даже спас ее от гуся по кличке Гапон. Это случилось в одну из наших прогулок. С этим гусем у меня были давние личные счеты. Я частенько улепетывал от него, потому что Гапон был единственным гусем в деревне, который не боялся ни стрел из моего лука, ни моей шпаги из ивового прутика. И вот когда Гапон в очередной раз решил повыпендриваться перед своими гусынями и налетел на нас, грозно шипя и хлопая широко расставленными крыльями, я уже было решил дать деру, тем более что ни шпаги, ни лука у меня с собой не было. Но едва представив себе, что гусь может напугать или, еще того хуже, ущипнуть ее, я тут же схватил первый подвернувшийся под руку камень и, крикнув ей: «Беги!», встал в позу воина, готового без раздумий броситься под гусеницы вражеского танка. Сказать, что мне было страшно, значит не сказать ничего. Страх не просто парализовал мое тело, он стянул на моем теле сотню металлических обручей, какими стягивали деревянные бочки, и загнал в глубь меня, куда-то очень глубоко, мой голос. Я стоял и не мог ни пошевелиться, ни закричать. Казалось, уж в этот-то раз Гапон сполна посчитается со мной за всех обиженных птичек.

Но тут произошло настоящее чудо. То ли гусь испугался моего перекошенного от страха лица, то ли посчитал, что для уважения гусынь ему достаточно и одного убегающего, но сначала он остановился, а потом с гордым видом, громко гогота, развернулся и вразвалочку пошел обратно...

Я не знаю, что это было. Любовь? Или обычная детская дружба? Вряд ли кто-то из взрослых тогда серьезно воспринимал эту ситуацию, и то, что случилось дальше, поставило многих в тупик.

Проснувшись ближе к обеду, умывшись и наспех позавтракав, я прибежал к нашей песочнице. Прождав достаточно долго и не дождавшись ее, я попытался проникнуть за ограду дома моей подружки, но калитка была заперта изнутри. Тогда я стал заглядывать в щели дощатого забора, пытаясь хоть что-нибудь увидеть, пока щель в заборе не совпала с входными дверями. Увидев замок на двери и ничего не заподозрив (мало ли куда она могла уехать с родителями), я помчался заниматься другими делами, которых у пятилетнего мальчишки в деревне, да еще летом, да еще когда он практически целый день предоставлен сам себе, всегда предостаточно. В течение дня я еще несколько раз прибегал к ее дому и каждый раз через щель в заборе видел одну и ту же картину – замок на двери. Так продолжалось несколько дней: я вставал и, уже не умываясь и не завтракая, бежал по одному и тому же маршруту, а обнаружив все тот же замок на дверях, брёл домой. Пока однажды проходившая мимо соседка, увидев, как я в очередной раз прилип к щели в заборе, не сказала:

– Так уехали они.

Не совсем понимая, что происходит, я переспросил:

– Как уехали?! Куда уехали?!

– Совсем уехали, – буднично сказала соседка и пошла дальше.

А я побрёл домой и заболел. Заболел так, что ни родители, ни доктора не могли понять, что со мной происходит и от чего меня надо лечить. Никаких видимых и невидимых симптомов обнаружить у меня не смогли. Я целыми днями лежал в постели, смотрел в одну точку, отказывался от пищи, от конфет, от новых игрушек

и ни с кем не хотел разговаривать. Так продолжалось около двух недель, но время, как известно, лечит...

В следующий раз я увидел эти глаза только через семь лет. Мама собралась в гости к своей сестре в другой город и взяла меня с собой. Ехать надо было чуть больше суток на поезде. Нам достались верхняя и нижняя полки в купе посередине вагона. Ещё два места были свободные. Переодевшись, мы решили перекусить, как говорится, чем Бог послал. А Бог поездов обычно посыпает всем путникам примерно одинаковые наборы. Это курица в фольге, бутерброды с колбасой, варёные яйца, овощи и фрукты. На ужин из всего этого «разнообразия» нам достались курица и овощи.

Проводница, невысокая щуплая женщина, про которую в народе бы сказали «маленькая собачка до старости щенок», принесла чай. После перекуса я забрался на верхнюю полку, достал книгу и погрузился в джунгли, заселённые племенем Семинолов под предводительством бесстрашного вождя Оцеолы. Не знаю, сколько прошло времени, – когда книга интересная, время пролетает незаметно; наш поезд стал замедляться, пока совсем не остановился. Мама сказала, что мы подъехали к Омску, что стоянка здесь двадцать минут и можно выйти на перрон и немного размяться. Но я не мог оставить Оцеолу один на один с вождём враждебного племени и поэтому отказался. Мама ушла, а в купе через какое-то время со словами: «Ну, вот, внучка, и добрались» – зашёл дедушка, а за ним девочка примерно моего возраста. Пока дед убирал чемодан в багажное отделение под нижней полкой, девочка стояла в проёме дверей. Сверху мне были видны только её русые волосы, заплетённые в две тугие косички. Я уже хотел было снова переключиться на чтение книги, как вдруг девочка подняла голову и посмотрела на меня. Разряд электрического тока, похожий на тот, с которым я познакомился в шестилетнем возрасте, когда засунул два гвоздя в розетку, прошил моё тело. Я не помнил овал её лица, не помнил её улыбку, её голос, но её глаза я не спутал бы ни с какими другими глазами на всей земле.

Всё те же два белых весёлых облака и голубое небо. Всё та же чистота родниковой воды во взгляде и всё те же озорные чёртики. Неизвестно, сколько ещё времени я бы пялился на неё, ни на секунду не отводя взгляда, но она вдруг показала мне язык. Это было так неожиданно, что книга выпала из моих рук. Мне повезло, что она не улетела на пол.

Я быстрыми невовкими движениями поднял книгу, закрыл своё красное от смущения лицо и сделал вид, что действие, происходящее на страницах книги, мне гораздо интереснее. Хотя ни о каком чтении уже не могло быть и речи. Мысли в моей голове, как кролики в маленькой клетке, бегали наперегонки друг с другом, не в силах вырваться из этого тесного пространства. Чуть успокоившись, я стал одним глазом наблюдать, что происходит в купе. Вернувшись с перрона мама познакомилась с новыми попутчиками. Поезд тронулся.

Дедушка, сославшись на усталость, постелил постель и лёг на нижней полке. Девочке ничего не оставалось, как тоже забраться на верхнюю полку. Поборов своё смущение и робость, я предпринял попытку реабилитироваться за своё красное лицо, а заодно и познакомиться.

Перебросил на её полку спичечный коробок с засушенным майским жуком. Надеясь на то, что, увидев жука, девчонка завизжит от испуга, но не тут-то было. Медленно открыв коробок и аккуратно достав жука, она произнесла:

– Bay! Класс! – потом положила его на ладонь и, внимательно рассмотрев, спросила:

– Откуда у тебя такое сокровище?!

Я с гордостью рассказал о том, как сам откопал жука в куче перегноя.

Так, слово за слово, мы разговорились. Оказалось, что она тоже любит читать и даже знакома с моими любимыми авторами. Вскоре я совсем осмелел и перебрался на её полку. Мы, подогнув ноги калачиком, играли в карты, ели конфеты и болтали так, как будто были знакомы уже очень давно. Всё происходящее вокруг нас – стук колёс, быстро меняющиеся пейзажи за окном и музыка из динамика – отступило на второй план. Мне было хорошо и спокойно рядом с ней так же, как тогда...

Вскоре в купе приглушили свет, пора было ложиться спать. Я вернулся на свою полку. Мы лежали молча и просто смотрели друг на друга, а когда взрослые уснули, взялись за руки...

Утром, когда я проснулся, полка напротив меня была пуста. На нижней полке сидел толстый потный мужик и с громким чавканьем поедал огромный бутерброд с колбасой. Двери были открыты. Мама стояла напротив нашего купе и смотрела в окно. Ничего не напоминало о наших попутчиках. Неужели всё, что было вчера, мне только приснилось?

...Когда я очнулся, Лера показательно сбрасывала свои вещи в чемодан. Но у меня не было ни малейшего желания её остановить. Как будто пелена спала с моих глаз. Я смотрел на Леру и осознавал: всё происходящее сейчас с нами – это не моё, и если я не начну что-то менять в своей жизни, то просто погибну. Уже несколько лет я зачем-то пытался влиться в чужой мир и примерить чужую жизнь. Я отказывался идти своей дорогой, собирать свою сорную траву, сеять свои мысли и говорить на своём языке. Ведь получается, что я предал Её! Предал свою любовь! Предал Глаза, которые всю жизнь живут в моей памяти, в моём сердце.

Я не набрался терпения, не дождался нашей третьей встречи, встречи, после которой я больше никуда Её не отпущу.

САПОГИ

Утром Коля был самым счастливым человеком! На улице стояла по-весеннему теплая погода. Ласковое солнце купало свои лучики в придорожных лужах. Поднимая настроение, пели птицы. А Коля шёл в садик в новых резиновых сапогах. Синие, с серой полосой на голенище! Как они сверкали и переливались на солнце! Мальчик даже ноги старался поднимать повыше, чтобы прохожие могли как следует разглядеть его новые лакированные сапоги.

А вот дальше что-то пошло не так. Неудачи стали наматываться на день, как спагетти на вилку. Надо же было попасться на пути этой огромной луже, и как раз в тот момент, когда Коля чуть приотстал от мамы. Мальчик решил испытать новые сапоги. Ну откуда он мог знать, что под водой притаился нерастаявший лёд? Когда мама заметила его пропажу, было уже поздно. Коля барабанялся в грязной, холодной воде и никак не мог подняться. Мама, с трудом сдерживая смех, вытащила сына из лужи. От чистого опрятного мальчика не осталось и следа. Перед мамой, с опу-

щенной головой, стояло чудо-юдо, с одежды которого, как с лохматого пса, стекали грязные струйки воды. Вылив воду из сапог, мама с сыном поспешили обратно домой, переодеваясь. Коля бежал за идущей быстрым шагом мамой и плакал. Плакал не потому, что мама его отругала, не потому, что ему было холодно и некомфортно в мокрой одежде, и даже не потому, что некоторые прохожие показывали на него пальцем, обращаясь к своим детям, а потому, что ему было очень жалко его новые сапожки, каждый шаг в которых отзывался противным чавканьем.

Коля с мамой очень спешили, но всё равно опоздали и на зарядку, и на завтрак. И если по поводу зарядки мальчик не переживал, то по поводу пропущенного завтрака немного расстроился, но ненадолго. Вскоре мальчиков разделили на две команды для игры в войнушку. Чтобы дети отличали своих от чужих, воспитательница Ольга Владимировна одной команде раздала пилотки, другой бескозырки. Коля попал в команду к морякам, где командиром назначили Сашку. Вот тут-то уже Коля расстроился по-настоящему. Сашку выбрали командиром только потому, что он был выше всех ростом в команде моряков. Разве это справедливо? Ведь Коля был ниже Сашки всего-то на два пальца! Кое-как смирившись с решением воспитателя, он решил в бою доказать, кто по-настоящему достоин звания командира, и... перестарался.

Коля бился как лев. Громче всех стрелял из своего автомата «тра-та-та-та-та». Перебегал от одного укрытия к другому, перекатываясь, как настоящий солдат, бросив гранату, и так увлёкся, что не заметил, как вместо гранаты-мячика запустил кубик от деревянного конструктора и попал прямо в нос Мише из команды противника. Из Мишиного носа пошла кровь, игру тут же остановили, а команде моряков засчитали поражение. Настроение было испорчено окончательно...

Во время сон-часа Коля долго ворочался и не мог уснуть, а когда уснул, ему приснилась настоящая война. Вокруг рвались снаряды и свистели пули. Едкий чёрный дым марал лицо и пробирался в нос. Коля, командир моряков, отважно вёл свой отряд в наступление на позиции противника. Его бойцы один за одним падали, сражённые врагом, но Коля героически продолжал наступление, пока не остался совсем один. Коварные враги окружили Колю и взяли его в плен. Поставив командира в угол, они решили выведать у него военную тайну, но Коля, как настоящий герой, молчал. Тогда враги, поняв, что от Коли им ничего не добиться, решили отпустить его. Но не тут-то было. Коля отказался выходить из угла и продолжал упорно молчать. Враги даже отдали Коле его автомат, а он стоял. Ольга Владимировна попросила прощения у Коли за то, что засчитала морякам поражение, а он стоял. Сашка отдал ему свою мятную жвачку и пообещал больше никогда не быть командиром, а он стоял. Вот уже сначала мама, а потом и бабушка со слезами на глазах умоляют Колю выйти из угла... и тут мальчик проснулся. Несколько минут Коля лежал и вспоминал сон, а потом подумал, что если бы мама и бабушка попросили его выйти из угла, то он скорее всего согласился бы.

Забирать Колю из садика пришла бабушка и принесла его новые сапожки. Они были чистые и сухие и блестели так же, как утром. По дороге домой бабушка крепко держала внука за руку, а Коля шагал, высоко поднимая ноги, и думал о том, что он обязательно должен пройти ту лужу и не упасть, ведь настоящие герои все свои дела доводят до конца.

АЛФАВИТ

Помнишь, когда тебе исполнилось семь, мы стали придумывать свой алфавит? Не тот, который ты знала уже в пять, а наш с тобою. Только наш. Было воскресенье, день, когда Лена разрешала нам видеться. Мы сидели в машине. На улице лил дождь. Изнывая от скуки и не зная, чем заняться, ты достала из кармашка сиденья блокнот, в котором мы обычно рисовали. Я уже не помню, кто из нас первым предложил придумывать новые буквы, но то, что первую букву записала ты, я помню совершенно точно. Она была робкая и неказистая, наверное, потому что первая. Её линии «плясали» и завивались в какую-то замысловатую закорючку. Буква не была похожа ни на одну известную мне, да и вообще на букву она была мало похожа. Назвала ты её тоже необычно – «утро». Я спросил:

– Почему «утро»?

– Потому что! Потому что каждый новый день начинается с утра! Потому что солнышко появляется утром. Потому что я родилась утром, и вообще, папа, почему я должна разжёвывать тебе элементарные вещи! – сдвинув брови и придав лицу очень серьёзное выражение, выпалила ты.

– Хорошо, дочь. Тогда, следуя твоей логике, следующая буква обязательно должна называться «кофе», – и я изобразил что-то похожее на кружку, над которой клубился пар.

– Это, папочка, следуя твоей логике! Это ведь ты у нас без кофе жить не можешь!

Возразить было нечего, и поэтому я снова согласился.

Вот интересно, почему люди чем меньше знают, тем меньше сомневаются? Детей это касается в первую очередь. Наверное, потому, что ваша память еще не засорена огромным количеством информации и ещё большим количеством воспоминаний, которые, словно старые игрушки в доверху набитой кладовой, пылятся и ждут, когда их достанут. Некоторые иногда достают, чтобы стряхнуть с них пыль. Некоторым игрушкам везёт, ими делятся. Пока ты изображала следующую букву и думала, как её назвать, из кладовой моей памяти я достал одну из таких игрушек.

Летнее воскресное утро. Яркое солнце нагло пытается раздвинуть портьеры и заглянуть в спальню. Из раскрытого настежь окна одновременно с пением птиц доносятся звуки просыпающегося города. Тебе около двух. Ты спишь в своей кроватке у стены, мило подсунув ручки под щёку. Лена, откинув лёгкое одеяло, тоже спит. Её длинные волосы, как продолжение солнечных лучей, которые не смогли пробраться в спальню, рассыпались по подушке. На красивом лице играет едва заметная улыбка. Я гладжу её волосы, чувствую тепло, идущее от её тела. Какое-то время лежу и любуюсь моими ангелочками, потом тихо встаю, умываюсь и иду на кухню готовить завтрак. Мне очень хочется сделать что-то приятное для моих любимых девочек! И пусть это такая мелочь, завтрак, но я знаю, что Лене это точно понравится...

– Папа, ты где? – твой голос вернул меня в реальность.

– Извини, дочь, задумался. Ну что, какая буква у нас следующая?

– «Вода», только не спрашивай почему!

– Хорошо, не буду. Я уже понял правила составления нашего алфавита – никаких правил. Сплошная импровизация.

– Какой ты умный, папочка!

– Тогда следующая буква будет называться, будет называться... она будет называться «работа».

– И как же ты её изобразишь?

Я задумался. Если вспомнить предпоследнее место работы, я бы, ни секунды не колеблясь, изобразил эту букву в виде бутылки. Устроился на работу – надо обмыть, а то мужики не примут. Конец рабочей недели – надо отметить, а то коллеги не поймут, и так пошло-поехало. Дни рождения, премии, корпоративы и т.д. и т.п. Лена сначала терпела, потом стала ругаться, потом умолять, потом снова ругаться, а потом собрала вещи, переехала к маме и подала на развод.

– Папа, ты опять завис? Рисуй давай!

– Знаешь что, а давай-ка изобразим её в виде осла!

– Прикольно!

С тех пор, если погода не позволяла нам гулять, мы придумывали буквы для нашего алфавита. Какие только закорючки мы с тобой не рисовали. И как только мы их не называли. Всё было хорошо, если не считать того, что твоя мама никак не хотела меня прощать. Боялась, что я опять сорвусь. Но я держался. Я приезжал к тебе каждые выходные. Я знал все твои тайны. Во всяком случае, я так думал. Ты росла на моих глазах. Всё было хорошо до тех пор, пока в нашем алфавите не появилась буква «зю». Буква, похожая на чёрную тучу и обозначающая горе, беду, трагедию.

У тебя обнаружили серьёзное заболевание. Нужна была срочная операция за границей, которая стоила больших денег. Очень больших денег. Потянулись недели тяжелых испытаний. Больницы, обследования, уколы, капельницы. Твоё состояние ухудшалось с каждым днём. Радио, телевидение, спонсоры, фонды. Мы собирали деньги. Деньги собирались очень медленно. А ещё мы помирились с Леной. Сначала, конечно, она винила во всём меня. Ругалась, кричала, плакала. Но потом поняла, что не время. И снова белые халаты, крашеные коридоры, твои осунувшиеся глаза. Письма, запросы, кабинеты, отказы. И так по кругу день за днём. Машину я продал, но наш блокнот носил всегда с собой, и, когда становилось совсем невмоготу, я придумывал новые буквы. В нашем алфавите появились: «храм», «молитва», «вера», «надежда», «надежда», «надежда» ... Надежда угасала.

А потом вдруг, из ниоткуда, появилась буква «чудо». Нашелся волшебник, который сразу выделил всю недостающую сумму. Тебе сделали операцию. Ты идёшь на поправку, и скоро вы с мамой будете дома. Мы обязательно допридумываем наш алфавит. Мы втроём. Я уверен, есть ещё немало букв, которые обязательно надо придумать. Дочь, только чур, последнюю букву запишешь ты, пусть даже если она будет похожа на два маленьких холмика. Назови эту букву «память».

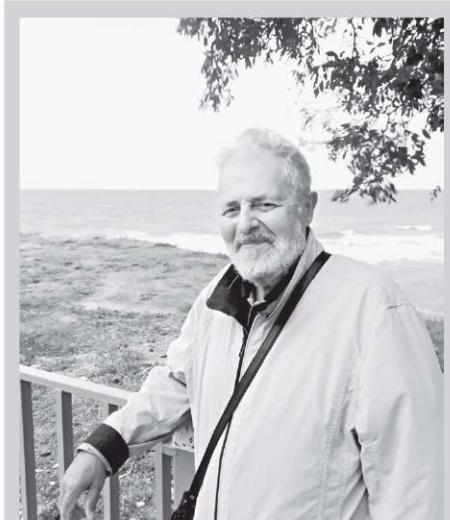
ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ БАШМАКОВА

Из тринадцати декабристов, отбывавших ссылку в Кургане, двенадцать были в прошлом, до ареста, военными людьми, из которых только пятеро участвовали в походах и боевых действиях. Это И. Ф. Фохт, И. С. Повало-Швейковский, А. Ф. Бриген, Ф. М. Башмаков и Н. И. Лорер.

Рассказ пойдёт об одном из них, самом малоизвестном из курганских декабристов, Флегонте Мироновиче Башмакове, сосланном навечно в Сибирь в связи с восстанием Черниговского полка. Ни писем, ни воспоминаний он не оставил, нет даже его портрета в молодом возрасте. Его военная служба, начатая при Екатерине II, закончилась при Николае I при драматических обстоятельствах. Проследить начало военной биографии Башмакова нам поможет его послужной список.

Военную службу он начал, как и многие дворянские дети, с унтер-офицерского чина. Молодые дворяне получали домашнее образование, и это считалось достаточным. Необходимые профессиональные знания будущие офицеры приобретали непосредственно в полку, где начинали службу. 28 ноября 1794 г. Флегонт Башмаков был принят сержантом во 2-й фузилёрный полк («фузилёр» от фр. fusilier-стрелок, название пехоты в русской армии в XVIII веке. – В.А.). 28 февраля 1797 г. Башмаков переведён в артиллерию, «подпоручиком в 10-й артиллерийский батальон». Перейти в артиллерию из пехоты в офицерском звании было непросто. Видимо, смышлённым и образованным парнем был Флегонт Башмаков. Надо было знать математику, черчение артиллерийских орудий и при надлежностей к ним, делание пороха и приготовление артиллерийских снарядов, знать типы орудий и их применение в бою.

АГА
Владимир Ильич

Родился в Кургане 26 февраля 1951 г. Учился в школе № 32. В 1974 г. окончил Курганский машиностроительный институт по специальности «автоматизация и комплексная механизация машиностроения». Прошел военную подготовку на военной кафедре при институте. По распределению работал на Савеловском машиностроительном заводе (г. Кимры Калининской области) инженером-наладчиком, мастером.

По возвращении в Курган в 1977 г. работал на заводе «Дормаш», Курганмашзаводе, Варгашинском заводе противопожарного оборудования в разных должностях, связанных с производством. Имеет звание «Ветеран труда».

После выхода на пенсию увлекся историко-краеведческими изысканиями. Первый опубликованный материал появился в 2019 г. в газете «Курган и курганцы», как результат исследования истории возникновения имения Петровского. В настоящее время вышло 10 статей, посвященных истории родного края.

В свой первый заграничный поход, в Северную Италию, Флегонт Башмаков выступил 1 апреля 1799 г. Полевой артиллерийский батальон, в котором он служил, вошёл во вспомогательный корпус генерала Ребиндера. В конце 1798 г. сложилась коалиция государств, противостоящих революционной Франции, первенствовали в которой Россия, Австрия и Англия. Франция к началу 1799 г. захватила несколько областей в Италии, Швейцарии, Голландии и провозгласила там республики.

Военные действия союзников по коалиции, Австрии и России, начались в Северной Италии в апреле 1799 г. с появлением там авангарда русских войск и А. В. Суворова, который принял на себя командование союзными войсками. Суворов не находил нужным терять время на взятие крепостей, оставляя их в своём тылу и обкладывая небольшим, но достаточным для осады воинским контингентом. Благодаря такой тактике его поход был стремительным, и союзные войска одержали в течение апреля-августа 1799 г. ряд блестящих побед над французами. Сам Наполеон в это время воевал в Египте и Сирии.

Однако Венский двор постоянно настаивал на взятии крепостей, особенно крепости Мантуя, которая считалась одной из сильнейших крепостей в Европе. Её гарнизон насчитывал более 10 тысяч защитников, продовольствием и боеприпасами она была обеспечена на многие месяцы. Крепость была обложена осадным корпусом австрийского генерала Края с мая. С приходом в Италию русского корпуса Ребиндера началась активная осада Мантуи, завершившаяся её взятием.

Из послужного списка Башмакова: «...июня с 24 по 13 июля при осаде и взятии г. Мантуя в сражении находился, а с 13 июля под енным городом с охотниками находился при штурме 2-х батарей и за овладение на оных 9-ти орудий был» (даты даются по Юлианскому календарю. – В.А.).

В сочинении русского историка М. И. Богдановича «Походы Суворова в Италии и Швейцарии» приводится выдержка из донесения Суворова императору Павлу: «Генерал Край, отдавая полную справедливость русским войскам, участвовавшим в осаде Мантуи, в особенности был доволен действиями артиллерии капитана Мартынова и поручика Бушмакова, весьма отличившихся при взятии штурмом укреплений Черезы» (Черезы – самое укреплённое место крепости. – В.А.). Думается, речь идёт о нашем герое, а путаница в написании фамилии и звания есть ошибка в переводе с немецкого, тем более генерал Край совсем не знал вновь прибывших русских офицеров.

Взятие Мантуи было оценено Венским двором даже выше, чем все победы Суворова. Европа была потрясена. Император Павел возвёл Суворова в княжеское достоинство с титулом Итальянского. А во Франции коменданта крепости отдали под суд. В Швейцарском походе Башмаков не участвовал, так как вся русская артиллерия и обоз были отправлены в Швейцарию кружным путём, минуя перевалы. Но горные хребты ему вскоре пришлось штурмовать, только не альпийские, а кавказские.

5 мая 1801 г. Флегонт Башмаков, проделав труднейший 4-месячный поход со своим подразделением «чрез реку Терек и ущелье Кавказских снежных и Кайшаурских гор», прибыл в Грузию. Древняя страна, ещё в IV веке принявшая христианство, к началу XIX столетия находилась в состоянии феодальной раздробленности и упадка. Кроме Карталино-Кахетинского царства (Восточная Грузия) с центром в Тифлисе существовало ещё четыре независимых грузинских государства: Имеретия, Гурия, Сванетия и Мингрелия. На территории нынешних Армении и Азербайджана на-

ходились подконтрольные Персии ханства, самыми крупными из которых были Гянджинское, Эриванское, Карабахское и Бакинское.

Император Павел, выполняя предсмертную волю последнего грузинского царя Георгия XII, издал манифест «О присоединении Грузинского царства к России», обнародованный 18 января 1801 г. В Грузию были направлены дополнительные войска «для удержания внутреннего в земле устройства и для ограждения оной от внешних нападений». После смерти Георгия XII началась жестокая борьба за власть между наследниками, погрузившая Грузию в анархию. Новому императору Александру I пришлось грузинский вопрос ставить несколько раз на заседаниях Государственного Совета. Включение Грузии в состав России имело в Петербурге как влиятельных сторонников, так и противников. Однако победило мнение, что в интересах достоинства России нельзя отступать от сделанного уже приобретения.

В итоге 12 сентября 1801 г. Александр I подписал указ «Об учреждении внутреннего в Грузии управления» с приложением Манифеста к грузинскому народу. Монархия в Грузии упразднялась, члены царской фамилии выселялись во внутренние российские области. Первым лицом в Грузии становился главнокомандующий. Активные действия по принятию в российское подданство западных грузинских областей и восточных ханств начались с назначением в 1802 г. главнокомандующим генерал-лейтенанта князя Павла Дмитриевича Цицианова, бывшего в опале при Павле I. Опытный военачальник, имевший грузинские корни, был своим в Закавказье. Цицианов был сторонником жесткого стиля в управлении этим краем.

Так как Эриванское и Гянджинское ханства считались утраченной частью грузинского царства, то Россия ещё по Георгиевскому трактату 1783 г. обязывалась способствовать всеми средствами, дипломатическими и военными, к возврату этих земель. 29 ноября 1803 г. корпус Цицианова перешел границу Гянджинского ханства. Джавад-хану, правителю Гянджи, была предложена капитуляция, обещалось «неограниченное милосердие». Хан ответил грубым отказом, и 7 декабря начался штурм предместий и осада крепости. После месячной блокады и бомбардировки крепости 3 января 1804 г. начался штурм башен Гянджи. Через несколько часов крепость была взята, при защите её геройски погиб сам Джавад-хан. Наступление велось двумя колоннами, причем первой, на направлении главного удара, надлежало идти влево от Карабахских ворот, против батареи артиллерии подпоручика Башмакова.

«Взятие штурмом крепости Гянджи
4 января 1804 года».
Художник А. И. Шарлема

Гянджа являлась воротами в Азербайджан, была одной из азиатских твердынь. Цицианов писал в победной реляции Александру I: «Победоносные российские орлы парят над башнями Ганжи...». За умелые действия и храбрость при взятии крепости подпоручик Башмаков был награжден орденом Св. Анны 3-го класса («аннинским оружием»). По указанию Цицианова город был переименован в Елисаветполь, в честь супруги российского императора Елизаветы Федоровны.

После Гянджи наступила очередь Эривани. Это ханство грузинские цари также считали своим. Кроме того, на территории ханства находился Эчмиадзинский монастырь – резиденция армянского патриарха. Для похода на Эривань Цицианову с трудом удалось собрать 4500 штыков и сабель при двенадцати орудиях. Болезни косили людей, не разбирай чинов. Чужой климат, плохая вода, недостаток привычного провианта делали своё дело.

Сразу по прибытии к монастырю русский корпус был атакован персами, которые пересекли Аракс и вторглись на территорию Армении. Во главе 18-тысячной персидской армии стоял наследный принц Аббас-Мирза. В течение июня 1804 г. русские войска отразили все атаки противника благодаря дисциплине и стойкости солдат и действиям артиллерии, которая отгоняла персидскую конницу, освободили монастырь от засевших там персов и завладели их лагерем. Устрашенный Аббас-Мирза ушел за Аракс.

Со 2 июля Цицианов стал обкладывать Эриванскую крепость – серьезное сооружение с двойными стенами, между которыми имелся ров, заполненный водой. Но сил у русских для правильной осады катастрофически не хватало. 15 июля персидское войско вернулось во главе с самим шахом Баба-ханом и с марта атаковало русские войска. И все же русским удалось отбиться, потеряв убитыми и ранеными больше 180 человек. Осада продолжалась весь июль и август. Противник непрестанно пытался деблокировать осаду как изнутри, так и снаружи. Затем Баба-хан решил одолеть Цицианова измором и отрезал его от Грузии.

Ситуация становилась критической: четыре тысячи голодных солдат, одна треть из которых были больны или ранены, имевших провианта лишь на три дня и ограниченный запас зарядов, оказались зажаты в клещи гарнизоном крепости и войском Баба-хана. На военном совете было решено пробиваться назад, в Грузию. Из послужного списка Башмакова: «сентября 4, 5, 7, 8 и 9 при отступлении из Ерипана в сражении с персидским войском под начальством Баба-хана бывшим у прикрытия ретирады находился». Отступающая пехота выстраивалась в несколько каре, четырехугольником, по углам которых двигались пушки, которые стрельбой на картечь отбивали все атаки персидской конницы. Но переход был тяжелым, только за 9 дней отступления умерло 5 офицеров и 140 нижних чинов.

За отличие, оказанное в сражении, 16 сентября 1804 г. Флегонт Башмаков был произведен в поручики. На Кавказе слухи разносятся быстро. О поражении Цицианова узнала вся Грузия и горские народы. Осетины взбунтовались и перекрыли Военно-Грузинскую дорогу, внутри страны начались мятежи недовольных присоединением Грузии к России. Целый год ушел на успокоение вновь присоединенных земель. Помощи русскому корпусу из России ждать не приходилось, надвигалась война с Наполеоном. Тем не менее в мае 1805 г. под Елисаветполем Цицианов принял от карабахского хана присягу на верноподданство и подписал трактат.

Чтобы отвлечь персидскую армию от новых вторжений, Цицианов дал 17 июня предписание генералу И. И. Завалишину, командиру Астраханского гарнизона,

силами Каспийской флотилии предпринять «диверсию» на южных берегах Каспия против персов, а затем взять Баку. Однако Завалишин потерпел полную неудачу как на юге, так и под Баку. Тогда разгневанный главнокомандующий заявил, что сам пойдет с двумя тысячами войска сухим путем и возьмет Баку. В конце 1805 г. Каспийская флотилия вернулась к Бакинской крепости и опять потерпела неудачу.

Из послужного списка Башмакова: «...805-го года с 14 ноября по выступлении из Грузии отряда войск под предводительством покойного господина генерала от инфантерии и кавалера князя Цицианова под крепость Баку и при самой сей крепости, потом судами через Каспийское море на Кавказскую линию в походе по 1-е число мая находился, имея в ведении своем с услугою нижних чинов 4 орудия артиллерии».

Под Баку встретились отряды Завалишина и Цицианова, и правитель Бакинского ханства дал согласие на сдачу крепости. Но 8 февраля 1806 г. при торжественном вручении ключей от крепости Цицианов и его адъютант были предательски убиты. Смерть Цицианова окончательно сразила Завалишина. Он посадил на корабли оба отряда, свой и Цицианова, и отплыл с ними в море. Со смертью главнокомандующего наступило перемирие, которое длилось больше года.

Пять с лишним лет тяжелейшей службы на Кавказе закончились для Флегонта Башмакова с выходом в отставку по Высочайшему приказу от 22 января 1806 г. в чине штабс-капитана, который фактически состоялся только к маю этого же года по возвращении Башмакова из Азербайджана на Кавказскую линию. Однако 17 января 1807 г. Флегонт Башмаков снова поступает на военную службу. Что подвигло его на этот поступок? Хотя он был дворянином (из симбирских дворян. – В.А.), но ни земли, ни крестьян не имел. Можно предположить, что он не нашел себе занятия в гражданской жизни, жить помещиком не мог и был вынужден вернуться в армию.

Есть и другое возможное объяснение. Дело в том, что в годы царствования Александра I отпуска офицерам почти не предоставлялись, и офицеры, желавшие получить передышку от военной службы, уходили из армии через увольнение. Право на увольнение и на поступление вновь на военную службу имел любой офицер. Башмаков был «принят по-прежнему в службу в 17-ю артиллерийскую бригаду Высочайшим приказом прежним поручицким чином». Приём из увольнения в службу с понижением в чине был обычной практикой, так как прибавка в чине при отставке являлась своего рода «бонусом». Но уже 15 ноября 1807 г. ему вернули звание штабс-капитана.

Время возвращения Башмакова на военную службу совпало с окончанием реформирования русской полевой артиллерии. Эти реформы обычно связывают с деятельностью специальной комиссии под руководством графа А. А. Аракчеева. Большое разнообразие типов орудий было сведено к четырем, а именно: 12-фунтовые пушки, 6-фунтовые пушки, S-пудовые единороги и j-пудовые единороги. Калибр орудия в то время определялся весом заряда.

Единорогами назывались пушки-гаубицы системы графа П. И. Шувалова, который руководил русской артиллерией в елизаветинское время. Получили свое название от фамильного герба Шувалова, изображавшего единорога и отливавшегося на орудиях. Конструкция оказалась настолько удачной, что продержалась много десятилетий. Из единорога можно было стрелять не только ядрами, но и картечью, разрывными гранатами и зажигательными снарядами. Каждое орудие имело свой лафет. Лафеты 12-фунтовых пушек и S-пудовых единорогов назывались батарейными, а лафеты остальных орудий – легкими.

Претерпела изменения и организация полевой артиллерии. Из артиллерийских полков и батальонов были сформированы артиллерийские бригады 3-ротного состава (как правило, одна рота батарейная и две легкие). В каждой роте имелось двенадцать орудий. Артиллерийская рота являлась отдельной самостоятельной боевой и хозяйственной единицей. К примеру, легкая артиллерийская рота имела восемь 6-фунтовых пушек и четыре 12-фунтовых единорога. К орудиям полагалось по два зарядных ящика с общим боекомплектом 120 выстрелов. В каждой роте имелась походная кузница. Русская артиллерия в результате реформ приобрела новое качество и по уровню материальной части и организации стала вровень с артиллерией лучшей армии того времени – наполеоновской Франции.

После заключения в 1807 г. Тильзитского мира Россия и Франция стали союзниками. Россия присоединилась к континентальной блокаде Англии и разорвала с ней дипломатические отношения. Оставалась только одна страна на севере Европы – Швеция, которая поддерживала торговлю с Англией. Наполеон, заинтересованный в разрыве отношений между Швецией и Англией, указал императору Александру I на Швецию, имевшую в своем владении Финляндию, как на «географического врага». Действительно, пока Финляндия находилась во власти Швеции, Россия не могла быть спокойна за участь Петербурга. Россия потребовала от Швеции присоединиться к континентальной блокаде и закрыть свои порты на Балтике для английских судов. Но шведы не могли пойти на такой разрыв, вся их экономика была завязана на торговле с Англией. Более того, Англия обещала финансовую и военную помощь Швеции в случае войны с Россией. На требование Петербурга шведский король Густав IV Адольф ответил естественным отказом да вдобавок вернул недавно врученный ему орден Андрея Первозванного. Началась война.

На рассвете 9 февраля 1808 г., в сильную метель и стужу, русский 24-тысячный корпус под командованием генерала от инфантерии графа Ф. Буксгевдена перешел границу шведской Финляндии. В составе корпуса в войну вступил штабс-капитан Флегонт Башмаков со своими орудиями. Шведских войск в Финляндии к тому моменту было 19 тысяч, включая гарнизоны крепостей. Русские продвигались быстро, особенно вдоль морского побережья, почти не встречая сопротивления противника. Через неделю был занят Гельсингфорс (ныне Хельсинки), и началась осада крепости Свеаборг, расположенной в окрестностях Гельсингфорса. Постройка осадных батарей на бесплодных, покрытых глубокими снегами скалах стоила нашим артиллеристам невероятных трудов.

Во всё время активной осады Башмаков находился в сражении. Бомбардировка крепости шла до конца марта, затем было объявлено перемирие и начались переговоры о сдаче крепости. И это удалось – в апреле мощная крепость – «Гибралтар Севера» – была сдана. Всех военнопленных помиловали, пленных шведов отправили в Россию, а более шести тысяч финнов отпустили по домам с наказом не браться больше за оружие. Это великолупшие дорого обошлось русской армии в недалеком будущем.

Падение Свеаборга праздновалось в Петербурге торжественным парадом у памятника Петру I. Штабс-капитан Башмаков за взятие крепости получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Еще ранее, 10 марта, русские войска заняли Або (ныне г. Турку) – главный город Финляндии в то время. Шведы отступали на север, уклоняясь от серьезных сражений. До наступления весенней распутицы русские успели занять город Ваза и подступили к Улсаборгу (ныне г. Оулу).

Никто из русского командования не предвидел тогда, что отступление шведов в глубь страны являлось точным выполнением королевской инструкции – продержаться до конца зимы, до подхода морем помощи из Швеции. Однако первая неудача русских войск – разгром 15 апреля отряда генерала Булатова – так воодушевила шведов, что они перешли к активным действиям. Но и настроение жителей изменилось. Население, побуждаемое прокламациями из Стокгольма, поднялось на борьбу против русского вторжения. Народную войну возглавили лютеранские пасторы и отпущеные по домам защитники Свеаборга, солдаты, имеющие боевой опыт. Растворенные коммуникации русских войск ежедневно подвергались нападениям.

В начале мая наступившее весеннее половодье на время прервало военные действия. Но партизанская война усилилась. На озерных островах устраивались склады оружия, переправы уничтожались, транспорт и курьеры перехватывались. Русские войска под командованием генерала Н. Раевского, действовавшие вдоль побережья, начали пятиться назад к Вазе, чтобы сократить свою коммуникационную линию. Как только Ботнический залив освободился от льда, начались высадки шведских десантов. Из послужного списка Башмакова: «июня 13-го при нападении шведских войск на город Вазу и при разбитии оных» находился. Орудия русских батарей были поставлены на главных городских перекрестках и сумели подавить вражеский десант численностью в тысячу бойцов. Тем не менее положение русских войск становилось весьма сложным, обороняясь, они продолжали отступать к югу.

Главнокомандующий Ф. Буксгевден заменил стойкого, но недостаточно уверенного в себе Н. Раевского смелым и решительным графом Н. Каменским, предоставив ему полную свободу действий с одной инструкцией – победить! Прежняя осторожная гуманность к народным ополченцам была сменена «праведной строгостью». Пленных из отпущеных ранее солдат противника приказано было расстреливать на месте.

Укомплектовав в двухнедельный срок к 1 августа свой 6-тысячный отряд, Каменский перешел в наступление. Противник маневренной войны, он действовал по-суворовски, атаковал противника в поле. Суворов говорил: «Кто удивил – тот победил». Шведы начали постепенно отступать. Из послужного списка Башмакова: «августа 20-го при деревне Куортане под командою генерал-лейтенанта графа Каменского 2-го противу шведских войск, 22-го в авангарде при деревне Сальми противу сих же войск» в сражении был. Бои под

Прижизненный рисунок
декабриста Башмакова.

Художник Борисов.
Петровский завод

**Монумент на месте сражения под Оровайсом.
Установлен финнами в конце 80-х годов XIX века**

этими деревушками южнее города Оровайс (ныне г. Оровайнен) нанесли ощущимый урон шведам, они отошли еще севернее и закрепились в Оровайсе. Важным следствием августовских боев явилось их влияние на народное движение в крае. Восстание стало само собою постепенно затухать, облегчая для русских войск обеспечение продовольствием.

С утра 2 сентября начался бой за Оровайс. Силы противников были примерно равны, позиции разделяла небольшая речка. Авангарду полковника Я. Кульнева было приказано отбросить шведов за мост через эту речушку, но речки не переходить до подхода основных сил. Однако Кульnev увлекся атакой, по мосту и вброд пересек речку и попал под мощный фронтальный удар противника. И только подоспевшие полки отряда генерала Демидова остановили контратаку шведов. Вот как этот эпизод описывает в своем сочинении «Русско-шведская война 1808–1809 гг.» полковник русского генерального штаба П. А. Ниве: «К счастью, Демидов был близко, полки его, Пермский и Петровский, ударили с обоих флангов и отбросили противника снова на главную его позицию, чему значительную поддержку оказала 4-орудийная батарея штабс-капитана Башмакова. «Сей расторопный офицер (сказано в рапорте Каменского) своим искусственным действием наносил неприятелю немалый вред». За этот бой Флегонт Башмаков получил Монаршее благоволение.

Сражение при Оровайсе было самым кровопролитным за все время военных действий и длилось 17 часов, до глубокой ночи. И когда Каменский, бросив в бой резервы, повел в ночную атаку с барабанным боем своих солдат, шведы не выдержали и побежали. Удар, нанесенный шведам отрядом Каменского под Оровайсом, оказался смертельным. Финляндии после 2 сентября можно было считать россий-

**Мемориальная плита
на месте захоронения
декабриста Флегонта Башмакова**

ской. Дальнейшие операции свелись к выдворению остатков войск обороны ющегося противника за границы этой провинции. 7 ноября была подписана графом Каменским Конвенция, по которой к декабрю шведы очистили Финляндию от своих войск.

12 декабря 1808 г. Флегонт Башмаков стал капитаном – «за отличие, оказанное в сражении».

Военные действия против Швеции, уже на ее территории, продолжились с конца февраля 1809 г., артиллерия в них почти не участвовала. Война завершилась подписанием Фридрихсгамского мира в сентябре 1809 г., по которому Россия получала во владение всю Финляндию и Аландские острова. В начале 1810 г. капитан Флегонт Миронович Башмаков был назначен командиром легкой артиллерийской роты в 17-й артиллерийской бригаде.

Военные дарования Башмакова особенно проявились в войну 1812 г. Эта его «расторопность», умение правильно выбрать позицию для стрельбы, умение несколькими удачными выстрелами решить исход боя сделали имя Башмакова знаменитым среди батарейных командиров.

За успешные действия во время Бородинского сражения в районе Утицкого кургана он был награжден орденом Св. Анны 2-го класса и Золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Нам, курганцам, должно быть лестно, что наш, в декабристские времена маленький уездный городок, дал приют герою войны 1812 г.

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ

**БАТУЕВ
Станислав Владимирович**

Историк-краевед, директор МКУК Куртамышского района «Краеведческий музей им. Н.Д. Томина».

Родился 15 сентября 1970 г. в с. Верхнем Куртамышского района. После окончания Курганского педагогического института работал учителем истории. Более 20 лет занимается вопросами краеведения. Опубликовал около 100 статей. Является автором-составителем сборников «Частица малая России» (2004) и «Куртамышская генеалогия» (2012), фотоальбома «Мгновения нашей жизни» (2009), справочника «Путеводитель. Куртамышский район. Курганская область» (2014), монографии «Куртамышское старообрядчество в середине XVIII – первой трети XX в.» (2014), фольклорных сборников «Бабушкины сказки» (2015), «Духовные стихи старообрядцев Куртамышского и Юртамышского районов по устному преданию и рукописным источникам XIX–XXI вв.» (2016), «Духовные стихи старообрядцев Зауралья в записях 2-й половины XX века» (2021), «Дневник Н.Д. Томина» (2022).

В 2012 г. стал лауреатом областного конкурса музеев «Наследие» в номинации «За лучшую научно-исследовательскую работу». В 2015 г. награжден грамотой Куртамышской районной Думы, в 2016 г. благодарственным письмом губернатора Курганской области, в 2019 г. медалью «Труд. Честь. Слава» за заслуги перед Куртамышским районом.

Н.Д. ТОМИН – ЧЕЛОВЕК, ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТИ

Николай Дмитриевич Томин родился 4 декабря 1887 г. в посёлке Кочердыкском Усть-Уйской станицы Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне с. Казак-Кочердык Целинского района Курганской области). С 1902 г. жил в с. Куртамыш, служил приказчиком у купца Н. Завьялова. Здесь, в Куртамыше, он женился на А. И. Клоповой. Построил дом на участке, оформленном на его тещу. Отсюда он ушёл на Перовую мировую войну, оставив завещание на имя жены и фотографию на память.

С августа 1914 г. Николай Томин в составе 12-го Оренбургского казачьего полка участвовал в боях против германских и австро-венгерских войск. За участие в боях и проявленное личное мужество Н. Томин был награждён Георгиевским крестом, медалью 4-й степени и произведен в младшие урядники, о чем он сообщал жене в очередном письме: «Меня наградили крестиком ... был очень сильный бой, такой, что не каждому посчастливится остаться в живых... я, слава богу, остался жив...».

После Февральской революции 1917 г. Томин был избран членом казачьих комитетов, а перейдя на сторону советской власти в январе 1918 г., он – член Троицкого горисполкома, начальник охраны города и уездный военный комиссар, командир 1-й сотни созданного в Троицке 1-го социалистического казачьего полка имени Степана Разина.

С июля 1918 г. Томин – командир Троицкого отряда в партизанской армии В. Блохера и братьев Кашириных. Благодаря Томину от колчаковцев были освобождены города Шадринск и Курган. В

**Томин Николай Дмитриевич
с женой Анной Ивановной**

последующем он – командир бригад, а в 1923–24 гг. – слушатель Высших академических курсов в Москве.

С апреля 1924 г. он неожиданно был отзван с курсов и «получил назначение в Бухару» громить басмачей.

Неотъемлемой чертой Томина, как командира, являлось его непосредственное участие в боях. Только за 15 дней он побывал в 27 атаках против басмаческих банд. В одной из стычек с басмачами он был ранен и находился на излечении в Кулябском госпитале, но, узнав, что басмачи готовятся напасть на гарнизон Куляба, покинул его и направился на розыск басмачей. «12 августа 1924 г. в 5 часов вечера, преследуя басмаческую банду в районе кишлаков Шар-Юкутут, в 20 верстах от с. Куляб, Томин был смертельно ранен и через 20 минут скончался», – писала 22 августа 1924 г. газета «Красная звезда». Похоронен Н. Д. Томин был в с. Куляб (с 1934 г. город). В 1951 г. его могилу перенесли в центр города, а в 1956 г. стараниями секретаря горкома Мирзо Бекматова (умер в 2021 г.) на могиле Н. Д. Томина был установлен памятник высотой 5 м 45 см.

За годы службы в Красной Армии Н. Д. Томин был награжден советским правительством высшими государственными наградами того времени – двумя орденами Красного Знамени. От младшего урядника (младший сержант. – *Прим. автора*) дослужился до командира дивизии (генерал-майор. – *Прим. автора*). Именем Н. Д. Томина названы улицы в городах Троицке, Кургане, Куртамыше и краеведческий музей в г. Куртамыше. Его имя носили пионерские отряды, дружины и колхозы.

В городах Троицке, Кулябе, Кургане, Куртамыше и с. Казак-Кочердык Томину установлены памятники. Он первый в Куртамыше был удостоен памятника и мемориальной доски. В конце 1960-х гг., к 50-летию Октябрьской революции, о нем был снят документальный фильм «Дороги начдива», кинопленка почти полностью сохранилась в Куртамышском музее.

Прошедшие с развала Советского Союза десятилетия, смена политического строя, гражданская война 1992–1997 гг. в Таджикистане, нарастающий исторический нигилизм изменили отношение к личности Томина. В Куртамыше, после смерти в 1985 г. его жены, отказались от идеи создания мемориального музея в доме Томиных. Исчезли пионерские дружины, училище в Кургане, развалились колхозы. Не было многие годы никаких сведений о его могиле в г. Кулябе. Позже удалось узнать о том, что памятник на его могиле в Кулябе был снесен, сквер заброшен, а по могиле более четверти века назад местные жители протоптали тропинку.

В 2014 г., в год девяностолетия гибели Н. Д. Томина, группа «Память-201» 201-й российской военной базы в Таджикистане начала восстановление памятника на месте гибели комбрига Томина.

15 марта 2015 г. эта работа под руководством организатора – корреспондента газеты «Солдат России» Гафура Шерматова была завершена. Выступающие на открытии обновленного памятника отмечали, что Н. Д. Томин прожил недолгую, но яркую жизнь, посвятив ее без остатка борьбе за лучшее будущее. «Сын двух народов», – до сих пор называют Николая Томина местные жители. Он остался в истории не только как умелый военачальник и отважный воин, но и как человек, помогавший местному населению наладить мирную жизнь, чем снискал к себе любовь и уважение таджикского народа.

Тогда же активисты Куляба обратились в хукумат (администрацию города) с просьбой разрешить перезахоронить останки Томина на закрытое русское кладбище Куляба. Было получено согласие, но не было выделено на это средств. По могиле Томина жители города продолжали ходить…

Узнав об этом, Куртамышский музей и правнучка дяди Н. Д. Томина из Свердловской области Н. М. Ялунина с 2019 г. в течение трех лет через МИД РФ и Посольство РФ в Таджикистане вели работу по перезахоронению его останков из Таджикистана в Куртамыш, рядом с могилой жены. Была проделана большая подготовительная исследовательская и организационная работа, но мэр Куляба летом прошлого года отказал нам в перезахоронении.

Неожиданно мы узнали, что 17 июля 2022 г. в Кулябе прошли торжественные мероприятия памяти Томина: местные власти установили и открыли новый памятник на могиле Н. Д. Томина и бюст на месте его первого захоронения. В мероприятии приняли участие мэр Куляба, посол России в Таджикистане, военнослужащие 201-й военной базы РФ. Это историческое для Куляба событие было освещено в местных СМИ. Пришло официальное извещение об этом событии из Посольства РФ в Республике Таджикистан губернатору Курганской области и в музей. Так, могила Н.Д. Томина и память о нем в Кулябе были восстановлены.

В Куртамыше к 135-летию со дня рождения Н. Д. Томина в музее работала тематическая выставка, прошли кинолектории с демонстрацией фильма «Дороги начдива», а у памятника Томину состоялось возложение цветов. Не забывает музей и могилу Анны Ивановны Томиной, о чем просила вдова создателя Куртамышского музея Е. Е. Кочегина. В 2021 г. году на средства Н. М. Ялуниной и музея установлена оградка, новое надгробие и памятник. Супруги Томины достойны памяти, а их могилы – внимания и человеческого отношения.

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

ПОВЕНЧАННЫЕ КУРГАНСКИМ ПОДПОЛЬЕМ

Первым делом – конспирация!

Когда в 2022 г. я принялся готовить небольшую информацию для областного радио в связи с приближавшимся 140-летием общественно-политического деятеля, историка революционного движения в Сибири Филиппа Гавриловича Ягодина-Виноградова (1882 – 1935), то мне пришлось обновить в памяти те страницы его воспоминаний, в которых он отразил короткий, но весьма насыщенный отрезок своей жизни в Кургане. Выпал он на 1906 г., да и то не на весь год, а лишь на вторую половину.

В Кургане Филипп Гаврилович Виноградов оказался в начале лета 1906 г. после побега из Томской тюрьмы, куда угодил из-за провала подпольной типографии Сибирского социал-демократического союза. Вот и в Кургане ему предстояло заняться подпольной типографией местной социал-демократической группы. Сначала он был в ней на положении наборщика. Назывался еще такой наборщик в среде подпольщиков «мужем». Дело в том, что Виноградову пришлось работать вдвоем, а его напарником, вернее, напарницей стала молодая девушка.

Подпольную типографию («технику») Виноградов увидел в первый же день своего появления в Кургане. В то время, как он вспоминал, «она помещалась в маленьком домишке, вокруг которого не было ни ограды, ни кустика, вообще никакого прикрытия». Такое расположение Виноградов сразу счел ненадежным и неконспиративным.

«В «технике» были две девицы: краснощекая Клаша (курсистка из Томска) и местная крестьянская полуграмотная девушка Наташа». Нигде в воспоминаниях Клашу и

ТОЛСТЫХ
Николай Юрьевич

Родился в 1964 г. в поселке Утес Ивановской области, где окончил начальную школу. После переселения в середине 1970-х годов на родину матери в Зауралье проживает в поселке Варгаши. Учился в Варгашинской средней школе № 2. До и после службы в армии работал на Варгашинском заводе противопожарного оборудования.

По окончании в 1992 г. исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького занялся историко-краеведческими изысканиями. В настоящее время является библиографом-краеведом Варгашинской центральной районной библиотеки. Печатается в местных газетах, альманахе «Тобол», журнале «Огни Зауралья» и в краеведческих сборниках. Постоянный участник краеведческих конференций. Провел ряд исследований по истории Варгашинского района.

Принимал участие в подготовке сборников к 80-летию и 90-летию Варгашинского района: «Уголок России» (2004) и «Варгашинские перекрестки» (2014). В 2022 г. издал книжку-исследование «Первые поэты Зауралья».

Ягодин-Виноградов Ф. Г.
1915 г.

Ф. Антоновъ

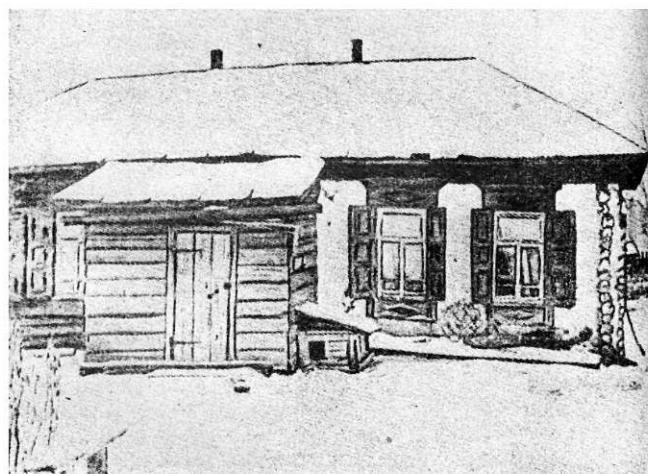
Мсквъ

Наташу Виноградов по фамилиям не называет. Можно предположить, что если он и знал их в 1906 г., то спустя два десятка лет запамятаовал. Наташой оказалась Наталья Васильевна Каргапольцева. Упоминание о ней содержится в историко-краеведческой литературе, в частности в книге В. А. Горелова «Курганские большевики в революции 1905–1907 годов». Зато фамилия и отчество Клаши (Клавдии) никем достоверно до сих пор не были установлены.

«Клаша оказалась веселым и словоохотливым товарищем. Она немедленно ввела меня в курс своей “техники” и ее недостатков. Типография была маленькая-премаленькая. Шрифту было всего на один средний листок; вал, рельсы

— все это было весьма примитивного устройства и небольшое по размеру... Я заявил Клаше, что в этой квартире нельзя работать, что надо как можно скорее убираться, пока не провалились». И провал действительно чуть было не произошел в момент, когда во время знакомства и разговора с Клашой к дому подошел проезжавший мимо в коляске глава уездно-городской полиции исправник Калугин. Видимо, до него уже дошли слухи насчет дома. Правда, слухи эти никакого отношения к подпольной типографии не имели. Дело заключалось в другом. «Клаша жаловалась, — вспоминал Виноградов, — что к ним ходят много народа и что соседи считают их за девиц легкого поведения».

Угрозу провала все же удалось счастливо отвести. Ответами на свои расспросы исправник удовлетворился и уехал, поверив скорее слухам и не заподозрив никакой политики. «Я не верю своим глазам: неужели все сошло благополучно? Очевидно, исправник вынес заключение, что тут дело пахнет «легким поведением девиц».

Домик в Кургане
в Телеграфном переулке
(ул. Красина, 41), в котором
в 1906 году находилась
штаб-квартира курганских
большевиков

Надо бежать отсюда как можно скорее и уносить типографию».

Так и сделали. Типография из дома по Телеграфному переулку (ныне ул. Красина) была перенесена на новое место. Сначала она разместилась временно в доме А. Е. Гусева. Но перемещение это Виноградов счел недостаточно конспиративным, так как работники типографии находились постоянно на виду у многих рабочих, занятых в мастерской Гусева.

«Решено было усиленно искать квартиру для типографии. В это время прибыл из Омска для работы в «технике» очень молодой ученик фельдшерской школы Алеша Корбарин. Таким образом, появилось два «мужа». Я поспешил уступить свое место в типографии Алеше».

Но это вовсе не значило, что Виноградов, кстати носивший партийную кличку «Костя», устранился от работы с типографией. Напротив, он просто перестал быть наборщиком, взяв на себя функцию заведующего. Руководителям Курганской группы РСДРП предложил следующее: «Я буду заведовать типографией и вести кружок рабочих, а Алеша с Клашой пусть работают в типографии. Причем типографию нужно законспирировать. Место типографии буду знать только я, и только я буду с ней сноситься и вообще отвечать за ее работу и состояние. На случай моего провала место типографии должен знать еще один член курганской группы, а остальные... его знать не должны». Руководители с предложением Виноградова согласились. Ведь оно усиливало конспирацию, надежнее способствуя укрытию типографии и уменьшая риск ее обнаружения. А власти меж тем, обеспокоенные распространением листовок от имени курганской группы, уже занялись ее поисками.

Новым местом, куда переправили типографию, стал дом напротив дома Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства (КОМОСХ). Последний находился на месте современного драмтеатра. «Квартира в конспиративном отношении была удачна. Дом – хозяева его жили в деревне – делился на две части:

в передней, с окнами на улицу, жили полицейские, городовые, а в другой половине, отделенной от первой большими сенями, с окнами в ограду, поместились Алеша и Клаша... В «технику» ходил только я, в качестве «дяди». Я приносил бумагу, шрифт и пр. и уносил от них напечатанную литературу. Приносил и уносил на себе, т. е. под одеждой. Узелков и пакетов в руках я избегал».

Из руководителей курганских социал-демократов о местонахождении типографии кроме Виноградова знал еще Иван Николаевич Пискунов. Навещавший наборщиков Виноградов «приносил им все новости, книги, заботился о них и материально». Он остался доволен выбранным местом: «В общем, типография была законспирирована удачно. Городовые, которые жили в одной ограде с типографией, сильно выпивали и гуляли, совсем не обращая никакого внимания на своих тихих соседей. Алеша и Клаша жили только вдвоем и никуда не выходили, да и никогда им, кажется, было разгуливать».

Действительно, простоявать без дела типографии не пришлось. Наоборот, общественно-политические события в стране и в Тобольской губернии подстегивали и заставляли курганских социал-демократов оперативно отвечать на них и разъяснять их населению в виде листовок (прокламаций). «Работали Клаша и Алеша очень усердно. Несмотря на свои малые размеры, «техника» выпускала листок за листком, как блины стряпала. На курганские и на всероссийские вопросы наша «техника» отвечала очень быстро, причем ею мы обслуживали весь железнодорожный район вокруг Кургана».

Сюрприз для «дяди Кости»

Так продолжалось вплоть до начала осени 1906 г. А в середине сентября случилось событие, ставшее для заведующего подпольной типографией полной неожиданностью, по-настоящему большим и отнюдь не приятным сюрпризом. Ведь его виновниками оказались подопечные «дяди Кости» – наборщики-«супруги», «муж» Алеша и «жена» Клаша. Случившееся событие заставило опять заняться вопросом о перемещении типографии. Что же произошло? Пусть об этой, по выражению Виноградова, «неожиданной истории» поведает он сам.

«Клаша и Алеша, сидевшие в «технике», поженились и, чтобы крепче, очевидно, «стабилизоваться», решили дело закончить церковным браком». Интересно, что следом делается признание об обстоятельстве, которое могло дополнительно повлиять на решение фиктивных супружеств стать вполне уже законными через церковный брак. «Возможно, что в этом деле и я виноват, так как я тоже увлекся Клашой и объяснился ей в любви. Ответа решительного я не получил. Вскоре на одном из собраний кто-то из нашей публики мне как-то говорит:

- Ты чего же, Костя, смотришь? Ведь твои типографщики в церкви венчались!
- Глупости, – говорю, – болтаете.
- Какие глупости, когда вон Николай, Ваня, Гриша и Петро у них были свидетелями в церкви.
- Неужели и на квартире у них были?
- Нет, на квартире не были, успокойся, а вот в церкви быть – были, повенчали их, голубчиков.

Не понравилась мне эта история чрезвычайно. Пришел на другой день в «технику» и говорю:

– Зачем же церковь, не посоветовались со мной и такая огласка!

Но поправить дело было невозможно».

Конечно, здесь Виноградов досадует не как отвергнутый претендент на руку и сердце Клаши. Его больше всего беспокоило нарушение конспирации, так как заключение церковного брака означало проведение целой церемонии, обряда, в котором обязательно участвовали жених с невестой, духовенство и еще как минимум свидетели или, как они назывались официально, «поручители по женихе и невесте». Неизвестно, присутствовал ли еще кто-нибудь в церкви, если не считать случайных лиц. Но ведь «дядя Костя» узнал о бракосочетании вовсе не от свидетелей со стороны жениха и невесты, а от какого-то члена Курганской социал-демократической группы во время собрания. Значит, нежелательная огласка все-таки случилась.

И поскольку факт свершения церковного брака Клаши и Алеши Корбарины не вызывает сомнения, то очень заманчивым представлялось теперь разыскать его документальное подтверждение в архиве хотя бы ради выяснения более полных сведений о наборщиках подпольной типографии, ставших настоящими супружами.

Следовательно, требовалось обратиться к церковной документации, хранящейся ныне в Государственном архиве Курганской области (ГАКО). И хотя пришлось заказать для верности метрические книги трех курганских церквей, но интуиция подсказывала, что искать нужную запись следует не в книгах старых церквей (Троицкой и Богородице-Рождественской), а церкви для начала прошлого века еще совсем новой. Таковой была Александро-Невская церковь, которая теперь находится в самом центре современного Кургана, а тогда она располагалась ближе к окраине

города. К тому же возникла догадка (и она подтвердилась), что Клаша и Алеша выбрали самую близкую к своему дому церковь.

Действительно, искомая запись содержалась именно в метрической книге Александро-Невской церкви. Она, собственно, и была первой книгой, выданной причту этой церкви. В ней во второй части (под заглавием «О брачующихся») 17 сентября 1906 г. произведена запись о единственном в тот день совершенном в церкви бракосочетании, являвшемся по счету 32-м за год.

Итак, женихом записан «казак 3 военного отдела станицы Чарышской Сибирского казачьего войска Елисей Гаврилов Корболин», а невестой – «г. Алапаевска Пермской губернии мещанская дочь Клавдия Христофорова Киселева». Оба они чисились православными, вступали в первый брак, возраст жениху указан 19 лет, невесте 22 года.

Как видно, в воспоминания Виноградова необходимо внести поправку. Она касается имени и фамилии жениха. Алексей Корбарин в действительности оказался Елисеем Корболиным. Это расхождение можно, конечно, объяснить ошибкой памяти мемуариста. Что же касается имени, то вопреки сходству имя «Елисей» является самостоятельным, а никак не вариантом имени «Алексей». Ясно, что и в начале XX столетия мужчин Алексеев встречалось гораздо больше, чем Елисеев. Нельзя исключить, что и сам Елисей Гаврилович Корболин предпочитал, чтобы в товарищеском кругу его звали именно Алексеем и даже, в силу молодого возраста, Алешей. Относительно Клаши подтвердились не только ее имя, но наконец-то выяснилось, что звали ее Клавдией Христофоровной Киселевой. Уроженка уральского г. Алапаевска принадлежала к мещанскому сословию. По всей видимости, она уехала учиться в Томск, так как Виноградов называет ее «курсисткой из Томска». Из этого города и была направлена для работы в подпольной типографии в Курган. Что касается жениха, то вряд ли «дядя Костя» знал о принадлежности его к казачьему сословию, а вот вопрос о его профессиональной принадлежности затронем ниже.

К счастью для исследователя, помимо записи в метрической книге о совершении бракосочетания в православной церкви составлялся еще один обязательный документ. Назывался он брачным обыском и имел установленную форму. Подобно метрическим книгам, брачные обыски печатались типографским способом в виде книг и выдавались причтам православных приходов. Все необходимые сведения по пунктам брачного обыска вписывались перед церковным венчанием.

Жених Е. Г. Корболин и невеста К. Х. Киселева были обозначены в брачном обыске как проживающие «временно в г. Кургане, в сем приходе». Обращает на себя внимание, что в пункте, где подтверждается добровольность вступления в брак с обеих сторон «по взаимному согласию и желанию, а не по принуждению», от руки были сначала вписаны два слова: «Свое согласие». То есть по смыслу данного пункта получалось, что жених и невеста на вступление в брак дают свое собствен-

Курган.—Курган. № 3.
Александровская церковь.

ное согласие. Но это обоюдное согласие брачующихся уже подразумевалось самой формулировкой пункта. Поэтому его дополнили вполне стандартными словами о благословении родителей на брак. Однако если в случае с местными женихами и невестами обычно вписывались конкретные имена, отчества и фамилии благословляющих на брак родителей, то в данном случае этого не произошло. Видимо, церковный причт удовлетворился устными заверениями о получении «благословения родителей» либо вообще вписал эти слова, так сказать, для проформы.

Но имелся весьма важный пункт, который требовал от жениха и невесты представить письменные документы «для удостоверения беспрепятственности» к заключению их брака. Эти документы должны были подтвердить личности жениха и невесты, включая их возраст. Что же они предъявили?

Елисей Корболин представил «билет, выданный станичным атаманом Чарышской станицы» от 20 августа 1906 г. за № 38 и «метрическую выпись о рождении его 14 июня 1887 года», а Клавдия Киселева – паспорт («паспортную книжку»), выданную Алапаевским городским управлением 4 июля 1906 г. за № 133, и метрическую выписку о рождении ее в 1883 г. (точная дата с числом и месяцем не значится). Даты выдачи билета жениху и паспорта невесте – 4 июля и 20 августа 1906 г. – настолько «свежие», что получение этих документов Корболиным и Киселевой до их прибытия в Курган невозможно допустить. Напомним: Киселева уже находилась в Кургане и работала в подпольной типографии к моменту приезда Виноградова в самом начале июня 1906 г. Корболин же объявился чуть позднее. Значит, получить свои документы они смогли по почте, отправив сначала письменные запросы атаману Чарышской станицы на Алтай и в Алапаевское городское управление на Урал. Нельзя предположить, чтобы каждый из них нашел веский предлог в глазах «дяди Кости» для отлучки в станицу Чарышскую и в Алапаевск, на что по тогдашним условиям потребовалось бы потратить не меньше недели в лучшем случае. Учесть надо тот факт, что летом 1906 г. курганская группа увеличила выпуск своих прокламаций, следовательно, нагрузка на работников подпольной типографии только возросла. В этих условиях выезд из Кургана хоть с согласия «дяди Кости», хоть без его ведома немыслим.

С упомянутыми выше документами Корболин и Киселева обратились в Курганское уездное полицейское управление. На их основании оно выдало им удостоверения, которые они также представили причту.

А поручители кто?

Наконец, отдельный интерес вызывает состав поручителей от жениха и невесты. Всего их четверо, по двое от каждого из брачующихся. Все они мужчины, как и значится в воспоминаниях Виноградова. Вот только с персональным составом вышли полные нестыковки. Если в метрической книге поручители перечисляются, то в брачном обыске они уже собственноручно делают записи, расписываются. В случае неграмотности кого-либо за них по их просьбе обычно расписывался грамотный поручитель. В нашем случае все четверо поручителя оказались людьми вполне грамотными и даже образованными. В брачном обыске их подписи следовали после подписей жениха и невесты.

Итак, со стороны жениха поручителями стали «мещанин г. Чембара Пензенской губернии Сергей Иванович Богомолов» и «дворянин Вятской губернии Валентин

Петрович Кибардин», а со стороны невесты – «лесной кондуктор Тобольского лесничества Михаил Леопольдов[ич] Рамос и «крестьянин Пермской губернии, Екатеринбургского уезда, Кыштымского завода и волости Николай Павлов[ич] Аверин». Поскольку в метрической книге фамилия одного из поручителей (Рамоса) читалась как «Ралюс», то пришлось уточнять ее с помощью «Адрес-календаря Тобольской губернии на 1904 год». Он подтвердил, что в должности лесного кондуктора Тобольского лесничества состоял именно Михаил Леопольдович Рамос.

Персональный состав означенных поручителей полностью расходится с персональным составом тех «свидетелей в церкви», чьи имена приводятся в своих воспоминаниях Виноградовым («Николай, Ваня, Гриша и Петро»). В трех случаях имена свидетелей, точнее, поручителей не совпадают и с именами, фигурирующими в метрической книге и книге брачных обысков. Совпадение получилось лишь с Николаем. Но отнюдь не поручителя жениха Николая Павловича Аверина Виноградов имел в виду. Он даже в его воспоминаниях не упоминается. Зато упоминается Николай Васильевич Шумилов, получивший прозвище Черный. Как раз под этим прозвищем выведен он в воспоминаниях с весьма лестной характеристикой. Под Ваней и Гришой явно имелись в виду активные члены Курганской социал-демократической группы Иван Вавилов и Григорий Бутаков. Кстати, Бутаков, являясь слесарем депо Курган, напрямую был причастен к изготовлению оборудования подпольной типографии. Что же касается Петра, то теперь без наличия его фамилии нельзя назвать, о ком конкретно идет речь. Нужно отметить, что рабочие депо Иван Вавилов, Григорий Бутаков и Николай Аверин стояли у истоков создания организации курганских социал-демократов еще весной 1905 г.

Из четверки действительных поручителей С. И. Богомолов и М. Л. Рамос мне, ведущему давно изыскания историку-краеведу, встречаются впервые. А вот В. П. Кибардин, можно сказать, мой старый знакомый, и не раз с его именем мне доводилось сталкиваться в архивных документах. О том, что он мог принадлежать к членам Курганской группы РСДРП, достоверных сведений до сих пор не попадалось. Теперь же эта вероятность, несмотря на отсутствие прямого подтверждения, имеет под собой определенное основание. Добавлю: Валентин Кибардин оказался в центре истории, случившейся в Кургане в мае 1906 г., но сама эта история достойна отдельного рассказа.

Таким образом, после соблюдения необходимых формальностей в части заполнения церковной документации настал кульмиационный момент – обряд венчания. Совершили его священник Александро-Невской церкви Николай Богословский и диакон той же церкви Даниил Янко. Да-да, последняя фамилия хорошо знакома зауральским краеведам, литературоведам и библиотекарям. Ведь профессор Курганского пединститута Михаил Данилович Янко (1912–1998), автор «Литературного Зауралья» и других книг, не кто иной, как сын диакона Даниила Янко.

Короткое знакомство нелегалов с Курганской тюрьмой

Опасение Виноградова, что из-за огласки церковного брака наборщиков может ослабиться с трудом наложенная конспирация, угрожая раскрыть местонахождение типографии, подтолкнуло его к принятию мер. Принимать их пришлось вскоре в силу двух причин. Во-первых, Клавдия Киселева, в замужестве ставшая Корболиной, объявила о намерении возвратиться в Томск. Не исключено, что она собиралась за-

вершить свое образование. Ей на смену надо было, по словам Виноградова, «новую “жену” выписывать, так как Алеша (*т. е. Елисей Корболин – Н. Т.*) изъявил желание еще поработать». Сменщицу для Клавдии подыскали в том же Томске. Ею стала Соня Забелинская.

Во-вторых, «старые хозяева продали дом, в котором была типография, и… нужно было выбираться из насиженного угла». После временного перемещения типографии из дома напротив здания КОМОСХа в дом Орехова ее все-таки поместили в более подходящем месте. «Нашли в ограде флигелек, – вспоминал Виноградов, – не помню сейчас, на какой улице, и со всякими предосторожностями перевезли типографию на новое место. Клаша уехала с квартиры Орехова. Я в перевозке участия не принимал: поручил это сделать Алеше и Соне».

Меж тем оживленная легальная и нелегальная деятельность курганских социал-демократов не могла не навлечь подозрения властей. В октябре 1906 г. обыски в депо повлекли за собой аресты рабочих из числа активных членов социал-демократической группы. «А в городе началась шпиковая слежка. Мне показалось, что и за нашей «техникой» следят: у ворот я заметил – бродят какие-то подозрительные личности. И хозяева косятся на Алешу и Соню. Сам я в «технику» заглядывал очень-очень редко, поручая все Синявскому (*революционер Георгий Синявский был направлен в Курган из Омска в ходе смены руководства группой. – Н. Т.*). Решил на время закрыть типографию, до приезда новых работников. Типографию свернули и вполне благополучно отправили в ближайшую деревню».

Если обнаружение тайной типографии явилось бы важнейшей уликой для наказания, то даже при временном прекращении ее работы и вывозе за пределы города нельзя было ослаблять конспирацию. Для революционеров-нелегалов это составляло незыблемое правило. Увы, всем непосредственно причастным к типографии очень скоро довелось на собственном опыте убедиться, к каким неприятным последствиям приводит отступление от конспиративного поведения.

Так, Соня Забелинская, когда узнала о приезде в Курган из Омска своей «хорошей знакомой» для свидания в местной тюрьме с одним из руководителей Курганской группы РСДРП, отправилась на встречу с ней на вокзал. Отговорить ее не удалось никакими доводами. Более того, Соня увлекла с собой Георгия Синявского. «На вокзале же стряслось следующее. За омской девицей был установлен тайный надзор, и, когда наша парочка явилась на вокзал, их вместе всех арестовали. Пристали к Соне и Георгию с вопросами:

– Где ваша квартира?

Отвечают:

– Не скажем».

Соня с Синявским решили тянуть время в надежде, что оставшиеся в квартире Виноградов и Корболин догадаются о причине их долгой задержки и все-таки покинут свое жилище. «Часа в два-три ночи, – вспоминал Виноградов, – Соня на конец сказала адрес квартиры, в полной уверенности, что след наш уже прости. Но каково было ее отчаяние, когда она увидела, что дверь на запоре изнутри и что мы дома. Она застучала в окна и закричала:

– Вставайте, жандармы!..

Я спросонья подумал, что она шутит, и заворчал на нее за такое неконспиративное поведение. Алеша пошел открывать двери. Слышу в сенях и прихожей топот нескольких грубых ног. Значит, полиция, значит, неминуемый арест. Вспоминаю,

что у меня в кармане два письма и несколько адресов на отдельной бумажке. Как их уничтожить? К счастью, Алеша, раздосадованный арестом, начинает скандалить с полицейским приставом, грубит, дерзит, не дает себя обыскивать, а я в это время лежу на полу в сторонке и насилино, с большим трудом, проглатываю адреса и письма (несколько дней потом у меня была изжога). Все уничтожил, встал, привел себя в порядок. При обыске у меня нашли несколько прокламаций и больше ничего. Обращение было вежливое, и я, не в пример Алеше, не скандалил. Думал, нельзя ли будет удрать?.. Удрать не удалось».

Арестованных поместили в Курганскую тюрьму, где уже содержались под арестом немало их товарищей. Например, Соня Забелинская оказалась в одной камере с Натальей Каргапольцевой. Той самой Наташой, которая работала в паре с Клавдией Киселевой в подпольной типографии в доме по Телеграфному переулку. Позже в этом доме, возле костела, была организована штаб-квартира для курганских социал-демократов. В ней проживали и нелегалы, направленные для работы в курганской группе, включая Виноградова. Хозяйкой квартиры и стала Наталья Каргапольцева.

«Все мы были арестованы по чужим паспортам, – писал Виноградов, вспоминая события двадцатилетней давности, – я – как Мусатов, мещанин г. Екатеринбурга, в котором отродясь не был, а Алеша и Соня – как супруги Тоболкины». Да, действительно, в сохранившейся переписке курганского исправника с тобольским губернатором относительно «арестованных в гор. Кургане по обвинению в противоправительственной деятельности» Виноградов и Корболин фигурируют как Мусатов и Тоболкин. Что касается Тоболкиной, то она не упоминается. Зато вместе с Мусатовым и Тоболкиным сообщалось о Колотиловой. Следовательно, в воспоминания Виноградова требуется внести уточнение: Соня Забелинская содержалась в тюрьме как Колотилова. Георгий Синявский, сопровождавший ее на вокзал, содержался как Андреев.

Двухнедельное предварительное заключение арестованным Виноградову (Мусатову), Корболину (Тоболкину), Забелинской (Колотиловой), Андрееву (Синявскому) было продолжено губернатором до одного месяца. За этот срок, кроме нескольких найденных при обыске прокламаций, предъявить им в качестве обвинения было нечего. Самое главное: об их причастности к деятельности подпольной типографии Курганской группы РСДРП власти так и не узнали.

После месяца предварительного заключения в Курганской тюрьме, когда арестованные числились за губернатором, их передали («перечислили») судебному следователю. По этому поводу губернатор телеграфно запрашивал курганского исправника. Тот в свою очередь 17 ноября 1906 г. ответной телеграммой сообщил, что Колотилова, Тоболкин, Мусатов, т. е. Забелинская, Корболин, Виноградов уже числились за судебным следователем. За следствием осуществлял надзор в Кургане товарищ (т. е. помощник) прокурора.

В своих воспоминаниях Виноградов отметил значимость исторического момента, который существенно повлиял на решение властей об участии арестантов, задержанных по обвинению в противоправительственной деятельности. «Время еще было неспокойное, революция не казалась еще побежденной, и поэтому и т[оварищ] прокурора, и следователь относились к нам не только прилично, но и содействовали тому, чтобы нам впоследствии возможно было скрыться». В результате Виноградову и Корболину было назначено условием их освобождения до суда внесение каждым

залога в 200 рублей. «Как только об этом узнали на воле, там началась работа – сбор денег на выкуп нас из тюрьмы». Первым вышел из стен курганской тюрьмы Виноградов (Мусатов по паспорту) и спустя неделю покинул Курган навсегда. Его ожидала новая революционная деятельность. «Вскоре был выкуплен и Алеша; Соня же застряла в тюрьме: установили ее личность, фамилию и пр.».

Годы спустя (По следам Корболина)

Надо полагать, Корболин (Тоболкин) тоже не стал задерживаться в Кургане. Однако его дальнейшая жизненная стезя не просматривается столь подробно, как в отношении Виноградова. В отличие от последнего он никаких воспоминаний в печатном виде не оставил. И все же, после того как благодаря записям в церковных книгах выяснилось, что выведенного в воспоминаниях Виноградова Алешу Корбарина на самом деле звали Елисей Гаврилович Корболин, удалось немного приоткрыть завесу над его дальнейшей биографией. Тут результат дал поиск в Интернете.

Ведь согласно метрической записи и брачному обыску Е. Г. Корболин являлся по сословной принадлежности казаком 3-го военного отдела станицы Чарышской Сибирского казачьего войска. Поиск в сети по запросу именно о данной станице вывел на электронное издание, которое дублирует такое же печатное издание. Оно называется «Страницы истории станицы Чарышской: документы» (с. Чарышское, 2012 г.) Но следует уточнить: бывшая станица теперь является селом Чарышским Алтайского края и центром одноименного района.

В этом издании информация о Корболине (он же Карболин) относится к 1918 – 1920 гг. Из нее яствует, что во время созыва 3-го войскового круга выдвигались делегаты на него. «В станице Чарышской выбор пал на учителя Елисея Гавриловича Карболина». И здесь обращает на себя внимание расхождение с воспоминаниями Ф. Г. Виноградова. У него он, поименованный Алешей Корбариным, как известно, назван прибывшим в Курган из Омска учеником фельдшерской школы, но отнюдь не учеником учительской семинарии в том же Омске. Видимо, такое расхождение объясняется ошибкой памяти мемуариста. Ведь и в передаче имени и фамилии он не был точен. Вряд ли можно допустить, что ученик фельдшерской школы в 1906 г., не окончив ее, поступил потом в учительскую семинарию и стал учителем.

Основными решениями 3-го войскового круга Сибирского казачьего войска (5 марта – 9 апреля 1918 г.) стали признание советской власти, его первых декретов, включая декрет о земле, а также Брестского мира. Участвовавший в его работе как делегат заведующий Чарышским высшим начальным училищем Е. Г. Корболин вошел в состав избранного Войскового совета казачьих депутатов.

Из упомянутого выше издания выясняется, что Корболин занимал еще должность комиссара Бийской линии, куда его направил Войсковой совет. С падением советской власти на Алтае Корболина арестовали. В краткой биографической справке, помещенной в книге, утверждается, что он «пытался доказать свою непричастность к советской работе в Омской следственной комиссии, но тем не менее был арестован и направлен в Бийскую тюрьму. В июне 1919 г. освобожден до суда под залог 5000 рублей». Тут само собой видится сходство с ситуацией 1906 г., когда Корболин-Тоболкин под залог освободился из курганской тюрьмы.

Но на этом его мытарства не закончились. «При возвращении домой арестован карательным отрядом и увезен в Бащелакскую волость для расправы. Освобожден

Типография курганских большевиков найдена в 1936 г.

повстанцами. Вернулся к семье в станицу Чарышскую, однако в конце августа 1919 г. был арестован вновь правительенным отрядом есаула Горбунова. По просьбе казаков освобожден на поруки общества. 1 января 1920 г. обратился в Алтайский губернский революционный комитет с просьбой о трудоустройстве учителем в одно из училищ г. Барнаула. Дальнейшая судьба неизвестна».

К сожалению, как ни любопытно, но никаких даже очень скучных сведений о семье Елисея Гавриловича Корболина не обнаружено. Вполне возможно, еще повезет в будущем. Все-таки верится, что союз, возникший в пору курганского революционного подполья и к тому же скрепленный церковным браком, оказался очень прочным. Поэтому подпольная «жена» Клавдия Христофоровна Киселева, став уже законной женой, связала свою судьбу с Е. Г. Корболиным крепкими узами и делила с ним все выпадавшие на их долю испытания.

Напоследок

И вот ведь какое совпадение: жену Ф. Г. Ягодина-Виноградова звали тоже Клавдией, но отчество она имела другое – Аполлоновна.

А что касается подпольной типографии Курганской группы РСДРП, то она еще и после расставания с Курганом Виноградова, Корболина и Киселевой работала довольно успешно до лета 1907 г. Затем она была вывезена и закопана в лесу близ Кургана.

30 августа 1936 г. в ходе поисков удалось ее обнаружить. В советское время остатки типографского оборудования выставлялись в экспозиции областного краеведческого музея. Впрочем, демонстрируют их в музейной экспозиции и сейчас. Приходите – увидите.

ПУБЛИЦИСТИКА

РЫБАС
Святослав Юрьевич

Писатель-историк, драматург, автор политических биографий (в серии «Жизнь замечательных людей») И.В. Сталпина, П.А. Столыпина, Си Цзиньпина, В.В. Шульгины, А.А. Громуко, Т.А. Мансурова, генералов А.В. Самонова и А.П. Кутепова, киноромана «Вожди», учебного пособия для студентов «Сто лет внутренних войн. Краткий курс истории России XX века для управленческого персонала», романов о Гражданской войне, исследований «Заговор верхов, или Тотальный переворот», «КГБ. Апокалипсис. Чекисты, националисты, либералы и гибель Старой планеты», пьес «Царь. Государственный переворот» (поставлена в Малом академическом театре), «Столыпин. У премьер-министра мало друзей» (поставлена во МХАТе им. Горького) и др. По его повести «Зеркало для героя» снят одноименный фильм. Возглавлял Фонд восстановления Храма Христа Спасителя в Москве. Секретарь Союза писателей России, почетный гражданин Донецка.

Родился 8 мая 1946 г. в городе Макеевке Донецкой области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Был заместителем редактора издательства «Молодая гвардия», заместителем редактора газеты «Литературная Россия», главным редактором Главной редакции литературно-драматических программ Центрального телевидения СССР. Награжден орденами Русской Православной Церкви. Почетный гражданин города Донецка. Почётный член Академии военных наук РФ, профессор, лауреат премии Правительства России в области культуры. Живет в Москве.

В альманахе «Тобол» публикуется впервые.

ДОНБАСС ПАССИОНАРНЫЙ

В оптике отечественной истории: вот они – герои, лидеры, вожди, таланты, пассионарии. Лев Гумилев развил теорию пассионарности – возможности влияния на этногенез через личностей, наделенных способностью и стремлением к изменению окружающей среды, неуемной жаждой деятельности, страстью, честолюбием, индукцией, заразительностью своего духа, готовых к сверхнапряжению сил, самопожертвованию. Донбасс находится в зоне «пассионарных толчков», по Л. Гумилеву, и относится к одному из узловых районов развития человечества. Здесь жили в долгой последовательности – киммерийцы, скифы, славяне, сарматы, анты, германские племена готов, гунны, греки, половцы, татаро-монголы, крымские татары, ногайцы, калмыки. На одной из плит, найденной в донецких степях, самое древнее изображение колесницы, может быть, одного из важнейших нововведений человечества. Древние греки приплывали в Меотиду (Азовское море) и бывали в Приазовье и донецких степях. Здесь, по мнению отца истории Геродота, было одно из мест обитания мифических амazonок.

Наш регион называли «воротной страной» между Азией и Европой. Здесь проходили пути Великого переселения народов, важные транспортные пути «восток – запад» и «юг – север»: участок одной из ветвей «Великого шелкового пути», затем «Залозный», «Солоный» пути; «Кальмиусский» и «Муравский», «Изюмский» шляхи, отмеченные первыми русскими картографами в «Книге Большому чертежу» («Книге, глаголемой Большой чертеж»), описывающей крупнейшую, к сожалению, не сохранившуюся карту России XVII в. (1626 г.).

Метафорично выразил состояние Донбасса Александр Проханов: «Через донецкие степи проходило столько народу, двигалось столько идей, мировых культур, поднебесных энергий. В земле Донбасса среди окаменелых рыб и каменноугольных папоротников, в забытых курганах лежат останки царей, волхвов и пророков, их дремлющие кости украшены бронзой и золотом. Энергии Донбасса то просыпались, разбуженные ударом небесных лучей, то вновь погружались в сон. И вот теперь, после спячки, в которой пребывали народы покоренного, в глубоком обмороке, обессиленного русского народа, Донбасс проснулся... Сегодня на Донбассе пишется русская история как продолжение истории Олега и Святослава, Ивана Грозного и Петра Первого, Иосифа Сталина и маршалов-победителей, раздавивших своими стоптанными сапогами фашистскую гадину».

В XV в. началось передвижение русских в Прикальмийские степи и Приазовье. В XVII–XVIII вв. охрану степных и водных путей от набегов крымских татар осуществляли донские казаки, организовавшие около 60 укрепленных хуторов-зимовников. По указу Екатерины II с 1730 г. начала создаваться Украинская укрепленная линия длиной около 300 километров с 16 крепостями и более чем 200 редутами.

В последней четверти XVIII в. по инициативе митрополита Игнатия, которого называли «Моисеем мариупольских греков», в Приазовье переселились 18 тыс. греков из Крыма, а с ними – жившие там армяне и грузины.

В связи с Манифестом 1772 г. Екатерины II об иностранных переселенцах в нашем kraе появились десятки немецких колоний. Здесь же селились приглашенные на военную службу сербы, черногорцы, македонцы, болгары, получавшие военные звания и земли. Так, к 1760 г. в районе Северского Донца, Бахмута, Лугани были созданы укрепленные поселения, названные Славяносербией. В 1795 г. по указу Екатерины Великой при речке Лугани на границе донских и донецких степей начали ставить литейный завод, начало Луганска (Ворошиловград). Перед нападением Украины на Донбасс в городе жило около 500 000 человек. 75 лет спустя основан металлургический завод на реке Кальмиус, с которого вырос Донецк (Юзовка, Сталин, Сталино). В 2014 г. было свыше одного миллиона жителей. Джон Юз, Карл Гаскойн, Густав Гартман, Эдуард Боссе – имена этих шотландцев, англичан, саксонцев, бельгийцев, остзейцев, строивших в Новороссии заводы по приглашению Петра Великого, Екатерины Великой, Александра Второго, Александра Третьего, Николая Второго остались в истории Донецка и Луганска. Русские пушки на Бородинском сражении были отлиты в Луганске.

Волны индустриализации XIX, XX веков, восстановление освобожденного от немецко-фашистских захватчиков Донбасса и его дальнейшее развитие привлекли на донецкие земли сотни тысяч людей со всех концов огромной страны.

Смешение и взаимное обогащение народов многонационального Донбасса (около 130 национальностей), культур, традиций, история с непрерывной цепью преодолений сложных, острых событий, требующих защиты жизни, свободы, своей земли, огромных усилий в труде, сформировали сообщество людей с особым характером. Донецкий край всегда отличал высокий нестандартный творческий потенциал, оригинальная творческая мысль и действия, которые рушили стереотипы. Донбасс подарил нашей стране и миру целую плеяду выдающихся личностей. Одни родились здесь, другие прошли здесь школу жизни и профессиональную закалку. Их жизнь, творческая деятельность, достижения, часто необычные судьбы поучительны и увлекательны.

Говоря о Донбассе, прежде всего имеем в виду Новороссию. Географически это Северное Причерноморье, Дикое поле, бескрайняя степь, по которой кто только не прошел. В районе нынешнего Славянска был лагерь хана Кончака, вблизи реки Кальмиус, протекающей через Донецк, происходила битва на Калке. Тут действовали летописные герои «Слова о полку Игореве». Историческое развитие Московского государства, лишенного выхода к морским торговым коммуникациям, проходило в борьбе за эти самые коммуникации. Благодаря невероятным усилиям и жертвам она завершилась продвижением к Балтике, Каспию, Черному морю. В XVIII в. после побед «екатерининских орлов» территория стала российской, получив название Новороссия. Ее освоение шло под флагом русской культуры. Во второй половине XIX в., с началом индустриализации, южнорусские губернии превратились в быстроразвивающуюся «Новую Америку» (выражение Александра Блока), став мощнейшим промышленным регионом.

Донецкий уголь и железная руда Кривого Рога – база развития империи. Тогда же начал складываться своеобразный донбасский субэтнос, состоявший из великороссов, малороссов, казаков, немцев-колонистов, греков, татар, евреев, сербов, болгар, бессарабцев, которые по различным причинам оказались тут и ассимилировались. На них оказали сильнейшее влияние дух первоходства и новаторства, упорство хлеборобов-малороссов, дерзость донских казаков, предприимчивость русских и еврейских купцов, инженерная мысль англичан, бельгийцев и немцев и, если брать шире, – интернационализм развивающегося молодого капитализма. Прибавим к этому влияние Святогорского монастыря (ныне Святогорская Свято-Успенская лавра), который сыграл на юго-востоке роль, сравнимую с ролью Троице-Сергиевой лавры. В итоге вырос регион колоссальной экономической мощи (металлургия, угледобыча, машиностроение, коксохимия, тяжёлое и транспортное машиностроение) с адекватным этому населением. Донбасс – гигантский мегаполис, здесь одна треть всех украинских городов с населением свыше 100 тысяч человек. Выходцы из Донбасса остались яркий след в истории России и Советского Союза.

Если вспомнить СССР, то тут не меньше двадцати, если не больше, союзных министров, среди них – председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и второй секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Жданов, первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР Никита Хрущев, нарком обороны СССР Климент Ворошилов, первый секретарь ЦК компартии Украины Леонид Мельников, премьер-министр СССР Николай Рыжков, герой первых пятилеток Алексей Стаханов, создатели атомного комплекса – министры среднего машиностроения СССР Авраамий Завенягин и Ефим Славский, министр авиационной промышленности СССР и заместитель председателя Правительства СССР Михаил Хруничев, председатели Госплана СССР Николай Вознесенский, Максим Сабуров и Вениамин Дымшиц, начальник Главного политического управления Красной Армии Александр Щербаков, министры угольной промышленности СССР Александр Засядько и Борис Братченко, первый заместитель министра угольной промышленности СССР Владимир Белый, первый заместитель министра строительства предприятий тяжелого машиностроения СССР Михаил Почкайлов, министры угольной промышленности Украины Кондрат Поченков, Николай Худосовцев, Николай Сургай и Николай Гринько, министр образования СССР Сергей Каftанов, министр внутренних дел СССР Николай Щелоков, министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР Николай Голдин, министр строительства нефтяных и газовых предприятий, заместитель председателя Совета

министров СССР Борис Щербина, председатель Госснаба СССР Павел Мостовой, председатель Госгортехнадзора СССР Марат Васильчук, председатель КГБ СССР Владимир Семичастный, первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Бобков, Генеральный прокурор СССР Роман Руденко, министр торговли СССР Александр Струев, министр путей сообщения СССР Николай Конарев, член Политбюро ЦК КПСС и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Дмитрий Полянский, руководитель шахтерских профсоюзов СССР Владимир Лунев, министр социальной защиты РФ Людмила Безлепкина, министр обороны РФ Игорь Сергеев, начальник треста «Донецкэжилстрой» и министр строительства Грузии Нодари Медзмиашвили, организатор строительства современной Москвы Леонид Краснянский, министр энергетики РФ Александр Новак.

Военная история отражена в судьбах героя Гражданской войны А. Я. Пархоменко, маршалов И. Т. Пересыпкина и дважды Героя Советского Союза К. С. Москаленко, генерал-полковника, Героя Советского Союза И. И. Людникова, контр-адмирала, Героя Советского Союза, командира подводной лодки, торпедировавшей немецкий линкор «Тирпиц», М. О. Лунина, генерал-лейтенанта авиации В. М. Лавского, командиров 383-й, 393-й и 395-й шахтерских дивизий (немцы называли их «черными»), Героев Советского Союза К. И. Провалова, И. Д. Зиновьева и А. И. Петриковского; Героя Советского Союза, летчика Надежды Поповой. Среди Героев Советского Союза, участников Великой Отечественной войны, – 364 донбассовца. Для сравнения: москвичей – 146.

Здесь же и история героя кавказской, русско-иранской войны 1804-1813 гг. генерала от инfanterии Петра Котляревского («О, Котляревский, бич Кавказа!» – Александр Пушкин «Кавказский пленник»), основателей полумиллионной промышленной Макеевки генералов Иловайских. Отметим роль городского партизанского движения в Донбассе во время Великой Отечественной войны. Краснодонская «Молодая гвардия» – символ этой борьбы.

Официальный Киев неизменно ревниво относился к донбассовцам, а Москва, наоборот, постоянно выдвигала их. Это объясняется различной ментальной основой донбассовцев и населения центральной Украины, преимущественно сельских корней. Если у первых – это масштабы сверхдержавы, то у вторых масштабы региона, «вишнёвого садочка». В периоды гражданского противостояния такие различия становятся труднопреодолимыми, ибо исторические явления намного длительнее человеческой жизни. В кризисные времена мы ощущаем дыхание истории. В этих явлениях – в Донбассе и Новороссии – дышит история России.

Раскол, который мы наблюдаем на Украине сегодня, случился не вчера. В его основе – историческое противостояние между geopolitическими (и цивилизационными) конкурентами. Сначала России противостояла католическая Польша, которая вела колонизацию территории бывшей Древней Руси (Украины тогда не существовало), потом Австро-Венгрия и Германия, сегодня это Европейский союз и США. Во времена войн Богдана Хмельницкого украинская элита (запорожская старшина) нередко выступала на стороне поляков, рядовые же казаки стояли за «белого царя» (так турки именовали русских царей). В Первую мировую войну германский генеральный штаб санкционировал создание Лиги нерусских народов России для раскола империи по национальным основаниям.

В воспоминаниях Василия Шульгина, киевлянина, депутата Государственной Думы Российской империи 2–4-го созывов, упомянут такой факт. Летом 1917 г.

киевский адвокат Бутович рассказал ему: «В свое время, когда я собирался ехать во Львов, тогдашний киевский генерал-губернатор Трепов сказал мне: «Не можете ли вы взять на себя очень деликатную миссию? Львовский профессор Михайло Грушевский ведет против нас острую пропаганду. Нельзя ли его купить?» Это было мне очень неприятно, но я согласился и, приехав во Львов, познакомился с Грушевским. Через некоторое время намекнул ему, что он мог бы получить большие деньги при известных обстоятельствах. Он сразу меня понял и ответил: «Вы не можете мне дать столько, сколько я имею от...» Я спросил: «От Австрии?» Он сказал: «Нет, от Германии». Сегодня Грушевский назван одним из отцов-основателей Украинской республики.

Во время Гражданской войны сельская местность была охвачена крестьянским движением, которое возглавил Нестор Махно. В Донбассе же была создана Донецко-Криворожская республика в составе РСФСР.

В начале советского периода Москва предприняла большие усилия, чтобы ликвидировать национальную напряженность на Украине, уравновесив «прорусским» населением промышленных центров «проукраинское» сельское. В июле 1927 г. Всеукраинский Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров УССР выпустили постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». Цель документа – проведение дальнейшей украинизации бывшей Малороссии, вытеснение с ее территории русского языка.

Право оставаться русскоязычными в УССР сохраняли только выходцы из Великороссии. Коренное население республики объявлялось самостоятельной украинской нацией и обязывалось перейти на украинский язык, на котором отныне разрешалось вести научную и педагогическую деятельность, судопроизводство, делопроизводство (исключения допускались лишь в заведениях, специально предназначенные для обслуживания национальных меньшинств). Во всех центральных учреждениях организовывались ведомственные комиссии, задачей которых являлась «выработка мер к полной украинизации» соответствующих государственных структур. Сотрудники, замеченные в «отрицательном отношении к украинизации», согласно постановлению увольнялись в административном порядке, «без выдачи выходного пособия и без предупреждения». В отдельном пункте указывалось, что за несоблюдение положений постановления «виновные подлежат уголовной ответственности».

Это делалось, исходя из идеи, что русскоязычный пролетариат наставит украинцев на общегосударственный курс. Среди украинской интеллигенции стал популярен лозунг «Геть от Москвы!». На встрече со Сталиным украинские писатели потребовали запретить как «антиукраинскую» пьесу Михаила Булгакова «Дни Турбиных», поставленную МХАТом. В ней дается объективная оценка петлюровщины.

Велик вклад донбассовцев в русскую культуру. Назовем «советского Диснея», создателя отечественной мультипликации и фильмов-сказок А. Л. Птушко; кино режиссеров Л.Е. Шепитько («Восхождение» по повести В. Быкова «Сотников», «Прощание» по повести В. Распутина); Юрия Кару («Мастер и Маргарита»); Л.Д. Лукова («Я люблю», «Большая жизнь»); Л.Ф. Быкова («В бой идут одни «старики» и др.). Шахматный клуб имени А.В. Момота из Краматорска воспитал 11 международных гроссмейстеров, среди них Руслан Пономарев, Сергей Карякин, Екатерина Лагно.

Каждый день мы встречаемся с делами донбассовцев. Московское метро строили донецкие горные инженеры. Основатель российского кинематографа – Александр Ханжонков. Самый популярный композитор XX века – наш земляк Сергей Прокофьев, его именем назван аэропорт Донецка.

Сегодня Землячество донбассовцев города Москвы объединяет более 500 человек, работающих в различных отраслях народного хозяйства, бизнеса, политики, культуры, оборонной промышленности. В его рядах состояли и состоят 12 Героев Советского Союза, России и Украины, руководители министерств и ведомств СССР, 23 генерала, 5 космонавтов, 32 депутата Государственной Думы РФ различных созывов, священнослужители, 20 почетных граждан Донецка, писатели, ученые, деятели культуры, журналисты. При поддержке Землячества донбассовцев Москвы создана книга «Донбассовцы. Мировой масштаб», как дань уважения и памяти героям великого государства, созидавших его.

Символично, что над московским Кремлем горят рубиновые звезды, отлитые в донецком городе Константиновке!

Народное ополчение Донбасса. 2014 г.

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ

ТРУДОВАЯ СЛАВА ИВАНА ПРОКОПЬЕВА

Некоторое время тому назад чрезвычайно назойливо дискутировался вопрос о потере крестьянских начал в России. И причина сего якобы легко выплывала: революция 1917 г. и ее следствие – советская власть. Домыслы знатоков с асфальтовых пространств, просто перевертышей, изумляли. Неужто калачи самосевом на березах растут?

Тяжко жила деревня, медленно ручной труд вытеснялся более производительным – механизированным. Для сведения тех, кто отсыгает к небывальным успехам дореволюционных времен.

В изданном к проходившей в Кургане в 1895 г. сельскохозяйственной выставке сборнике «Экономический обзор Курганского уезда» неоднократно упоминается про труд пахаря. Десятина пашни (чуть больше гектара) на паре лошадок обрабатывалась в среднем за три дня. Про качество обработки упоминаний я не встречал. А вот про то, что зачастую полученного урожая едва ли хватало до следующего,

упоминания есть, и не только в этом справочнике. Труд одиночек вполне отвечает известной пословице «Один в поле не воин», пускай она и не в этом случае является обобщением.

Хочу обратиться к несправедливо забытому у нас исследованию журналиста Юрия Петровича Агафонова. Свои наблюдения и осмысление собранных фактов он изложил в книге под интригующим названием «Колокол «СКНЕМВАРА» слышит «РОССИЯ». В книге автор рассказывает, как крестьяне, используя преимущества, полученные от новой, советской власти, организовали свое будущее в рамках коллектива, что-то перенявшего и из опыта прежних общинных отношений.

«СКНЕМВАР» – название добровольно возникшей коммуны, сложилось из первых букв фамилий ее основателей. Организационные мероприятия происходили в конце 1919 г. Только-только заканчивалась Гражданская война. Первый пункт разработанного коммунарами устава провозглашал следующее: «Цель и задачи сельхозкоммуны: развитие в широком масштабе и постановка крупного сельского хозяйства с применением сельхозмашин и орудий». Далее еще девятнадцать пунктов закона внутриобщественной жизни, соблюдавшихся неукоснительно. Результаты работы обществом не заставили себя ждать – полное превосходство над трудом един-

БЕЛОУСОВ
Андрей Дмитриевич

Директор Каширинского литературно-краеведческого музея имени В. К. Кюхельбекера.

ноличника! Впереди перспектива скорейшего благополучия. Как результат – будущая поддержка государства. Все это произошло в Мехонской волости Шадринского уезда.

Вполне возможно, что этот пример из биографии нашего края послужил, как и многие другие в иных пределах, обоснованием будущей эпохе коллективизации.

К сожалению, там, где коллективизация осуществлялась насилиственно, страшными демагогами, а может быть, почувствовавшим силу власти бояр «без кола, без двора» или откровенных недоброжелателей новой государственности, она зачастую оказывалась провальной.

Нищая, полуразрушенная страна, за счет небывалого энтузиазма и трудового порыва населения, а еще и хлеба из села, затраты на производство которого не оплачивались в должной мере крестьянству (нечем было достойно платить), свершила невозможное. Грандиозны небывалые до того времени стройки, не только промышленные, но и сельские. В качестве примера – история деревни, разросшейся в результате этих преобразований, нынешнего села Каширино.

К 1925 г. у нас сформировалось государственное предприятие – конный завод. Для создания материальной базы в апреле 1925 г. было начато строительство трех конюшен для конепоголовья, куполообразного манежа для тренинга, ветеринарного лазарета. Торжественное открытие комплекса состоялось в день празднования годовщины Октябрьской революции в том же 1925 году! С приглашением крестьян из соседних деревень. Можно себе представить удивление увиденным. Великолепные постройки, да еще и электроосвещение внутри. Думается, это был весомый аргумент в пользу советской власти.

Размысления эти навеяла на меня недавняя встреча с заслуженным механизатором РСФСР, полным кавалером ордена «Трудовая Слава» и обладателем иных многих званий и наград – Прокопьевым Иваном Николаевичем. Встречу предложил работавший прежде в учхозе главным агрономом Алексей Федорович Кузнецов.

Конечно же, в поле будущего созревающего урожая, невеликого по погодным условиям, как оговорился недавний хозяин сортучастка «Утятский» агрохолдинга «Кургансемена». Всего-то, по его прогнозу, наберется центнеров по двадцать пять с гектара (вот тебе и невеликий). С нескрываемым удовольствием рассматривали нынешние представители сегодняшнего крестьянства хлебную ниву, перебирали тучные колосья, говорили о прошлом и настоящем. Сводился разговор к общезвестному – хлеб всему голова.

Иван Николаевич вспоминал свои рекорды на хлебном поле. До 1800 гектаров зяби случалось ему поднимать за сезон. Против крестьянина на лошадках на единоличном участке – фантастика. Выяснилось в разговоре поразившее, наверное, не только меня признание мастера о том, что более двадцати лет отработал он на тракторе К-700, при этом так за ним ухаживал, что все эти годы трактору не производился капитальный ремонт. А далее почти прямая речь Прокопьева: «Великую роль сыграли трактора Кировского завода в нашем сельском хозяйстве. Вот бы в память о труде наших механизаторов поставить трактор К-700 на пьедестал, как ДТ-54 возле Половинки. Как вот только подступиться к идее?». Кузнецов отвечает: «Выход есть реальный. Обратись к вашему депутату областной Думы – Исламову. Если загорится идеей, все сделает». На том и порешили.

5 июля 2023 г. в селе Арсеновка Притобольного района состоялось торжественное открытие памятника трактору К-700. Посвящен этот монумент труду зауральских механизаторов и выдающемуся достижению одного из них – Прокопьева Ивана

Николаевича. Состоялось событие в присутствии председателя Курганской областной Думы Фролова Д. В., генерального директора агрохолдинга «Кургансемена» Исламова М. Н. и других представителей властных структур. В том числе и от Кировского завода из Санкт-Петербурга. Участвовал в открытии монумента и инициатор события – Иван Николаевич Прокопьев. О его крестьянской судьбе необходимо рассказать подробнее.

Когда-то газета «Советское Зауралье» опубликовала вот такие строки, посвященные Прокопьеву – крестьянину, механизатору. Эти определения накрепко связаны с его именем:

*Земля моя. Я пахарь твой.
Я без тебя не мыслю боле!
Лишь позови, и до звезды
В твое утру дыханье – поле!*

Откуда эта преданность крестьянской доле, родной ниве?

Родился будущий Герой Труда (три ордена «Трудовая Слава» по статусу СССР приравнивались к званию «Герой Социалистического Труда») в селе Камышном, ныне Притобольного района. В семье было три сына и дочь. Отец после участия в Финской войне вскоре снова призван в ряды Красной Армии, уже на защиту Родины от фашистов. Известие о его судьбе было кратким: мл. сержант, командир отделения. Был в последнем бою в феврале 1942 г. В семье сохранилось воспоминание о его проводах. Обнял на прощание жену с просьбой-наказом: «Настенька, сохрани детей».

Вспоминая жизнь военных да и первых послевоенных лет, Иван Николаевич обронил одну фразу: «Жили очень тяжело материально». Мама – Анастасия Степановна – работала дояркой, ребятишки на попечении бабушки. Взрослели быстро. Летом, в возрасте пяти-шести лет, вспоминала Иван Николаевич, работали на сенокосе. Была такая профессия для ребятишек – копновоз. Работали буквально за кусок хлеба. Быстро приобретаемые навыки и умения по мере взросления давали

более ответственную, квалифицированную работу, а значит, и с большим достатком. Появилось понимание необходимости в знаниях, сначала школьных. В начальной школе учился в Камышном, а семилетку заканчивал уже в селе Утятском. С благодарностью вспоминает своего классного руководителя Анну Григорьевну Девятову, Анну Тимофеевну Потанину, Варвару Степановну Иванову. И на девятом десятке жизненного пути при разговоре о дорогих сердцу учителях в интонации у рассказчика появляются нотки особенной теплоты.

Стремление продолжать получение знаний не оставляло и после окончания школьного курса. Колхозу, где работал, нужны были квалифицированные механизаторы. Берёзовское СПТУ-2 выпустило его в дальнейшую жизнь с дипломом механизатора широкого профиля. В этом училище и заложили основы того отношения к профессии, при котором достиг Иван Николаевич выдающихся результатов при работе на тракторе. Вспоминает до сих пор увещевание преподавателя Михаила Марковских о необходимости очень тщательного обслуживания техники без отступления от инструкций – это будущий залог успехов: «Лишь одна песчинка, пропущенная по недосмотру с маслом в двигатель, приведёт к его быстрому выходу из строя». Как и большинство парней тех лет, отслужил в Советской Армии, и гадать не стоит – механиком-водителем танка. Служил успешно и добросовестно. Перед демобилизацией просило командование остаться на сверхсрочную службу – непосредственно учить воинскому мастерству новобранцев. Причиной отказа была болезнь мамы, а в глубине души ещё и желание вернуться к родимым полям.

После возвращения со службы домой создал свою семью. Жена – Галина Матвеевна – учительствовала в школе Камышного. Вскоре, после рождения детей,

Второй слева – полный кавалер орденов Трудовой Славы
Иван Николаевич Прокопьев

пришлось сменить место жительства – в селе не было детского сада, а работу не оставиши. Переселились в село Глядянское, колхоз имени Калинина, в нём и проработал на тракторе К-700 до выхода на пенсию. Да как отработал!

Главный инженер Кировского завода, узнав про рекорд работы без капитального ремонта, приезжал ознакомиться с уникальным, небывалым случаем. Немалый вклад внёс Иван Николаевич в обретение колхозом звания «Хозяйство высокой культуры земледелия». Звание «Мастер высокой культуры земледелия» получил и механизатор Прокопьев. Кстати, стоит упомянуть, что в это время осилил ещё одну ступень в получении дополнительных знаний – окончил заочно полный курс Петуховского техникума механизации и электрификации сельского хозяйства с защитой дипломного проекта на отличную оценку! Техникум этот – кузница великолепно подготовленных кадров по всем профессиям обучения. Являлся Прокопьев лидером и инициатором движения тысячников. Выпахивал за сезон не менее 1000 га зяби. Обязательства свои исполнял непременно, установив свой рекорд – 1800 га. С улыбкой вспоминает курьёзный случай. Приезжают проверяющие: что такое – механизатор отдыхает на меже, а трактор нарезает исправно борозды в поле. Удивлённым гостям пояснение было самым простым – сын пришёл попроводать, он и управляет трактором. А что кабина кажется пустой – ростом ещё не вышел.

Иван Николаевич – лауреат премии имени Терентия Семёновича Мальцева. Неоднократно с ним встречался. Конечно, разговор о хлебе насущном, об отношении к земле-кормилице. Старейшина хлебных полей, само средоточие крестьянской мудрости и его несколько младший по возрасту собеседник, так же постигший многие премудрости крестьянства, пришли к единому выводу. Подсело сельское хозяйство на шприц сельхозхимии, как наркоман на наркотики. Зачастую совершенно бездумно, без оглядки на природу, без учёта экологических требований. А премию имени Мальцева надо бы присваивать с оглядкой на соблюдение в том числе и норм экологии.

Живёт Иван Николаевич на земле уже 84 года. С Галиной Матвеевной у них двое детей, четыре孙, два правнука. Про жену с большой нежностью произносит фразу – мой оберег по жизни. Не чужд общению с молодёжью. Бывает с беседами в школах, вот и к нам в неблизкое Каширино приезжал. Много и интересно поведал слушателям о нелёгком, но столь значимом труде хлебороба. Про то, что выращивать хлеб почтительно, потому что он всему голова. Будет хлеб – будет и песня.

Осознавая значимость профессии хлебороба, должным образом её оценивая, в силу прямолинейности характера Прокопьев зачастую шёл в своих суждениях, что называется, против течения. По этой причине был иногда неугоден кое-кому из властей предержащих. Однако авторитет от этого не исчезал. Неоднократно избирался в бюро обкома партии, где являлся активно действующим участником этого рабочего органа в руководстве областью.

Как не вспомнишь про то, что из «одного металла льют медаль за бой, медаль за труд», знакомясь с жизненным путём одного из представителей сегодняшнего крестьянства нашей области? Столь же основательно, так мне кажется, относились к своей работе на поле боя выходцы крестьянского сословия в годы Великой Отечественной, добывая Победу, восстанавливая страну, разрушенную войной. Их потомок и на хлебном поле, и служа в армии добросовестно, да ещё с немалой долей смекалки, исполнял требуемое.

Отсюда простой вывод – живёт в России крестьянство, не оборвались его корни.

ИСКУССТВО

ХУДОЖНИКИ. ВАЯТЕЛИ. МАСТЕРА

(о курганских скульпторах Валерии
и Тамаре Лытченко-Метких)

Полвека назад, в далеком 1970 году, в Курган после окончания Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной приехали молодые скульпторы, семейная пара Валерий и Тамара Лытченко-Меткие. Трудно сказать, насколько им повезло с местом распределения, но вот то, что нашему городу посчастливилось обрести таких профессионалов в области монументального искусства, это уж абсолютно точно. Без сомнения и то, что время вступления в профессию Валерия и Тамары Лытченко-Метких удачно совпало с мощным подъемом монументально-декоративного искусства в СССР, напрямую связанным с размахом строительства и благоустройства городов. Скульпторы и художники-монументалисты были тогда необычайно востребованы. Система государственных заказов охватывала не только столицы и крупные города, но и отдаленную провинцию. Одним из первых успешных проектов молодых скульпторов стало оформление фасада нового здания курганского аэропорта. Прилетающих в наш город гостей встречало рельефное изображение герба Кургана в центре розы ветров, окруженной стилизованными фигурами – знаками Зодиака.

Нужно сказать, что тема космоса была одной из ведущих в декоративно-монументальном искусстве той поры. Это и понятно: страна стремительно осваивала космическое пространство. А наши молодые скульпторы увлеченно осваивали возможности разных материалов и техник в разных видах и жанрах искусства ваяния. Круглая скульптура и рельеф, портреты и жанровые скульптурные группы, декоративные тарелки и панно, монументальная и станковая, садово-парковая и мемориальная, декоративная и мелкая пластика, скульптура малых форм – столь широк диапазон областей ваяния, где проявили свой талант Валерий и Тамара Лытченко-Меткие.

С 70-х годов в советском искусстве прочно утвердилась стилизация, давшая наиболее ценные и убедительные результаты в его монументально-декоративном

КУЛАКОВА
Светлана Ивановна

Родилась 23 июля 1964 г. в Кургане.

Искусствовед, зав. отделом изобразительного искусства Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова. Член Союза художников России. Член Ассоциации искусствоведов России. Член редакционной коллегии литературно-художественных альманахов «Тобол» и «Курган. Текст».

направлении. Знаковой для скульпторов Лытченко-Метких, безусловно, стала работа над оформлением фасада новой курганской филармонии (1984–1985). Как и в решении декора аэропорта, монументалистам пришлось здесь учитывать особенности архитектурного облика здания: лейтмотив вертикальных членений его фасадов. Вот почему главный вход в филармонию оказался увенчан-

ным тремя стилизованными фигурами античных Муз, которые своими вытянутыми пропорциями и поднятыми руками с символическими атрибутами разных видов искусства весьма удачно сочетались с вертикальной архитектурной доминантой. Музы были выполнены в сложной и трудоемкой технике выколотки по металлу. Помощниками Лытченко-Метких стал тогда целый отряд курганских художников и скульпторов, а также заводские мастера. Музы рождались на территории производственного объединения «Кургана́рхиммаш». За цельность и выразительность скульптурного оформления филармонии его авторы были награждены премией Госстроя СССР.

Еще одной заслуженной награды Валерий и Тамара Лытченко-Меткие были удостоены за создание монумента воинам 32-го запасного лыжного полка, сформированного в 1941 году у нас в Кургане на территории поселка Увал. Вот там и был открыт в 1989 году памятник солдатам-лыжникам, защитникам столицы, ведь именно для обороны Москвы в сложнейшей обстановке первых месяцев войны было принято решение о создании за Уралом запасных лыжных полков.

Памятник создавался по просьбе ветеранов-курганцев из 32-го полка на народные средства: деньги семей погибших, ветеранов и просто неравнодушных курганцев. Такое ответственное и почетное поручение было дано опытным профессионалам-монументалистам Лытченко-Метким. На протяжении пяти лет шла работа над образом памятника и его техническим воплощением в материале. Шестиметровая фигура бронзового солдата с высоко поднятым над головой автоматом и лыжами в другой руке, с развевающейся на ветру маскировочной накидкой предстает в динамичном ракурсе, воплощая идею победного ликования. Скульпторы отказались от высокого постамента, как бы приближая своего героя к зрителям. Памятник создавался при участии архитекторов «Курганджданпроекта». В 1990 году возле монумента был захоронен прах неизвестного солдата, погибшего подо Ржевом. Интересно, что работа над окружающим памятник пространством продолжается по сей день. Сама фигура солдата не раз меняла окраску: то она серебристая, то бронзовая. Хотя органичней смотрится в холодном цвете металла, как-никак посвящение воинам-лыжникам.

Тема Великой Отечественной войны не единожды возникала в творчестве Лытченко-Метких. Они являются авторами «Памятника павшим» в Куртамыше, рельефа «Генерал Карбышев» на фасаде водоуправления КЗКТ, рельефа «Стела героев» у Вечного огня в Кургане.

Героическое начало одухотворяет и образ святого благоверного князя Александра Невского в памятнике Лытченко-Метких, появившемся в Кургане в 2007 году. Идея памятника принадлежит председателю совета директоров ОАО «Курганприбор-А» Сергею Муратову, предложившему установить его на территории этого оборонного предприятия как символ его небесного покровителя, защитника земли Русской. Эту идею поддержали Курганская и Шадринская епархии. Неслучайно дата открытия памятника была назначена на 12 сентября, когда Русская Православная Церковь празднует перенесение мощей святого благоверного князя Александра Невского. При всей святости образа в скульптурном решении памятника доминирует мужественное воинское начало. Это обобщенный образ древнерусского ратника в шлеме-шишаке и кольчуге, приготовившегося вынуть из ножен меч. Цилиндрический постамент украшен щитом на фоне перекрещенных мечей и боевых топоров. На знатность воина указывает княжеский плащ, а на его приверженность православной вере – рука в двуперстии у самого сердца. Памятник был отлит на ОАО «Икар». Спустя некоторое время рядом с ним появился храм, придав образу святого защитника Руси еще большую обоснованность и законченность.

В постсоветской России, отказавшейся от возвеличивания в искусстве своих политических и идеологических кумиров, со временем появились новые герои – не только образы достойных современников, но и исторические персонажи, часто незаслуженно забытые в недавнем прошлом. Скульпторам Лытченко-Метким довелось работать над памятником курганского промышленника и купца Дмитрия Ивановича Смолина, прославившегося многими достойными делами на пользу нашему городу и его жителям.

Основатель богатейшей в Кургане купеческой династии Смолиных, потомственный почетный гражданин города Кургана, талантливый предприниматель и прогрессивный общественный деятель, снискавший глубокое уважение соотечественников и получивший немало высоких заслуженных наград, Дмитрий Иванович был крупным меценатом и жертвователем на богоугодные дела: гимназии, детские приюты, дома призрения для нищих, строительство и украшение храмов в Зауралье. И если благодарная память об этих благих деяниях целенаправленно стиралась из сознания его земляков в советский период, то своеобразным памятником этому удивительному

человеку можно назвать процветающий ныне кафедральный собор Александра Невского,озванный практически на средства Д.И. Смолина. В советские времена нечего было и мечтать об увековечивании памяти представителя богатого эксплуататорского сословия. Но справедливость восторжествовала, и вот бронзовый памятник Д. И. Смолину был открыт 9 ноября 2000 года в сквере у здания завоуправления ОАО «Кургандрожжи» (бывший жилой дом, контора винокуренного завода и магазин Д. И. Смолина). Приглаженное каменное узорочье в декоре фасада здания, на фоне которого смотрится памятник, гармонично сочетается с его классически решенным обликом. Автором памятника стал скульптор Валерий Лытченко-Меткий.

Поясное изображение крепкой фигуры купца со спокойно сложенными руками установлено на цилиндрическом постаменте с краткой надписью на изящном картушке: «Дмитрий Иванович Смолин». Книга в руке купца – очень удачно найденная емкая символическая деталь. Это и необходимый атрибут для ведения финансовой учетности в предпринимательской деятельности, и напоминание о большом вкладе в развитие просвещения, и свидетельство о личном стремлении Д.И. Смолина к знаниям и развитию. Внимательно, подробно проработана пластика задумчивого благородного лица, детали исторического костюма. В основу образа был положен прижизненный живописный портрет Д. И. Смолина, некогда украшавший интерьер женской гимназии в Кургане в знак благодарности за многолетнюю попечительскую деятельность и неусыпное внимание к нуждам учебного заведения. В памятнике Д.И. Смолину чувствуется глубокое авторское уважение и желание явить современным предпринимателям достойный образец для подражания – человека, за величайшее счастье считавшего «...быть сотрудником общеполезного дела...».

Еще один портретный образ известного земляка, только уже современника, воплощен в творчестве Лытченко-Метких. Это станковый портрет зауральского полеводчика, почетного академика ВАСХНИЛ Т.С. Мальцева, выполненный Тамарой Лытченко-Меткой в терракоте, много лет находящийся в постоянной экспозиции областного художественного музея. Скульптору удалось передать просветленное состояние души и мягкую улыбку на простом крестьянском лице с кустистыми бровями человека весьма почтенного возраста, мудрого и всепонимающего. Сам материал прекрасно работает на образ землемельца: глина входит в состав почвы, а вылепленные из нее пряди зачесанных назад волос ассоциируются у зрителя с бороздами на вспаханном поле.

Станковая пластика занимает важное место в искусстве Лытченко-Метких. Здесь они смогли талантливо высказаться не только в тандеме, но и каждый персонально и даже получить престижные дипломы за личные творческие достижения. Большинство станковых вещей выполнено скульпторами в 1970-х годах. Это портреты конкретных людей-современников, а также собирательные художественные образы. Камерность и тонкий психологизм, подчеркнутая индивидуальность в портрете, присущие отечественной скульптуре 1970-х, нашли отражение и в их произведениях, выполненных в излюбленных материалах – терракоте и дереве.

В экспозицию иконописи в художественном музее удачно вписалась деревянная скульптура «Иконописец» Валерия Лытченко-Меткого. Автор обратился к жанровому мотиву иконописца-монаха за работой. Абсолютно оправдан выбор материала: из дерева лавка, на которой сидит иконописец, перед ним деревянная доска – основа иконы, в руках его кисть с деревянным черенком. Обобщенная пластика форм, плавные линии, гладко обработанное дерево рождают цельный скульптурный образ.

Интересно, что дата создания «Иконописца» – 1988 год – совпадает с официальным празднованием в нашей стране 1000-летия крещения Руси, предоставившим советским мастерам искусства редкую возможность обращения к христианским мотивам.

Историзм мышления, ярко проявившийся во всех видах и жанрах советского искусства 1970 – первой половины 1980-х годов, особая музейная эстетика и пиетет перед мировой классикой объясняют постоянное обращение художников и скульпторов к событиям и знаменитостям прошлых эпох. Есть подобные образцы и в творчестве Лытченко-Метких. Это образы драматургов Шекспира и Мольера, астронома Николая Коперника. Рельефное изображение Коперника на декоративном терракотовом блюде было выполнено Валерием Лытченко-Метким в 1982 году. Поясной портрет астронома в историческом костюме эпохи Возрождения, с рисунком Солнечной системы в руках дополнен памятной лентой с датами его рождения и смерти. Налицо стилизация в духе ренессансных портретов.

Необыкновенным лиризмом и поэтичностью образа отличается терракотовая скульптура Валерия Лытченко-Меткого «Летний вечер». Его героиня – молодая, пышущая здоровьем селянка, мечтательно засмотревшаяся на вечернюю благодать в природе. Удивительно, что скульптор изобразил только полуфигуру женщины, а то, что она селянка и смотрит в открытое окно или опирается сложенными под грудью руками на огородное прясло, уже дорисовывает воображение зрителя, умело привлеченное автором. И вот уже он, зритель, вместе с героиней «Летнего вечера» испытывает такое же тихое блаженство. Согласимся, это очень русское по мироощущению произведение, настоящая творческая удача скульптора.

Тамара Лытченко-Меткая не раз обращалась к портретным образам женщин-художников. В музейной коллекции есть ее портрет «Валентина», запечатлевший в дереве курганского живописца и графика Валентину Евлентьеву. Чету Лытченко-Метких и Валентину Викторовну связывают долгие годы дружбы. Молодая красавица-художница отличалась тонкими портретными чертами при заметной луноликисти, что и подчеркнула скульптор в портрете размером больше натуры, где гладкость обработки древесины на лице создает ощущение его нежности и молодости, а фактурный контраст лица и прически придает особую живость выразительность женскому облику.

«Танечка» Тамары Лытченко-Меткой – это терракотовый портрет девочки со смешно торчащими косицами, удивленно распахнувшей глаза навстречу огромному миру. По сути это обобщенный образ детства. Скульпторам Лытченко-Метким очень удаются детские образы, будь то портрет тинейджера в бейсболке или трогательные стилизованные детские фигурки в пластике малых форм. Особо хочется остановиться на терракотовой скульптуре «Юный скрипач» Тамары Лытченко-Меткой, которая была опубликована на страницах альбома «Молодые художники Российской Федерации», изданного в столице в 1979 году. Всего одна удачно найденная деталь – поющая птичка на плече юного музыканта – сделала этот образ запоминающимся и образно выразительным. Впрочем, необычайно притягательно и открытое лицо маленького скрипача, обрамленное милыми кудряшками.

Большинство станковых произведений Лытченко-Метких можно отнести к скульптуре малых форм, получившей в те годы заметное развитие. В этой области они смогли проявить свое декоративное чутье и чувство юмора, попробовать себя кроме портрета в разных жанрах: бытовом, мифологическом, сказочном, ню, анималистике.

Хотя на первый взгляд очень трудно найти различия в творческой манере этих двух талантливых скульпторов, неслучайно они так органично и цельно работают в дуэте, все же эти различия есть. Кажется, Валерий стремится к более обобщенным и монументальным решениям, а Тамара очень убедительна в психологическом портрете. А вообще, весьма непросто разделить творчество этих скульпторов, ведь при авторстве одного ему всегда деятельно помогает другой. Вот и высокая награда в театральном мире «Золотая маска», присужденная Тамаре Лытченко-Меткой в 1998 году за оформление спектакля «Сказка о царе Ироде, или Вертепщицу» в Омском театре «Арлекин», по сути, является достоянием обоих скульпторов. И всю титаническую работу по изготовлению из дерева сложных по внутреннему устройству театральных кукол – а это девять основных персонажей и еще кроме них необходимый по сюжету антураж – детали интерьера, ангелы, цветы, папоротники – Тамара и Валерий делали вместе. На изготовление одной куклы уходило около месяца. Причем это был первый театральный опыт Лытченко-Метких. И вопреки всем трудностям такой успешный! Можно сказать, что и высокое звание «Заслуженный художник России», присвоенное Тамаре Лытченко-Меткой, нашим скульпторам можно с гордостью носить одно на двоих!

За рамками этой журнальной статьи осталось очень многое, ведь нельзя объять необъятное – настолько велико и разнообразно творческое наследие Лытченко-Метких. Награды и признание в мире искусства доставались им не только благодаря таланту, но и ценой огромных физических и душевных усилий. Они пережили горечь от нереализованности некоторых своих проектов и утраты целого ряда уже созданных произведений. К сожалению, судьба творений художников и скульпторов в монументально-декоративном искусстве зависит не только от разрушительного влияния погоды и стихийных проявлений человеческого вандальства, но и от желаний новых хозяев архитектурного или ландшафтного объекта. И все-таки Валерия и Тамару Лытченко-Метких можно назвать успешными художниками. Они снискали уважение и признание среди своих коллег, а их вклад в развитие отечественного искусства оценен на самом высоком уровне. Произведения скульпторов Лытченко-Метких украшают города и селения нашей области, являются ценнейшими экспонатами в собрании областного художественного музея, живут в интерьерах и радуют ценителей пластического искусства. Валерий Павлович и Тамара Басировна не обделены и педагогическим талантом: их многочисленные ученики по Курганскому училищу культуры ярко проявляют себя в творчестве.

Скульпторы Лытченко-Меткие привнесли в свое время подлинно высокую культуру в эстетический облик Кургана, а мы сегодня, надо признать, испытываем дефицит этой высокой культуры и настоящего профессионализма, о чем свидетельствует полнейшая анархия и вкусыщина в художественном оформлении города. Но это, как говорится, совсем другая история.

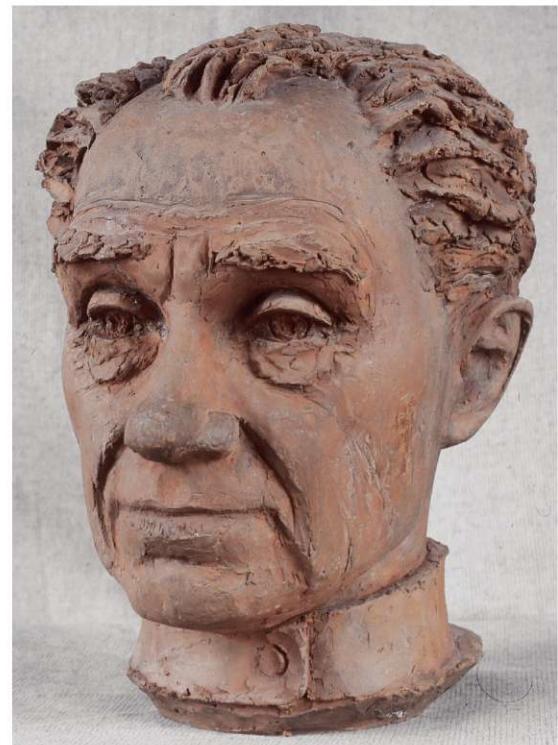
В завершение хочется поздравить Валерия Павловича с 80-летием, пожелать ему и его верной соратнице и спутнице жизни Тамаре Басировне здоровья и бодрости, а также уверенности в том, что их искусство по-прежнему востребовано и вызывает самый живой интерес и искренний отклик у зрителей. А что еще нужно для счастья настоящим Художникам, Ваятелям, Мастерам?

Александр Невский. 2022

Мемориал памяти 32-му лыжному полку. Фото Бориса Бусыгина

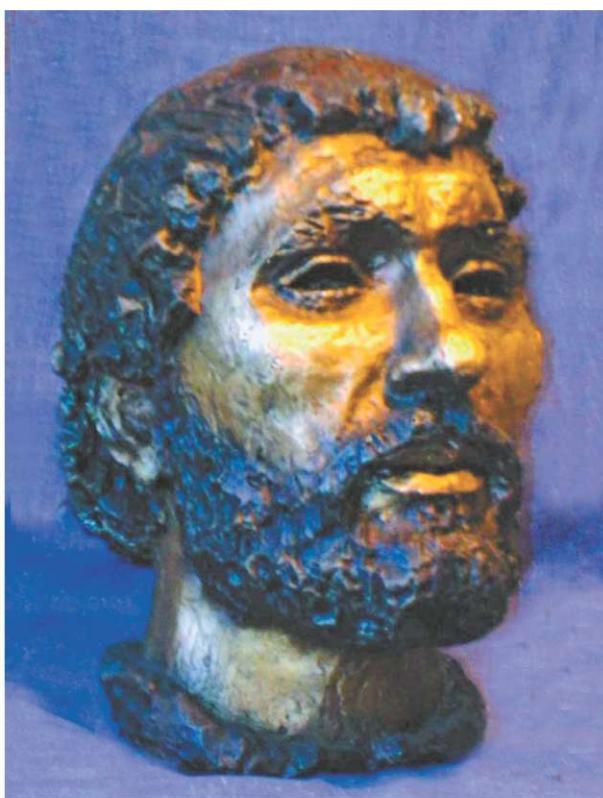
Т. С. Малыцев.
Терракота

Коперник.
Керамическое блюдо.
1982

Памятник
Д. И. Смолину

Геолог. 1974.
Терракота

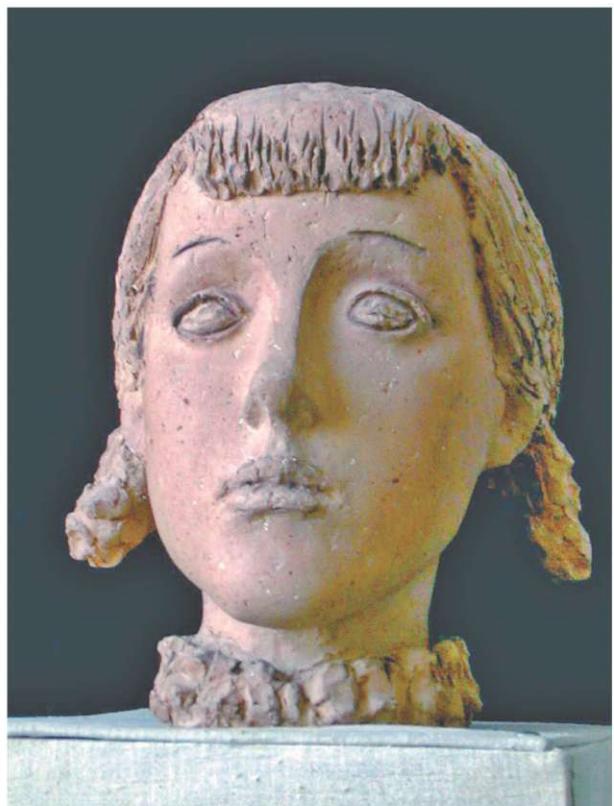
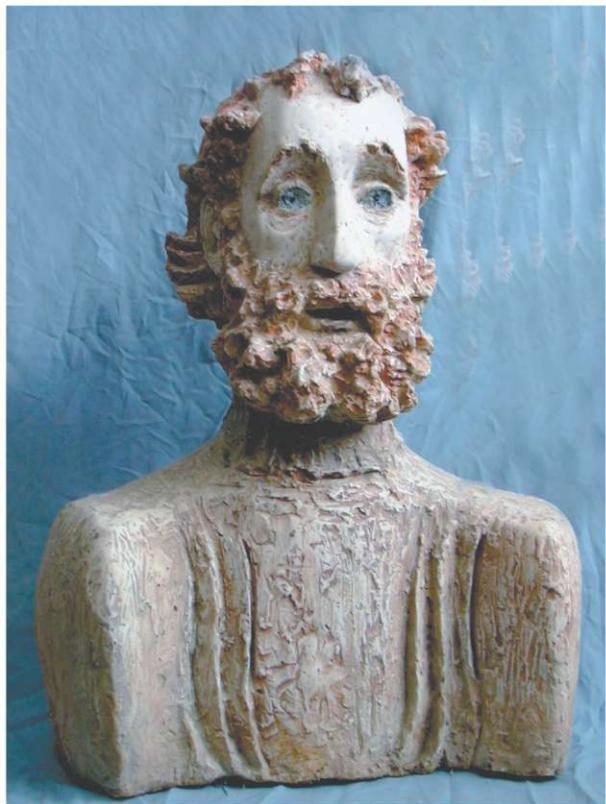
Иконописец.
Дерево

Искусствовед.
1981

Гусляр.
1990

Мальчик с голубыми глазами.
2000

Художник. 2000-е годы.
Керамика

Девочка с косичками.
2000-е годы

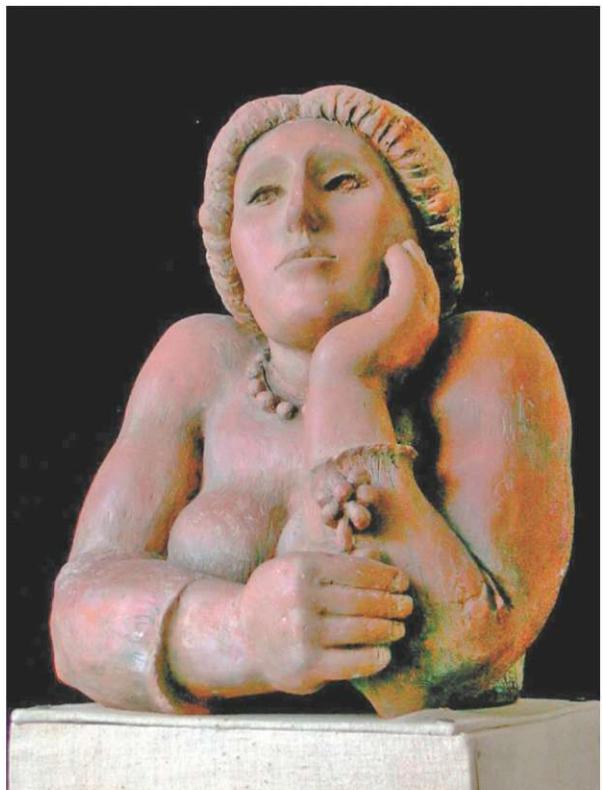

Валентина Евлентьевна. 1990.
Дерево

Портрет девушки в шляпе.
2004

Юный скрипач. 1978.
Терракота

Мечта. 2000-е годы.
Терракота

ПОЭЗИЯ

КРАСИВ ЗАСНЕЖЕННЫЙ КУРГАН...

Красив заснеженный Курган,
когда всего его метели
в сугробы белые одели
и скрыли в утренний туман.

Когда мороз – каков художник! –
забросил холст и полотно,
а окон хрупкое стекло
установил на свой треножник
и ну с размаха малевать!
Да так, что не могу понять,
откуда только вкус и сила, –
ведь под рукой одни белила
и сажи малость... а узор,
такой затейливый и тонкий,
невольно привлекает взор,
как женщины продуманный убор,
как нежный профиль у девчонки!

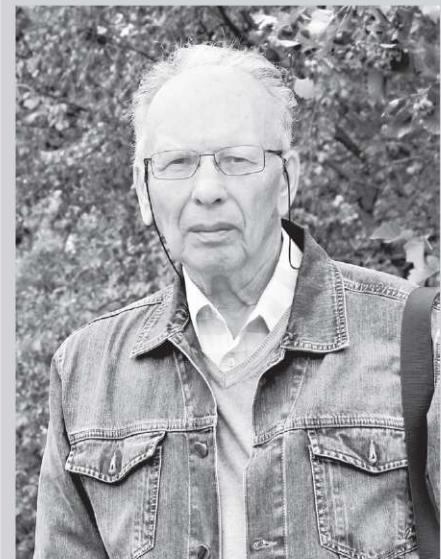
НОЧЬ

Своей невидимой дорожкой
Бесшумно в город ночь вошла
И, глянув в каждое окошко,
Огни на улицах зажгла.

И приглушив гармонь – не рано:
У ночи тоже есть дела, –
По тихим улицам Кургана
Она влюбленных развела,

Прикрыла их и приласкала,
Как только лишь ласкает мать,
Когда, накинув одеяло,
Детей укладывает спать.

Она идет. Никто не слышит
Ее шаги по мостовой...
Во сне деревья будто дышат,
Качают мирно головой.

ШЕЙХМАН
Вильям Львович

Учитель математики и черчения средней школы, впоследствии программист.

Родился в Донецке (тогда Сталино) в 1938 г. В Курган эвакуирован в 1941 г.

После окончания Курганского государственного педагогического института преподавал математику и черчение. Был редактором институтской газеты «За педагогические кадры». Стихи писал, нигде не публиковал. Однако, когда работал на Таджикском алюминиевом заводе, в заводской газете напечатали несколько стихотворений.

В альманахе «100 маленьких свидетелей большой войны», выпущенном в Туле (издательство «Аквариус», 2022 г.), в предисловии цитируется его стихотворение «Воспоминание о войне».

С 2000 г. живет в Израиле. В альманахе публикуется впервые.

И даже лист не шелохнется,
И только где-то далеко
Девичья песня тихо льется,
Печально, нежно и легко.

Весенний ветер издалека
Доносит девичий напев
И обрываст, и снароком
Со стороны другой слетев.

* * *

Кто разлуки не знал,
Тот не знал и забот,
Тот тревоги не знал,
Что за сердце берет,
Тот не ведал и грез,
Что приходят во сне,
Не мечтал он до слез
О хорошем письме,
Не смотрел сквозь окно
В потемневшую даль
И не гнал он вином
И тоску, и печаль.
Кто не ведал разлук,
Ни за что не поймет,
Как безжалостный плуг
Ревность сердце порвет,
Как смеется взахлеб
Над любовью твоей,
И никто не найдет
Этой твари темней,
А она налету
Испоганит подряд
И любовь, и мечту,
И невесты наряд.
Кто разлук не спытал,
Не изведал дорог,
Тот надежды не знал
И ее не берег,
Не хранил, как хрусталь,
Не холил, как дитё,
Не молил, словно сталь,
Что до сердца идёт:
– Пощади, но не кинь –
Я стихом отплачу.
Расстояния сдвинь –

Я к любимой лечу!
Кто не ведал разлук,
Не поймет, для чего
Теплота твоих рук,
Нежность юная щек,
Не поймет, как люблю
Неумолчный твой смех.
И улыбку твою
Я ценю выше всех.
Не поймет... А они
Лишь способны сберечь.
Все надежды мои –
Солнце будущих встреч!

* * *

Облаков осенних проседь
Сыплет слезы с высоты.
Нас с тобою ветер носит,
Как кленовые листы.

То разбросит на рассвете,
Слепо следя судьбе,
То, когда луна засветит,
Принесет к тебе.

И теперь как ни стараться,
Ни стремиться разойтись,
Суждено нам вместе мчаться
Влево, вправо, вверх и вниз!

А мечта свое ворожит –
У нее свои пути, –
Что придется нам, быть может,
И под снег вдвоем уйти.

* * *

Дождь пройдет, и первый лучик
Быстро высушит листы.
И уже несусь я с кручи –
В синем небе мчишься ты.

Ветер снова листья мечет
И несет тропою грез,
Ждут там нас другие встречи,
Ярче роз и жарче гроз.

Эти встречи память скосят,
И покажется тогда:
Облаков осенних проседь
Не бывала никогда.

Никогда ты не ласкала
Кудри черные мои,
И как будто не бывало
Ни надежды, ни любви.

Но не сбросить, как перчатки,
Не стряхнуть, как от воды,
Ни тебе их отпечатки
И ни мне тебя следы.

* * *

У коварства всегда хитро вздернута бровь
(Может, есть у него и другая примета),
Ты спросила меня:
– Что такое – любовь?
Не надеясь, конечно, услышать ответа.

Что такое любовь, я могу, не тая,
На коварный вопрос без коварства ответить:
– Для меня – это ты, для тебя – это я,
Для другого другая звезда где-то светит.

Что такое любовь – это песня без слов,
Это море стихов, что шумит неустанно,
Это шорох шагов, это шелест шелков,
Это шепот чуть слышный тумана.

Что такое любовь, ты ответа не дашь,
Не отведавши горького вкуса полыни.
Для меня – это сон, а точнее – мираж
Посреди обезвоженной зноем пустыни.

Я как будто бы вижу оазис вдали,
Даже слышу в нем запах бодрящей прохлады.
И мне кажется, лучшей не встретить земли,
Где и нищему путнику искренне рады.

О, как просто свернуть мне к тому миражу,
Чтоб холодной воды полной горстью напиться.
Среди рыжих холмов я по кругу брожу
И не верю еще, что могу заблудиться.

А виденье его неуклонно ко мне
Приближается медленно ближе и ближе,
Вот и женщину я различаю в окне,
Вот и блеск ее глаз ободряющий вижу.

Я почти прикоснулся к родному плечу,
Так была мне нужна его ласка простая,
Шаг шагнул я вперед, наклонился к ручью...
И мираж, как мираж, моментально растаял.

* * *

Опять ты шепчешь жаркими устами
Свои стихи про море, про волну...
Любовь и мне когда-то со стихами
Пришла в мою двадцатую весну.

И думал я, что будут неразлучны
Всегда любовь, поэзия, цветы,
Как неразлучны молнии и тучи,
Как неразлучны юность и мечты.

Но годы шли, календари листая,
Срезали жизнь пластами лемехи,
И след любви, как снег весной, растаял,
И вместе с ним растаяли стихи.

И вот сейчас, когда уже за тридцать,
И ты мне веришь – я тебе не лгу –
Я, разумеется, могу еще влюбиться,
Поэтом стать не требуй – не могу.

* * *

Сынишка мой рисует космос
И всю тетрадь переплели
Планеты бурь, кометы роспись
И между ними корабли.

Но не фрегаты и корветы –
Он и не знает этих слов!
Все остроносые ракеты
Средь звездных лент и поясов.

Еще я вижу: наш Леонов
Глядит на землю сверху вниз.
Рукою первым космос тронув,
Ныряет, как аквалангист.

И в безвоздушном океане
Без самолетов и ракет
Плынут лихие марсиане
Землянам передать привет.

Но нет ни кустика, ни снега,
Нет ни берез, ни тополей
Среди стремительного бега
Сверхфантастичных кораблей.

Меня тревожат почему-то
Сухие эти небеса:
Куда исчезли дождь, и тучи,
И блеск волны, и паруса?

Где ветки клена и сирени?
Куда исчезли журавли?
Живые линии стремлений
Куда мальчишку увели?

И мысль боится шевельнуться:
Замкнут контакты провода,
Взлетит корабль, и не вернутся
На землю люди никогда.

Они летят, их сердце бьется,
Но время так для них идет,
Что их потомкам не придется
Встречать стартующих прилет.

Все в соответствии с законом –
С Эйнштейном не поспоришь тут, –
Они в созвездии Дракона
Планету юную найдут

И будут жить, тоской томимы
О той земле, что больше нет,
Маршрутов звездных пилигримы
И покорители планет.

А их сынишки произвольно
В простую клеточку тетрадь
Иные корабли, и волны,
И страны будут рисовать.

* * *

Над селом, над полем, над садами,
Где струится быстрая река,
Голубыми легкими путями
Проплывают молча облака.

Сколько чудных нежных очертаний!
Сколько места для волшебных грез!
И пацан уносится мечтами,
Хоть соплив, замызган он и бос.

Возникают башни... Пропадают...
Проплывают тучи тонких стрел...
На соленом пирсе провожают
Паруса старинных каравелл.

Вытирая слезы о рубашку,
Непонятною тоской томим,
Крошечною божией букашкой
Он, жужжка, взлетает прямо к ним.

И морским красивым капитаном
К берегам неведомой земли
Он уводит следом за туманом
Легкие, как птицы, корабли.

Снова ветры свищут за плечами, –
Не упрятать сердце на засов,
Это снятся белыми ночами
Облака далеких парусов.

* * *

Когда-то было очень модно
В альбомах память оставлять,
В них и лукаво, и свободно,
Что хочешь, можно пожелать.

Открой страничку: «Будь счастлива»,
Открой другую – там стрелу
И сердце кто-то молчаливо
Изобразил взамен «Люблю».

А на странице, что с «секретом» –
С загнутым просто уголком, –
Знакомым почерком приветы.
И просто так ... о том, о сем.

И не найти, пожалуй, дома,
Девчонки не найти такой,
Что не хранила бы альбома
На этажерке под рукой.

– Где Ваш альбом? Его найдите,
Стряхните пыль прошедших лет
И мне небрежно протяните:
– Вы напишите, вы – поэт.

Вот здесь последняя страница
Пока не занята стихом.
Минута, может быть, случится...
Я помечтаю ... ни о чем.

В душе, как прежде, легкий трепет
(я не пишу уж сотню лет!),
Беру альбом. Улыбкой светит
Мне юность через толщу лет.

Я открываю в детство дверцу
И после всех стихов и роз
Рисую пламенное сердце,
Стрелой пронзенное насквозь!

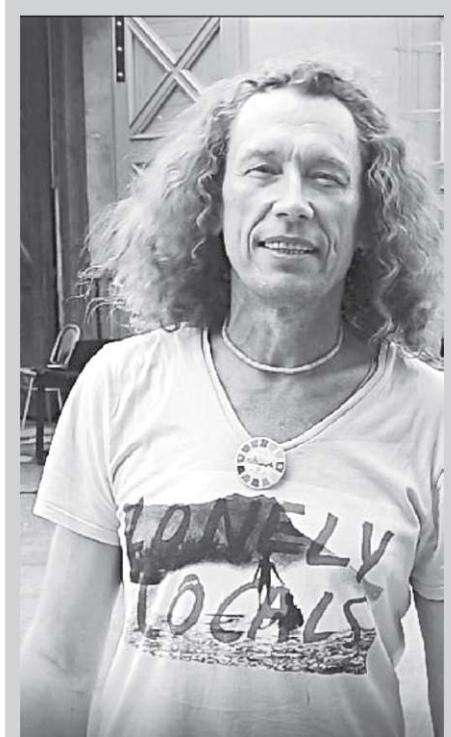
ПРОЗА

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «КОГДА БУЛОЧКИ ЕЩЕ УМЕЛИ СМЕЯТЬСЯ»

...Люблю тот многоугольник на карте, где я родился. И ещё обожаю, когда далеко от дома любовь к моей маленькой родине оживляется неожиданными встречами с тем, что непосредственно напоминает мне о моей малой родине. Мой многоугольник на карте всегда напоминает о себе. Даже когда я – в открытом океане, за тысячи километров от моего города и за много миль от Петропавловска-Камчатского.

Город-порт, пристанище постоянных ветров и сбирающе бдительных соседей, сегодня выплюнул меня в безбашенную затею с океанской рыбалкой. Все мы, за исключением капитана и моториста, представляли различные сухопутные города. Сразу кинулись выпивать и закусывать в предвкушении рыбалки, только лишь ступили на палубу нашего экскурсионного катерка. А я ещё фотографировал: океанскую безбрежность и нас.

Но меня ненадолго хватило. Я люблю фотографировать, обожаю – красоты и просторы, но не выношу морской качки. Меня, помню, и в Эгейское море вырвало, и в Чёрное, и в Балтийское, и в Адриатическое... Поэтому, когда где-то далеко остались Петропавловск-Камчатский и его Авачинская бухта, то вместе с ними исчезли земная твердь и ощущение уверенности. Подо мной колыхались сотни метров океанской воды, наполненной рыбой, медузами, моллюсками и прочей жизнью. А наш потёртый катерок словно решил убить во мне всякое желание жить, когда, издаваясь, всё норовил поглубже нырнуть в океаническую пучину, чтобы, выныривая оттуда, опять по параболе неутомимо взлетать повыше и снова

СОРОКАПЯТКА
Женя

Литературный псевдоним журналиста Евгения Борисовича Бачуриня.

Блогер, предприниматель, зоозащитник, автор книги «Когда булочки еще умели смеяться».

В альманахе публикуется впервые.

сваливаться поглубже. Но при этом я героически порыбачил и бросил свою рыбалку, лишь только в районе очередных рифов смог выудить единственного «какого-то линька». Кстати, это по-камчатски – «какой-то линёк», а по-моему – рыбища, ведь она оказалась длиной в две трети моей руки, и ещё с ладонью.

Наконец-то закончилась рыбалка! Хотя на самом деле просто уже все напились и наорались, и третий капитан усёк эту нашу кондицию. Он сразу поспешил скомкать развлекательную программу, вкусно анонсированную им на условиях предоплаты. Короче, мы повернули домой. Настроения у меня не было. Желудок находился уже где-то в районе горла, и из него больше ничего не получалось. Жить вообще не хотелось, а умереть не получалось. На борту катерка меня удерживало только то, что ранее пообещал себе сдюжить и не кинуться в морскую пучину, хотя очень хотелось...

По совету бывалого моториста я сидел уже на носу нашего кораблика, глубоко дышал и смотрел за горизонт: «Так меньше будет тошнить. Проверено!» Иногда до меня докапывался очередной рыбак с предложением выпить и закусить. На это я делал грустные глаза: «Ну что с тобой делать, хороший ты мой? Только убивать тебя». И хлебосольный, прочтя такое в моих глазах, спешил отвязаться и вернуться к покинутому общему восторгу.

Я умирал на носу, а наш катерок снова разбушлатился. Напоследок, на обратную. Рыбаки бухали, перекрикивали друг друга и перекидывались эмоциями, и катер просто разорался на все голоса. Они были невероятно стойкие к морской болезни и к алкоголю, хвалились уловом и под это дело продолжали наливать-выпивать. Я же на носу катерка тихо угасал, хотя по совету матёрого моториста и дышал, и отплёвывался, и старательно цеплялся глазами за всё, что видел на горизонте.

А там проплывали корабли, кораблики и кораблины. Их названия почти не читались. Либо – далеко, либо – потому что многие витийствовали на английском. Хотя встречались и понятные, простые корабельные имена: «Камчатский рыбазвод» и «Карельский комсомолец», кажись. Наш пьяный заблудившийся катерок точно рассматривали в бинокли изо всех проплывающих мимо капитанских рубок и, наглядевшись, иногда гудели для форсу или оскорбительно. В череде кораблей, корабликов и кораблищ я случайно выхватил рядовую океанскую посудину. Без причины выхватил, просто так. Сто лет назад потерявшая свой первозданный цвет, местами даже неприветливо рыже-ржавая на бывших чёрных боках, она натужно тащилась по океанской глади, следя заданному курсу. За каким-нибудь тунцом? Или за килькой? Я скользнул глазами по названию корабля, а потом уже осознанно повторил окоченевшими губами, ведь холодно же в океане, оп-па: «Коля Мяготин». Что? Коля? Мяготин? «Коля Мяготин»!!!

Я воскрес. Я взял бинго и джек-пот вместе, в океанских просторах встретив частицу далёкой малой родины, увидев милый сердцу приветик от моего несурзного многоугольника на карте... Жизнь сразу вернулась ко мне. Я подпрыгивал, чтобы стать заметнее ржавому «Коле», махал руками и опять подпрыгивал. Бегал по катерку и не боялся перевернуть нашу посудину. От одного рыбака – к другому, от капитана – к мотористу, я перебегал в нон-стопе и тараторил, что это наша история, что был у нас когда-то такой пионер-герой, и что книжку написали про него и его подвиг, и что нам в школе её сто раз пересказывали, и что в школе даже уголок памяти у Коли имелся свой – в конце коридора, у столовки...

Далеко от родины мне нестерпимо захотелось быть ближе к земляку: «Это же

Коля! Земляк мой!» Я даже соврал, что живу на улице имени этого мальчишки. Но потом сказал правду – никогда в нашем городе мы не говорим: «Я живу на улице имени Коли Мяготина», а говорим исключительно только: «Я живу на колимяготина». Именно так, пусть беспардонно к памяти пионера-героя, с маленькой буквы и скомканно, а ещё – непременно слитно, цементно как-то. И даже гости нашего города подстраиваются под нас и говорят похожим образом: «Скажите, а как на Дом быта на колимяготина выйти?»... Ещё в нашем городе мы никогда не унижаем мальчишку-земляка и не отнимаем у героя его детское имя Коля, поэтому не говорим заблудившимся гостям города: «...И там вы поворачивайте на Мяготина». Нет, так малоуважительно мы можем сказать про кого угодно, даже про вождя всего пролетариата говорим: «...И там вы поворачивайте на Ленина». Подсказывая дорогу, мы ни к Анатолию Васильевичу Луначарскому, ни к Фридриху Энгельсу, ни к Василию Константиновичу Блюхеру одинаково не питаем столько уважения, сколько к геройскому мальчишке-земляку Коле Мяготину: «...И это будет коли-мяготина, а там и Дом быта найдётся». Так уважать – повелось давно, так будет ещё тыщу лет, и если кто-то заблудится в нашем городе и станет искать искомое, мы непременно подскажем нашим речитативом: «Там, когда повернёте направо (налево), вы и выйдете на коли-мяготина». Для нас почему-то важно не потерять в речи простого имени самоотверженного мальчишки... Кстати, нечто похожее у нас в городе и с Карлом Марксом. Мы непременно скажем: «Потом повернёте на карламаркса». Именно так! Но это, скорее всего, только потому, что абракадабра «карламаркса» выстреливает как-то сама собой.

Видать, среди тех, кто присваивал имя этому теплоходу, – а я слышал, что названия кораблям дают не кулаарно, а целыми многолюдными комиссиями, – затесались и те, кто жил в моём городе, кто родом отсюда, т.е. мои земляки. Поэтому-то океанский теплоход назвали полно и уважительно – «Коля Мяготин». Не «Мяготин», не «Пионер-герой Мяготин» и даже не «К. Мяготин», а именно – «Коля Мяготин». И это правильно, это – по-нашему!

В нахлынувшей сумасшедшей радости я просил подвига от нашего капитана. И прямо в Тихом океане пришвартоваться к «Коле Мяготину». Молил: «Дай подняться к ним на борт!» Протягивал деньги и обещал весь запас невыпитого. Но капитан был стоек и убедительно отрезал: «От них трапа не получишь. Да и потопят они нас, к бабке не ходи, вблизи-то». Жа-а-а-ль... А ржавый «земляк» в это время шумел мимоходом. Мне только и оставалось, что перекричать его вдогонку: «Ну, здравствуй, Коля!»... Я никогда не думал, что океанские теплоходы такие шумные. Был уверен: это только в стародавние времена корабли слышались за версту, когда они ходили на угле или соляре, когда шлёпали своими огромными лопастями по воде. А нынче – нет, думал я, сейчас просолённые бродяги по океанской глади скользят бесшумно и лишь для понту иногда шумнут громогласной сиреной, мол, не зевай – дорогу уступай. Упс! «Коля Мяготин» тоже шумел. Очень. Он гремел как пара перегруженных грузовых поездов. Я такие неисчислимые видывал и слыхивал на БАМе.

...Посудина с гордым именем «Коля Мяготин» дошумливала своим курсом. Я ещё помахал руками и поорал пароходу: «Коля! Колюня! Колян! Братишка! Зёма!» Скорее всего, на «Коле» не рассмотрели происходящего на крохотном рыбакском катерке. Хотя было сложно не заметить такую страсть. И, веря в это, потом я фантазировал в красках, что команда на «Коле», свободная от вахты, и даже которые

при исполнении, все увидели меня и потерялись в догадках: что это с ним? откуда такая страсть? может, этот человек ранее ходил на «Коле»?

У меня даже фото есть того океанского «Коли Мяготина». Жаль, букв на борту почти не разобрать, ибо – плёночной «мыльницей» да против солнца...

Недавно я нагуглил, что «Коля Мяготин» – это грузовой теплоход 106 метров в длину и 15 с «копейками» в ширину. Рожден в ГДР и младше меня, правда, всего на два года. И когда-то железный «Коля» едва не погиб. В одну аномальную навигацию в Восточном секторе Арктики его изрядно потрепали льды. Ё-моё! Если бы это мне рассказали раньше, до встречи с «Колей», рассказали бы в тоскливой заштатной камчатской гостинице на краю цивилизации да с литровым «Русским стандартом» на двоих, – уревелся бы сейчас, как увидел бы «Колю» воочию... Это мачо не плачут. Я – не мачо. И моё имя не украсит ни ледокол, ни село.

КРИТИКА

Женя СОРОКАПЯТКА
«КОГДА БУЛОЧКИ ЕЩЕ УМЕЛИ
СМЕЯТЬСЯ»: ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

Книга Жени Сорокапятки стала заметным событием в культурной жизни Кургана. Читка глав книги «Когда булочки еще умели смеяться» заслуженным артистом РФ С. Радьковым в драматическом театре, выступление автора на радио, восторженные отзывы на ЛитРесе подогревают читательский интерес и профессиональное любопытство. В чем секрет популярности книги? Прежде всего привлекает внимание название книги. С одной стороны, заглавие указывает на тему прошлого и подчеркивает дистанцию между событием рассказывания и событиями рассказа. С другой – олицетворение (смеющиеся булочки) настраивает читателя на лирические «сахарно-ванильные» воспоминания о золотой поре в жизни каждого человека – о детстве. Но не тут-то было! Подзаголовок «Особенная лексика!» останавливает читателя: кого удивит, кого оттолкнет, а кого заинтересует. Зачем булочкам особенная лексика? Для аромата, для пикантности или еще для чего-то? Попробуем разобраться.

Композиция книги «Когда булочки еще умели смеяться» не соответствует традиционному сюжетному повествованию с причинно-следственными связями между событиями. Это, скорее всего, конструкция, похожая на постмодернистские эксперименты с текстом и с читателем. На наш взгляд, в основе всех восьми глав книги лежит принцип кружения, возвращения к пережитым событиям. Автор намеренно вплетает в «пестренькое одеяльце из прошлого» размышления и наблюдения взрослого человека: «Прошлое надо бережливо перетряхивать, и не из-за опасения прожорливой моли, а чтобы жить из него, оставаясь ногами в прошлом» [1,115].

Повествование ведется от лица рассказчика, образа автобиографического. Не будем отождествлять автора, Женю Сорокапятку, с его персонажем. Образ рассказчика – композиционный центр книги («Книга обо мне, с моими расстояниями: в чувствах, в километрах, в годах» [1, 203]). Это пятидесятилетний человек, «неуживчивый, но живучий» [1,162], который «топчется на распутье между богом и йогой» [1,115] и «всегда хотел быть удивительным для других» [1,115], это «мастер слова», который, как Мюнхгаузен, счастлив верой в свою правду: «Теперь моя жизнь – это только мои правила [1,128]; «Моя жизнь – мои правила. Моя жизнь – это только моя книга. И во второй половине своей жизни я не готов меняться как-то еще» [1,142]. Какую цену он заплатил за то, чтобы «идти своим путем» и «наполняться счастьем» от природы, Города Иван-чай?

ЖУКОВА
Ирина Максимовна

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык и литература», Курганская государственная университет.

Мотив счастья структурирует книгу, соединяя прошлое и настоящее («Люблю обнимать свои воспоминания» [1,84]), рассказчика – с героем рассказа, с Женей, Мальчиком-Телефончиком («Я сегодняшний вырос из себя вчерашнего» [1,107]).

В потоке воспоминаний рассказчик выделяет короткие, а потому бесценные мгновения счастья: танк на батарейках – подарок от мамы, присланный в детдом; велосипед на один вечер, свой щенок до прихода домой родителей, дружба одноклассников в обмен за щедрое угощение булочками и квасом. Неоднократные повторы о счастливом детстве («Детство у меня было. И оно было счастливым» [1,58], «Все-таки детское счастье часто обнимало меня своими ладошками и улыбалось моими губами!» [1,222]) лишь усиливают трагизм одиночества Мальчика-Телефончика. Тема сиротства объединяет главы книги и в какой-то мере объясняет стремление взрослого человека рассказать себе и миру: «Отчего я такой?». Несвоевременный сын для мамы, «сын понарошку сразу для двоих взрослых мужиков» [1,234], чужой в детдоме, «без анестезии вырванный из детства, забранный из городской жизни» [1,219], кандидат в «школу для дураков» для учительницы. Думаем, есть о чем задуматься родителям, будущим и настоящим. Однако навряд ли дидактические задачи были главными для автора. Рассказчик стремится «выкричаться, проорать боль», потому что время не затянуло детские раны, не только не освободило от обид на взрослых, но и привело рассказчика к «греху непочитания родителей». Бунтарство взрослеющего Мальчика-Телефончика можно объяснить и желанием нарушить мамин наказ («Будь как все!»), и стремлением показать миру свою оригинальность и самодостаточность. Рассказчик не боится быть «болезненно откровенным», излишне сентиментальным, самоироничным. Кем он стал вопреки многим людям и жизненным обстоятельствам? Ответ найдете на страницах этой книги.

Женя Сорокопятка не только рассказал о сложных взаимоотношениях человека с миром людей и природы, о нелегком процессе обретения внешней и внутренней свободы, но и показал себя оригинальным стилистом, «мастером слова». Хронологические разрывы в повествовании заполнены лирическими отступлениями. Вполне органично, на наш взгляд, включены в повествование стихотворения автора. Заслуживают читательского внимания лирические главы книги: «Мои эта и другая собаки», «Ну, здравствуй, Коля!». Взрослые читатели вспомнят свое пионерско-комсомольское детство, узнают курганские дворы.

Лирические и философские рассуждения могут разойтись на цитаты, которые когда-нибудь станут афоризмами: «Как давно это было? Не менее трех тысяч лет назад» [1,234]; «Такую логику можно было хоть на фронт отправлять – она убивала наповал» [1,229], «благоразумие порождает одиночество» [1,120]. Интересны ироничные лексические и фразеологические трансформации: «сильно порастяслась женщина по дорожным ухабам» (о кондукторе автобуса) [1,108]; «старый друг лучше двух скелетов в шкафу» [1,125]; «и приятелей нету. Наступило разнодушие» [1,127]. Жаль, что из-за ненормативной лексики появляются возрастные ограничения, значительно сокращающие читательскую аудиторию. Вспомним, в истории русской литературы есть детские варианты известных произведений – «Дети подземелья» и «В дурном обществе» В. Короленко, например. Может быть, автор пойдет по этому пути и сделает вариант «без особенной лексики». Возможно, какому-нибудь «юноше, обдумывающему житье», книга поможет избавиться от некоторых страхов и комплексов.

ЛИТЕРАТУРА:

Сорокопятка Женя. Когда булочки еще умели смеяться. / Женя Сорокопятка –Санкт-Петербург: ИПЦ BooksNonStop, 2021. –336 с.

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

* * *

Ночь темна, и лес дремучий,
Скачет богатырь могучий,
Никого он не боится.
Со злодеем будет биться,
Королеву он найдёт,
Обязательно спасёт.
Берегись, злодей громадный!
Достаёт он меч булатный...
– Ой!
– Не бойтесь, не пугаем,
Это мы в «Театр» играем.
Получилась ловко
Наша постановка.
В роли рыцаря – Семён,
А коня сыграл Антон,
В роли королевы
Банникова Ева,
И не страшен нам злодей:
В маске – Новиков Сергей.
Это исполнители,
Остальные – зрители.
Всем достались роли –
Поедем на гастроли!

* * *

Каждый день я очень рад
Приходить в наш детский сад.
Там с друзьями не скучаем,
Постоянно мы играем.

Как-то Женя подошёл,
Предложил сыграть в футбол,
Закричали все: «Ура,
Это классная игра!»

А на поле, вот так трюк:
Гол забил мне лучший друг
И от радости светился,
Я, конечно, возмутился:

– Ты чего, совсем свихнулся? –
Сашка только усмехнулся.

ЕФРЕМОВА
Надежда Викторовна

Родилась и выросла в городе Шумихе Курганской области. Окончила Курганский государственный педагогический институт. Живёт в Кургане. Победитель областных литературных конкурсов: «Страна любви» (2015), «Слово о Человеке Труда» в номинации «Проза» (2018), «Святое имя – Учитель» в номинации «Проза» (2019). Победитель городского литературного конкурса «Любовь моя – Курган» в номинации «Прозаическое произведение» (2019).

Печаталась в журналах: «Воспитатель ДОУ», г. Москва, «Тобол», «Сибирский край», «Жираф», «Родни», «Индийская деревня» (г. Курган); в газетах: «Детский сад со всех сторон» (г. Санкт-Петербург), «Знамя труда» (г. Шумиха), «Собеседник» (г. Кетово), в сборниках «Поэтической горницы» «От сердца к сердцу».

Автор сборников рассказов «Неслучайный человек», «Важная тема», «И день будет хорошим», сказки-пьесы «Как Баба-яга вновь Ивана спасала», сборника статей «На литературных перекрёстках».

– Почему забил мне мяч?
– Потому что я ловкач!

Надо так играть в футбол,
Ты видал, как я повёл?
Развернул в пол-оборота,
Пнул и гол забил в ворота! –

Сашка хвастал, я вздыхал,
А потом как закричал:
– О своём молчи таланте,
Мы с тобой – в одной команде!

* * *

Мы сегодня не грустили –
Дружно зайчиков лепили.
Длинноухих, длинноногих,
В сказках видели мы многих.

Очень сильно я старалась,
Но потом разволновалась.
Повертела, покрутила:
Ой, кого же я слепила?

Зверь какой-то косолапый,
И не уши это – лапы.
Присмотрелась – это ведь
Мамин плюшевый медведь!

С зайцем фокус приключился –
В медвежонка превратился!
Мама друга не узнала –
С восхищением сказала:

– Ах, какая чудо-белка,
Наша лучшая поделка!

* * *

Раскапризничалась Маша:
– Не хочу я манной каши
И какао пить не буду, –
Отодвинула посуду.

Оглянулись все и даже
Воспитательница наша –
Маша снова удивила,
Потому что заявила:

– Приготовьте на обед
С мёдом маковый рулет
И сгущёнку, а на ужин
Шоколадный тортик нужен

И мороженого много...
Тут сказала повар строго:
– Извините, эти блюда
На обед варить не буду.

Это вредно для ребят,
Зубы сразу заболят,
И крапивница случится,
Попадёте все в больницу.

В детском садике к обеду
Приготовлены котлеты,
Борщ, капуста, с мёдом чай,
Всё, что хочешь, – выбирай.

И на полдник будут фрукты –
Вот полезные продукты.
Мой совет подружке вашей:
Важно утром кушать кашу,

Сладкое лишь навредит
И испортит аппетит.
Улыбнулись Соня с Майей:
– Мы про это понимаем,

А капризничала Маша,
Не подружка, кукла наша,
В «Дочки-матери» играем,
Куклу кашей угощаем.

* * *

Подарила в праздник дочка
Маме аленький цветочек.
Солнышко подрисовала,
В уголочке подписала:
«МАМАЧКА РАДНАЯ
ЛЮБЛЮ И ПАЗДРАВЛЯЮ».
Разукрасила шарами,
И набрызгала духами.
Ничего, что весь бутон
Был приклеен на картон.
Долго любовалась мама,
Вставила поделку в раму
И сказала дочке:
– Спасибо за цветочек!

* * *

Это что?
Вот это да:
Под ногами-то – вода!
И не с неба,
Не из тучи,
Разлилась из снежной кучи!
Прямо из сугроба,
Нам купаться чтобы...
Плюх!

* * *

Я сегодня не играла,
Я картину рисовала.
И старалась терпеливо,
Получилось так красиво!
Маме с папой подарила.
Их картина удивила.
Папа сделался серьёзным,
И сказал он: «Грандиозно!
Молодец, тобой я горд,
Настоящий натюрморт».
Возразила мама: «Нет,
Это, Коля, твой портрет».
Папа даже растерялся,
Но потом расхохотался:
«Мой портрет? Вот это да,
Но откуда борода?»
Я вздохнула: так бывает,
Ничего не понимают!
– Да о чём вы говорите?

Вы картину рассмотрите:
Это – небо голубое,
Это – солнышко такое,
Это – папа, мама, я...
На картине – вся семья!

* * *

Обвинили Пашку в краже:
Будто взял он Катин кран,
И намеревались даже
Заглянуть к нему в карман.

А Серёжке просто горе:
Лучший друг попал в беду,
И ему пришлось поспорить,
Что пропажу не найдут!

Больше всех скандалил Саша:
– Это ты игрушку взял.
И поддакивала Даша:
– Видела, ты с ним играл.

Пашка клялся, что не трогал,
Что не нужен ему кран.
Тут Сергей добавил строго:
– Не войдёт тот кран в карман!

Все задумались немного:
Правильно, ведь кран большой.
Снова друг добавил строго:
– Не воришка Пашка мой!

Катя плакать перестала,
Предложил играть Иван,
А Наташа вдруг сказала:
– Ой, смотрите, вот где кран!

Под столом лежит пропажа,
Расступился тесный круг,
И сказал Серёжке Паша:
– Ты мне настоящий друг!

* * *

Наша няня «АнИванна»
В детский сад приходит рано
И заботится о нас
Каждый день и каждый час.

Но однажды, очень странно,
Вдруг сказала «АнИванна»:
– Ах, какой же день погожий,
Прогулялась бы я тоже!
Удивились все и даже
Воспитательница наша:
Непонятно ничего,
«День похожий»... На кого?
Посмотрели мы в окошко,
Ночью дождик шёл немножко.
А теперь не видно туч,
Может, он похож на луч,
Что к нам в группу заглянул,
Всем задорно подмигнул,
Пробежал по потолку,
Начертил в углу дугу?
Или он похож на ветер?
Или солнце, что всем светит?
Непонятно нам пока:
День похож на облака?
Может, спросим у прохожих,
На кого же день похожий?
Улыбнулась няня мило,
Ребятишкам объяснила:
– Не похожий, а погожий,
Значит: солнце и тепло,
Нам с погодой повезло!

* * *

О погоде, как ни странно,
Говорим мы постоянно,
Изучаем мы приметы
Для зимы, весны и лета.

И про осень много знаем –
За погодой наблюдаем.
Разноцветным стал наш сад,
Закружился листопад,

Снова птицы сбились в стаи,
Значит, осень наступает.
Птицы улетают к югу,
Не страшна им будет выюга.

Ночь растёт, день убывает,
Тоже осенью бывает,
А весной наоборот:
Тает ночь, а день растёт.

Солнце светит, но не греет,
Шубка заячья белеет,
Веет стужею с холма –
Это зимушка-зима.

Будем в куртки одеваться
И на саночках кататься.
За зимой весна придёт,
Снег ручьями потечёт.

Птицы с юга к нам вернутся,
Насекомые проснутся,
День весенний потеплеет,
Снова сад зазеленеет.

За весной наступит лето,
Станут ранними рассветы.
Летом солнце жарче греет,
Овощи и фрукты зреют.

В небе радуга бывает,
Дождь из тучи поливает,
С юга дуют ветры –
Лето будет щедрым!

О природе, как ни странно,
Говорим мы постоянно
И в любое время года
Наблюдаем за погодой.

* * *

Как-то Зина не играла,
В уголке одна скучала.
– Я в «Магнит» люблю играть,
Всем продукты продавать, –
Заявила важно Зина,
– Жду вас всех у магазина,
Открываю в восемь тридцать,
Попрошу поторопиться!
Но Алёшка вдруг сказал,
Что он едет на вокзал.
– Вику с Анной пригласи,
А я работаю в такси.
– Мы детей купаем в ванне, –
Тут же возразила Аня, –
Есть у нас дочурка Оля
И сыночек Анатолий,

Мы играем с ними в «Дом»,
В магазин придём потом.
— Я варю в столовой кашу, —
Отказалась и Наташа.
Сонечка читала книжки,
Замок строили мальчишки.
Увлечённо все играли,
Зиночку не замечали.
Продавщица огорчилась,
На диванчик возвратилась.
Тихо тут сказала Даše
Воспитательница наша:
— Чтобы гости угостить,
Надо тортик мне купить, —
И направилась к витрине.
— Хлеб куплю я в магазине, —
Побежал за ней Антон,
— Нужен мне большой батон.
Спохватилась вдруг Наташа:
— Мне же масло нужно в кашу.
Подошли и Вика с Анной:
— Пена нам нужна для ванны.
Сонечка пришла за книжкой,
За конструктором — мальчишки.
И случилась даже давка
В очереди у прилавка.
Все пришли, и только Зина
Не спешила к магазину.
Тут спросила строго Оля:
— Супермаркет кто откроет?
Удивил детей ответ:
— А у нас сейчас — обед!
Засмеялись все и даже
Воспитательница наша.
Тут и Зина улыбнулась,
К посетителям вернулась.
Мы купили на обед:
Торт и килограмм конфет,
Масло, молоко, маслины,
Овощи и апельсины,
Хлеб, печенье и кефир.
И начался в группе пир:
Стол накрыли, чай мы пили
И о дружбе говорили.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

На уроке, вот удача,
Сам Андрей решил задачу,
Раньше всех нашёл ответ,
Сколько съел медведь конфет.
После школы наш герой
Поспешил скорей домой,
Волновался, что тот мишка
Вдруг окажется воришкой
И, проникнув в их буфет,
Не оставит там конфет.
Он бежал быстрой ракеты,
Чтобы сосчитать конфеты.
И считал он очень долго,
Только мало было толка.
Было десять — стало пять,
Как задачу разгадать?
На душе покоя нет,
Вновь не сходится ответ.
Было десять — две осталось?
Да, задача не решалась.
Неужели так бывает:
Мармеладки убывают?
Мама вечером пришла,
Только фантики нашла.
И спросила мама сразу:
— Кто конфеты взял из вазы?
Удивлению нет предела,
Заявил Андрейка смело:
— Мармеладки я не брал,
Я их просто посчитал!

МАЛЕНЬКИЙ ВЕЛОСИПЕД

Рады мальчишки весне,
Еще снег растаял едва ли,
А они уже на коне:
Велосипеды достали.

И носятся, не боясь,
Что замарают лица.
Не бойтесь, ведь это грязь,
От которой можно отмыться.

Бегут мальчишки ватагой
За маленьким велосипедом.

Кто-то будет студентом физфака,
А кто-то просто родился поэтом.

Бог даст, не будет войны,
Заживут кровавые раны.
Но вот снова разрывы слышны,
Пополняют ряды ветераны...

Бегут мальчишки ватагой
За маленьким велосипедом,
Дай бог не ходить вам в атаки,
И пусть обойдут вас беды.

Сохраните на много лет
Этой весне ликованье,
Этот маленький велосипед,
Как последнее с детством свидание!

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА УСМАНОВА

19 сентября 2023 г. исполнился год, как не стало с нами одного из известных военных и общественных деятелей Курганской области Усманова Владимира Викторовича.

В этот день его родные и близкие, друзья и товарищи, сослуживцы собрались у могилы Усманова почтить память человека, который оставил большой след на Зауральской земле, своими благими делами и поступками утверждал верность служения Отечеству, способствовал развитию традиций старшего поколения через воспитание новых поколений россиян. Собравшиеся и на поминальном обеде, и на встрече его соратников и ветеранов военной службы вспоминали, каким он был в жизни, в службе и в делах мирских, каким он остался в нашей памяти. Давайте и мы, читатели, вспомним Владимира Викторовича доброй памятью.

Человек всегда формирует место рождения, семью, в которой он родился и воспитывался, та среда, в которой он живет. В 1951 г. в селе Мачеха Волгоградской области 9 августа в семье участника Великой Отечественной войны родился мальчик, которого назвали Владимиром. Как он сам потом рассказывал, то было удивительное сельское место, где одноименная речка впадает в реку Бузулук. Крепкое казачье поселение, со своим укладом и традициями. Но жить довелось ему там недолго. Семья переехала в волжский город Дубовку, где он и прожил свои детские и юношеские годы. То был старый небольшой купеческий городок со своей богатейшей историей. В семье было шесть человек. Кроме родителей – два сына и две дочери. Володя был вторым ребенком в семье. Его отец, Виктор Константинович, в послевоенное время был на комсомольской и партийной работе, поднимал целину, работал

СУХАНОВ
Сергей Петрович

Родился 27 октября 1955 г. в городе Шадринске. После окончания средней школы в 1973 г. поступил в Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Прешел путь от заместителя командира роты по политической части до заместителя военного комиссара Курганской области по воспитательной работе. Полковник. В 2006 г. уволен в запас. Награжден 12-ю медалями и нагрудным знаком командующего УрВО «За заслуги».

С 2006 по 2009 г. работал в отделе оргмассовой работы Курганского ОС РОСТО (ДОСААФ), а в 2009–2019 гг. – в Куртамышском АТСК «Оберон-клуб» ДОСААФ России руководителем по военно-патриотической и спортивно-массовой работе. В 2014–2022 гг. работал в Курганском городском совете ветеранов руководителем секции ветеранов войны и военной службы. С июня 2022 г. – руководитель направления по связям с общественностью в ООО «Типография Дамм» Кургана и социально значимым проектам.

С 2009 г. – член Союза журналистов России. Является автором, редактором, составителем и участником издания печатной продукции патриотической направленности. Автор проекта по созданию Аллеи Героев Кетовского района и Аллеи Героев города Кургана. По его сценарию сняты документальные фильмы «Твои Герои, Зауралье» и «В наших сердцах они бессмертны». В 2020 г. за личный вклад по увековечению памяти защитников Отечества был награжден медалью Министерства обороны РФ «Памяти героев Отечества».

директором в школе. За свой труд награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени. Мама, Евгения Петровна, трудилась в аптеке фармацевтом и воспитывала детей.

С семи лет Вова пошел на учебу в местную школу. Учился прилежно, особенно любил историю, литературу и обществоведение. Много читал. В их доме была хорошая семейная библиотека. Читал так много и усердно, что его выгоняли из дома, чтобы чаще гулял на улице и дышал воздухом. Свою любимую учительницу начальных классов Зою Николаевну Сорокину помнил всю свою жизнь. Именно она привила ему любовь к книгам и чтению. В школе среди своих сверстников выделялся тем, что активно участвовал в спортивных делах. Особенно любил баскетбол. Был снайпером в команде, потому что мог забросить мяч в корзину с любого угла площадки. Частенько случалось так, что своими мальчишескими шалостями он приводил в полное смятение учителей. Бывало всякое, но именно школа дала ему путевку в большую жизнь. Один поехал в Северную столицу СССР и поступил в Ленинградское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени С. М. Кирова. Решение стать военным человеком было у него не случайным, а, скорее, закономерным, ведь на Дону испокон веков профессия защитника Родины являлась самой уважаемой и почетной. Сыграл свою положительную роль в его выборе Дубовский военкомат. Но особенное влияние на него оказал его дед, Петр Миронович Кудрявцев. Он был учителем начальной школы, награжденный за свой 40-летний труд педагога орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. За летнее время, которое Володя постоянно проводил у деда, все разговоры с ним были о служении Отечеству. «Так жили наши предки, казаки, так живем и мы, так и ты живи», – говорил ему дед. Те жизненные уроки были усвоены внуком крепко и на всю жизнь.

Четыре курсантских года пролетели незаметно, и вот уже новоиспеченный пехотный лейтенант Усманов по приказу Родины направлен в Чехословакию, в Центральную группу войск, где в Оломоуце Северной Моравии начал свою службу командиром мотострелкового взвода. «Ванька-взводный – это вам не лаптем щи хлебать», – говорил ему ротный. Тут порой и суток не хватает. Ты и мама, ты и папа, ты и командир. А главное – боевая подготовка. Проявил себя он в служебном усердии и вскоре был назначен командиром мотострелковой роты. Жизнь военного человека устроена так, что он не подвластен себе. Родина прикажет, и вот уже ты на новом месте. После за границы два года командовал ротой в Ленинградском военном округе.

Вскоре был назначен на вышестоящую должность – начальником штаба батальона. В то время уже шла война в Демократической Республике Афганистан, и в 1981 г. молодой комбат Усманов по приказу Родины был направлен для оказания международной помощи соседнему дружественному государству. Так для него открылась новая страница жизни – боевая. О той войне и участии в ней майора Усманова подробно рассказано в книге «Живая память Афгана», изданной издательством «Парус-М» в 1999 г. в содружестве с известным зауральским журналистом Геннадием Устюжаниным.

Он вел там дневники, куда периодически записывал главное на той «войне за речкой». Скупые комбатовские записи, написанные ручкой чернильной, бывало, и огрызком карандаша, повествуют нам о многом. О простых пахарях войны, солдатах и офицерах, об операциях в Панджшере, о бандах Ахмад Шах Масуда, о полученной контузии в Гардезе и лечении в госпитале, комбате-2 Руслане Аушеве и банке спирта на обмыв его звезды Героя Советского Союза, замполите старлеес Саше Скрипеле и

**Командир роты ст. лейтенант
Усманов (в центре) принимает
присягу у личного состава**

начальнике штаба Камиле Аликоворе. И о многом другом, что порой нельзя говорить вслух. Враги (душманы) звали комбата Усманова там почтенно – Усман-паша – за его смелость, военную смекалку и командирские качества. Предлагали деньги за его голову. Было за что. За успешные операции, за главарей бандформирований, уничтоженных и захваченных в плен. За стойкость и мужество. «Русские умели воевать, они были честными в бою», – они и сегодня, спустя многие годы, так говорят о «шурави». Боевой орден Красной Звезды на мундире комбата-батяни и медаль «От благодарного афганского народа» – зримое свидетельство его боевого братства, верности присяге и воинскому долгу.

Там, на афганской войне, говорил Усманов, проверялся человек на крепость духа. Под бомбами с напалмом горел даже песок, что уж там человек. Он всегда гордился тем, что их 180-й мотострелковый полк под командованием подполковника Евгения Васильевича Высоцкого с честью выполнил свои боевые задачи. Осуждал тех, кто говорил, что Советская армия вела неправедную войну, защищал подвиг солдат и офицеров. В своих делах увековечивал память о боевых товарищах, погибших в боях. Вспоминая о выполнении интернационального долга в Афганистане, говорил по-военному четко и без экивоков: «Не мы начинали войну, политики. Солдаты и офицеры выполняли приказ и воинский долг. Честь превыше всего! Поэтому нам глаз ни перед кем не опускать!» В этом был весь Усманов – воин, гражданин и патриот своей Родины.

После Афганистана он поступает на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Во время учебы Владимир Викторович женился. Его супруга Ольга Владимировна всегда была надежным тылом, ангелом-хранителем. Вскоре в семье зазвучали и детские голоса: сначала родилась дочь Настя, а затем и сын Никита. Семья для него стала главным смыслом человеческой жизни. Важно отметить при этом, что Владимир Викторович

**Встреча с ветеранами
Белозерского района**

был патриархален в том понимании, что семья – это основа жизни государства. «Крепкая семья – крепкая Россия», – часто он говорил нам. Так он воспитывал и своих детей, которые, создав уже свои семьи в десятых годах нового века, подарили ему замечательную внучку Марию и наследника фамилии Данилу. Он по-отечески и с большой любовью помогал в воспитании молодой поросли.

После окончания академии в 1986 г. он получил новое назначение – в Самару, сначала непродолжительное время начальником штаба учебного полка, а затем и командиром этого полка. Это был период становления на его новом поприще – подготовки военно-обученных специалистов для воинских частей и подразделений. Усманов в своей повседневной неустанной службе проникся «поэзией военного дела». Блестящая строевая выучка личного состава полка, высокая учебно-боевая подготовка рядового и сержантского состава, самый поющий полк в военном округе, лучший полковой оркестр. За время его командования в полку подготовили около десяти тысяч командиров БМП, операторов-наводчиков и механиков-водителей. Его неоднократно ставил в пример командующий войсками округа генерал-полковник Макашов, а полку вручили переходящее Красное знамя как лучшей воинской части военного округа. Командующий 58-й общевойсковой армии Южного военного округа генерал-лейтенант Гурулев Андрей Викторович, ныне депутат Государственной Думы Российской Федерации, в свое время начинал службу в Самаре командиром учебного взвода у комполка Усманова. Вот как он вспоминал своего командира: «Владимир Викторович Усманов – мой первый командир полка. Под его руководством я стал настоящим офицером. Владимир Викторович дал мне достойную путевку в будущее. Он справедливый, грамотный, жесткий, открытый и доступный человек. Эти качества делали его как большого командира-военачальника. Не только я, но и все мы, его ученики, очень уважали Владимира Викторовича. От всей души всегда желали ему крепкого здоровья, трудов на благо Отечества. И твердо были уверены в том, что чем больше он будет трудиться, тем больше принесет пользы Российской государству».

Полковые воспитанники Усманова, солдаты и сержанты контрактной службы, кадровые офицеры сегодня выполняют боевые задачи в ходе специальной военной операции на Украине. Заложенные в них полковником Усмановым военная выучка и верность воинскую долгую помогают им в ходе боевых действий против неофашистов. Нет никаких сомнений в том, что они так же, как в свое время комбат Усманов в Афгане, достойно выполняют свои боевые задачи на Украине.

Возложение венков
к Вечному огню.
23 февраля 1999 г.

Весной 1991 г. Усманов был назначен Курганским областным военным комиссаром. Поначалу ему было непривычно. Нет того обычного воинского ритма службы, нет казарм и плаца, военной техники и полигона, боевых стрельб и большого воинского коллектива. Но, оглядевшись и присмотревшись, Усманов нашел себя и здесь. По характеру лидера, по внутреннему содержанию боец, по своей военной специальности «организатор боевых действий», да еще и боевой офицер, полковник Усманов в буквальном смысле слова перевернул «миротекущую» жизнь военкомата. Организовал в нем службу, как в воинской части, и заставил всех работать как на передовой линии огня. Время было перестроенное, новое. Не стало СССР, нет Советской армии. А есть новая Россия и нарождающаяся Российская армия. Как потом показало время, решение было правильное, выверенное и полезное во всех смыслах.

Пятнадцать лет руководства органами военного управления субъекта Российской Федерации... Это и много, и мало. Это ведь как рассудить. Но след после себя Владимир Викторович оставил очень заметный, и на многие годы вперед. Не сразу, но постепенно фамилия Усманов стала звучать масштабно и авторитетно. Она была как пароль, как пропуск в делах. Ибо роль областного военкомата, его место в военной, общественно-политической деятельности Зауралья в 1990-е и «нулевые» годы были на самых передовых позициях и на большой высоте. А еще после увольнения в запас были годы работы в правительстве Курганской области, где он сначала трудился советником губернатора по вопросам патриотического воспитания, а затем и его полномочным представителем по данному направлению. Им было сделано немало добрых дел на благо Зауралья. Всего в его копилке пятьдесят лет на государственной службе Отечеству. Полвека! И это служение выходило далеко за рамки чисто военного дела. Оно проявлялось у него в государственных и общественных сферах, в области науки, культуры, образования.

Перебираю фотографии тех лет. Черно-белые, цветные, они могут рассказать многое и о многом. Они удивительны и уникальны. Они словно вехи на дороге его жизни. Вот Усманов в своем кабинете проводит совещание рабочей группы по подготовке к изданию областной Книги Памяти, в областном правительстве выступает по организации проведения призыва граждан на военную службу. В Притобольном районе проводит сборы с главами администраций по вопросам готовности автоколонн войскового типа, в другом районе – по мобилизационной подготовке комендантских рот. Вот в Куртамыше проводятся военно-полевые сборы по работе с допризывной молодежью, посмотреть передовой опыт которых приехал начальник штаба Уральского военного округа генерал-лейтенант Ткачев. А вот стрельбище в Шумихе, где руководители районов и городов выполняют практические стрельбы из автомата Калашникова. В городе Шадринске проводится презентация книги «Золотое созвездие Зауралья», а в Кетово – «Страну заслонили собой». Вручает Книги Памяти внукам героев, государственные награды и памятные медали ветеранам боевых действий и военной службы. Вот Усманов приехал в село – в гости к великолепному хлеборобу Терентию Семеновичу Мальцеву. А в Кургане провел региональную научно-практическую конференцию по патриотическому и военно-патриотическому воспитанию с участием видных ученых в области педагогики и психологии. Вместе с руководителями банковских структур организовал к юбилею Победы бесплатную подписку на военную газету для более 20 тысяч участников Великой Отечественной войны. По итогам акции редакция газеты Уральского военного округа объявила его «человеком года».

В сложные для армии 90-е годы он возрождал традиции русского воинства в Кургане. В областном художественном музее ежегодно стали проводиться торжественные приемы офицеров, назначенных на должности и получивших очередные воинские звания. Офицеры в парадном строю, поочередное представление командиру, напутствия ветеранов, приветствия гостей, на стенах музея портреты выдающихся военачальников страны... Военком способствовал учреждению и проведению областных фестивалей «Родина. Честь. Слава». Скольким молодым талантам дали дорогу на сцену эти музыкальные форумы! В Курганской детской школе искусств прошел областной смотр художественной самодеятельности военных комиссариатов. На сцене выступали офицеры и прапорщики, члены их семей. Полный зал зрителей, овации и аплодисменты! Вот генерал у ветерана войны дома в гостях, а у другого общаются в деревне, сидя возле избы на завалинке. В Далматове он слушает боевые воспоминания летчика-штурмовика Героя Советского Союза Попова Николая Исаковича. А вот на фото дети-сироты с генералом за чашкой чая со сладостями. После Нового года Дворец культуры машиностроителей гостеприимно распахнул двери и принял благотворительную акцию – пасхальный праздник для воспитанников Курганского детского дома.

Для многих офицеров, районных и городских военкомов Владимир Викторович был наставником. Он буквально пестовал кадровый состав военных комиссариатов. Нас, кваповцев (выпускников КВВПАУ), он по-отечески и по-доброму называл «птенцами увальского гнезда». Надо отдать ему должное в заботе о нас. В период массового сокращения армии с его благословения в военкоматах продолжили служить более 200 офицеров-политработников. Как строевой командир, он прекрасно понимал роль и значение политко-воспитательной работы с личным составом. Сам активно участвовал в этой работе, возглавлял ее, видел в ней основу для успешного выполнения поставленных задач.

Усманов был новатором в делах. Ему до всего было дело, даже в мелочах он видел ключ к решению задач. Он советовался с людьми по различным аспектам деятельности, группировал вокруг себя наиболее деятельный актив ветеранов, формировал группы сподвижников, соратников, единоверцев из числа руководителей разных сфер деятельности. К нему шли люди по широкому спектру вопросов, потому что диапазон его решений и дел был чрезвычайно обширным.

Генерал стоял у истоков создания областной Лиги кадетов. Через ее деятельность он видел в мальчишках и девчонках будущих патриотов и граждан новой России и всячески способствовал развитию кадетского движения.

Именно он стал инициатором масштабной акции по открытию именных колодцев, посвященных памяти Героев Советского Союза – уроженцев Курганской области, в каждом сельском районе. Усманов занимался темой исчезнувших деревень, сохранения памяти о предках зауральцев, живших в разные годы на этих территориях. Люди всем сердцем восприняли эту инициативу и поддержали ее в своих практических делах. А проводимые им агитационные пробеги, посвященные Дням воинской славы России, становились значимыми событиями в райцентрах и сельских поселениях.

Удивительно, но с приходом Усманова в областном военкомате стала издаваться своя ежемесячная информационная газета «Служим Отечеству», а в Интернете открылась военкоматовская страница «Патриот Зауралья». Это позволило широко развернуть объективное и своевременное информирование населения, органов власти всех уровней, ветеранов войны и боевых действий о деятельности органов военного

**Открытие памятника
исчезнувшей деревне
Сабишево
в Сафакулевском районе.
2003 г.**

управления, пропагандировать военную службу, доносить до читателей правду об армии. Эти издания не раз становились призерами областных, региональных фестивалей СМИ, в том

числе и на федеральном уровне. Особо отмечу тот факт, что практически все его дела и начинания встречали понимание и поддержку в органах государственной и муниципальной власти. Плодотворные контакты с руководителями и специалистами в органах и учреждениях образования, культуры, социальной сферы и здравоохранения, творческих союзов и общественных организаций, религиозных и молодежных объединений помогали ему выполнять государственные задачи в области решения задач обороноспособности страны, мобилизации и призыва граждан на военную службу, патриотического воспитания граждан, подготовки юношей к службе в армии. Это всегда была большая и напряженная работа на пользу армии и гражданского общества, укрепления их неразрывной связи.

В его жизни была еще одна интересная страница – научная. Практическая деятельность генерала стала основой для реализации его научного подхода в области военно-профессиональной ориентации допризывной молодежи на выбор профессии службы Родине. И это было не случайно. Он был настоящим ревнителем государственного служения Отечеству. Владимир Викторович успешно защитил диссертацию и стал кандидатом педагогических наук. Созданные им классы военно-профессиональной ориентации в значительной степени способствовали притоку юношей и девушек для поступления в высшие военно-учебные заведения, получению ими военной профессии и становлению новых рядов защитников Отечества. Как наставник, он гордился тем, что многие его воспитанники верно служат Родине, стали командирами полков и дивизий, есть и командующие общевойсковыми объединениями.

Усманов был христолюбивым воином. Он свято верил и почитал Русскую Православную Церковь. Всемерно способствовал развитию духовно-нравственных связей воинских коллективов с курганскими священнослужителями. Помогал в создании гарнизонного храма на Увале. О его деятельности хорошо знали руководители ряда епархий РПЦ Уральского и Сибирского регионов. Он часто выступал на православных чтениях и конференциях. Поэтому совершенно не случайно Владимир Викторович за подвижничество был награжден орденом Святого благоверного князя Даниила Московского III степени.

В содружестве с издательством «Парус-М» им было подготовлено и издано более 20 книг военно-патриотической тематики, которые оставили заметный след в общественной жизни Зауралья. Здесь он выступал в разных качествах: автор, соавтор, член редакционной коллегии, составитель, главный редактор, научный руководитель.

В результате была создана областная библиотека Памяти, а сам Владимир Викторович был принят в Союз журналистов и Союз писателей России.

Особая благодарность Усманову от всех жителей Курганской области в том, что он системно и настойчиво занимался увековечением подвига зауральцев при защите Отечества. Благодаря его

инициативе в 2000 г. в Кургане был открыт Мемориальный комплекс воинам-зауральцам, погибшим в локальных войнах и вооруженных конфликтах, в 2015 г. – памятник Герою Советского Союза генерал-полковнику Шумилову М.С., в 2020 г. – памятник кавалеру 5 медалей «За отвагу» Захарову М. Н. Он способствовал открытию памятников героям-зауральцам, участникам боевых действий в районах и городах Курганской области, мемориальных досок воинам-зауральцам, погибшим в Афганистане, Чечне и на Северном Кавказе. Он содействовал присвоению улицам имен героев, почетных наименований общеобразовательным школам и средним профессиональным учреждениям. Все библиотеки и музеи образовательных организаций были обеспечены изданными при его участии патриотическими книгами, альбомами и брошюрами.

Ветераны боевых действий в 2015 г. доверили генералу Усманову возглавить Курганское региональное отделение Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство». Его высокий авторитет среди населения и статус ветерана боевых действий позволяли ему и здесь реализовывать значимые общественные проекты, помогать людям в решении их социально-общественных запросов. Именно здесь, на курганской земле, он окончательно сформировался как большая личность, как видный военный и общественный деятель. В нем было всего много: пропагандист и агитатор, публицист и писатель, лектор и практик, библиофил и собиратель редких изданий, ревнитель военной истории и истории Российского государства, член военно-исторического общества, постоянный участник многих научно-практических конференций, симпозиумов, круглых столов. А еще – он всегда был душой любой компании, он был прекрасным собеседником, человеком с высоким чувством юмора и жизнерадостности.

Кругозор его общественной деятельности выходил далеко за рамки земли зауральской. С практической деятельностью Усманова по педагогической, духовно-нравственной и патриотической тематике была знакома едва ли не вся научная и творческая общественность Уральского федерального округа и некоторых других субъектов России. Его методология и формат работы всегда получали достойную оценку на самом высоком уровне. В 1997 г. за достигнутые успехи в службе был награжден орденом «За военные заслуги». В 2015 г. за заметный вклад в военно-патриотическую литературу Зауралья стал лауреатом Всероссийской премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. В 2018 г. за достигнутые трудовые успехи и многолетнюю

добропроводную работу был удостоен Благодарности Президента Российской Федерации. В последние годы своей жизни Владимир Викторович часто выступал в качестве эксперта по многим вопросам военной деятельности государства, строительства армии и флота, подготовки офицерских кадров, а также научного руководителя при издании различной печатной продукции военного направления. Он вел свой блог в «Русской народной линии», где у него были тысячи подписчиков. Был полон внутренней энергии и желания дальше активно работать, но многолетняя болезнь не позволила ему продолжить задуманное.

На его могиле к годовщине смерти родные установили памятник. На плите узаконено смотрится знакомый всем портрет генерала, а внизу читается известное четверостишие его боевого товарища, Героя Советского Союза, ветерана боевых действий, шадринца Валерия Буркова из стихотворения «Прощание»:

*Нет, не за зря звезда моя жива,
Мерцая в поднебесье тихим светом.
Я сделал все, что Родина ждала, –
И лишь прошу не позабыть об этом.*

Постскриптум: 3 февраля 2023 г., накануне 80-летия образования Курганской области, постановлением правительства Курганской области № 14 «За выдающиеся заслуги в развитии отраслей экономики и социальной сферы, способствующие повышению известности и авторитета Курганской области почетное звание Курганской области «Почетный гражданин Курганской области» присвоено Усманову Владимиру Викторовичу, генерал-майору (посмертно). Распоряжением Правительства Курганской области от 27 сентября 2023 года № 297-р Губернаторской Куртамышской кадетской школе-интернату присвоено имя генерал-майора В.В. Усманова.

В конце 2023 г. на фасаде дома, где жил Владимир Викторович, по инициативе Курганского городского совета ветеранов будет установлена мемориальная доска, посвященная его памяти.

ПОЭЗИЯ

**БАСКОВ
Алексей Владимирович**

Родился в Кургане в 1985 г. Дедушка – Басков Степан Дмитриевич – был известным уральским поэтом. Бабушка также писала стихи.

Поэтому неудивительно, что Алексей уже в 9 лет начал рифмовать строчки и пытаться выразить свои мысли на бумаге. Писал постоянно и много. Но действительно интересные мысли в стихах стали появляться к двадцати годам.

Примерно в это же время начал писать музыку и делать полноценные песни. Музыкальные коллективы, собранные Алексеем, выступали на площадках Кургана и Санкт-Петербурга, звучали на радио. Песни последнего проекта под названием Stay close можно послушать «ВКонтакте», на Яндекс. Музике и многих других ресурсах в Интернете.

В альманахе «Тобол» публикуется впервые.

НЕЖНОСТЬ

Скоро шум полночных мыслей
Тишиной рассветной станет,
И уснёт с тобою рядом
Самый первый солнца луч.
За окном проснётся ветер:
Тишину терпеть устанет...
И пушистым нежным снегом
День рассыплется из туч.

Я с небесным сердцем вместе
Загляну в твоё оконце,
Улыбнусь и засияю
Со светилом наравне.
Ты проснёшься и заметишь
Два холодных зимних солнца
И одно из них согреешь,
Сделав шаг навстречу мне!

СЛИШКОМ БОЛЬНО...

Время,
возьми мою нежность,
векам раздай!!
Остатки храни у Вечности в кладовой!
И будущим людям
в своих поездах
Отправляй её больше,
хотя бы вдвое...

Всем хватило б!!
Ещё бери!!
Дели поровну на тысячелетья!
Чтоб в городе Вселенной
у каждой двери
Цветы своей нежности
смог рассмотреть я!

Во мне в виде сердца
нежность оформлена.
Но таких концентраций наука не знала!

Чтоб столько чувств растворить до нормы
И ста океанов,
пожалуй,
мало...

Однажды
даже
разапреленная весна
Приходила занять для влюблённых
нежности.

Если б вы знали...

Если б могли вы знать,
Как я нежностью сердце режу на стих.

Месяц, в котором твоим я стал,
Ненавижу!

Выбрасываю!
Вызываю к барьера!
Ведь шанс последний –
один из ста,
Я выдумал сам
и принял на веру...

Пытаясь тебя спасти,
тону...

«Наигранно, – скажешь, – что-то не верится». А я б всё на свете отдал тому,
Кто б нежность эту вырвал из сердца!!

Время!!
Послушай,
глухой лекарь!
Не слышишь?!
Почувствуй!
Не чувствуешь – смотри!
Я нежность людям убогого века
Отдаю задаром с аптечных витрин...

Не берут
Даже так...
Говорят: «Это лишнее...»
Парус сердца снова выброшен в штурм...
Я впервые к тебе обращаюсь, Всевышний!!
За что???

РОЖДЕНИЕ

Строго, странно и непросто,
Громко, мягко и легко
Задавай свои вопросы,
Осень снегом успокой.

Силой мысли, равной ветру,
Оберни метелью день
И отдаи на откуп лету
Рождение.

Солнце сердца на свободу
Отпусти, открай глаза.
Каждый встречный взгляд холодный
От смятения спасай!

Награди, прикрыв ладонью,
Тёплым ветром новый день
И волшебное запомни
Рождение.

Помири слова и даже
Уложи на ноты спать.
Покажи, как это важно –
Просто верить в чудеса!

Обними, согрей, укутай
Добрым сном вчерашний день
И встречай воскресным утром
Рождение.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

КУРГАНСКОМУ ТЕАТРУ ДРАМЫ – 80 лет!

22 мая 1943 года, в суровые военные годы, родился Курганский областной драматический театр.

Первый спектакль по выдающейся пьесе Бориса Лавренева «Песнь о черноморцах», написанной в 1943 году, режиссера – заслуженного артиста РСФСР А. И. Канина был посвящен солдатам Великой Отечественной. Постановка имела большой успех и значение: советский народ победить невозможно.

Во втором театральном сезоне 1944 – 1945 годов в репертуаре театра – военные пьесы Л. Шейнина и братьев Тур «Капитан Бахметьев», К. Симонова «Так и будет» и «Парень из нашего города», В. Вишневского «Оптимистическая трагедия», А. Корнейчука «Фронт». Над ними работали мастера сцены – актеры и режиссеры Е. Сказин, В. Беляевский, А. Канин.

Весь коллектив молодого театра внесли свой вклад в Победу. В репертуаре были спектакли, помогающие верить в нее. В 1946 году исполнительный комитет Курганского областного Совета депутатов трудящихся в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1945 года принимает решение о награждении медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» работников Курганского облдрамтеатра. Медали получили пятнадцать работников театра, среди них – работники театрального закулисья и первые артисты нашего театра Елена Бебешина, Мария Беленькая, Павел Гороховцев, Илья Двинский, Елизавета Несговорова.

После долгожданной Победы постановки на патриотическую тему продолжали составлять основу репертуара. В первую

**МАСЛЕННИКОВА
Татьяна Николаевна**

Поэт, прозаик, публицист, член Российской Союза профессиональных литераторов, член Курганского отделения Союза театральных деятелей РФ, руководитель литературно-драматургической части Курганского театра драмы.

Спектакль «А зори здесь тихие...». В главной роли Виктор Шадровский

послевоенную пятилетку зрителям были показаны спектакли по самым известным произведениям советской литературы, среди которых – «Дни и ночи» К. Симонова, «Сын полка» В. Катаева, «Молодая гвардия» А. Фадеева.

Обновлялась труппа, приезжали в молодой театр новые режиссеры и артисты-фронтовики. В 1946 году по приглашению главного режиссера театра В. И. Княжича на сцену вышел артист Борис Колпаков, в 1947-м – Виктор Шадровский, сыгравший роль любимого героя-красногвардейца Сергея Тюленина в спектакле «Молодая гвардия» режиссера Н. И. Горлова. В 1950 году режиссер К. Бережной ставит на сцене театра пьесу К. Михайлова «Подвиг останется неизвестным».

Несколько сезонов подряд шел на сцене театра спектакль «Люди, которых я видел» по пьесе С. Смирнова, поставленный художественным руководителем театра, заслуженным артистом РСФСР Л. М. Meerсоном в 1958 году. Памятным остался для многих зрителей безымянный солдат, старый сапер, которого сыграл народный артист РСФСР Борис Колпаков. Для увековечения памяти об участнике Великой Отечественной войны, народном артисте РСФСР, почетном гражданине Кургана Борисе Александровиче Колпакове в 2023 году будет установлена мемориальная доска на фасаде дома № 108 по улице Пушкина, в котором известный деятель культуры прожил более четверти века.

Надолго запомнился курганцам и спектакль Л. Каменецкого по повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...», премьера которого состоялась в 1972 году. Сержанта Васкова в нем сыграл народный артист РСФСР Виктор Леонидович Шадровский.

К юбилейным датам в честь Победы постоянно ставились спектакли о фронтовиках. В 1975 году зауральцы посмотрели спектакль «В списках не значился» по

повести Б. Васильева, режиссер Г. Чодришвили. К 35-летию Победы на сцене театра – постановка «В четырех километрах от войны» по пьесе О. Сосина, режиссер П. Коробов. В 1985 году в спектакле «Весна 1945 года» по пьесе В. Романова, в честь 40-летия Победы, режиссер Карл Марсон, лауреат премии комсомола Зауралья, участвует звездный состав труппы: народный артист РФ Юрий Бодров, заслуженные артисты РФ Александр Башуров, Иван Дробыш, Рудольф Искаков, Виктор Чукин и другие известные артисты театра.

В XXI веке ежегодно в репертуаре театра драмы – спектакли и проекты о Великой Отечественной войне. В 2005 году к 60-летию Победы был поставлен «Потомок» по пьесе В. Жеребцова «Я обязательно дойду», режиссер Алексей Тегленков, художник Наталья Пермина; в 2010-м к 65-летию Победы – спектакль «Рядовые» А. Дударева, режиссер Анатолий Васильев, художник Олег Белов.

Запомнились зрителям спектакли «Счастье мое» по пьесе А. Червинского о ребятах, выживших после страшной войны, режиссер Егор Гришин, художник Елена Волкова; «Суровые дни войны», «Не покидай меня...» А. Дударева, режиссер-постановщик Рахамим Юсуфов, художник Олег Белов.

Большой воспитательный потенциал для современной молодежи носят постановки Любови Савиной «А мы такие молодые», «...У меня есть сердце», документальная композиция «...Как ты меня ждала» – совместный проект с Курганским областным краеведческим музеем.

В марте этого года стартовал проект Памяти, посвященный празднованию Дню Победы в Великой Отечественной войне, – премьера музыкально-литературного произведения «Молодые поэты, не вернувшиеся с войны», автор и режиссер Л. Савина. В исполнении артистов звучали стихи Всеволода Багрицкого, Мусы Джалиля, Михаила Кульчицкого, Елены Ширман и других поэтов-фронтовиков, наполненные любовью к Родине и верой в Победу. Постановку бесплатно посмотрели обучающиеся и студенты города.

19 апреля в Курганском театре драмы состоялась премьера спектакля «Не до ордена, была бы Родина», автор инсценировки и режиссер-постановщик Л. Савина. Постановка основана на письмах наших земляков – участников Великой Отечественной войны, священных документах из семейных архивов.

В социальных сетях в апреле стартовал проект «Опаленные войной» – серия видеороликов «Поэзофронт». Артисты нашего театра читают пронзительные стихи поэтов Донбасса.

В мае в честь Победы вновь зазвучат песни военных лет в спектакле-концерте «Дорога на Берлин». Пять лет этот спектакль в репертуаре нашего театра. Режиссер-постановщик спектакля Егор Гришин, художник-постановщик Олег Белов, музыкальный руководитель Геннадий Грошков, хореограф Алексей Попов. Двадцать артистов задействованы в постановке, посвященной защитникам Отечества.

Все спектакли и проекты, посвященные Великой Отечественной войне, наполнены любовью к Родине, к ее прошлому, настоящему и будущему. Они очень важны как дань фронтовикам. Солдаты отдавали свои жизни не ради наград и орденов – они любили жизнь и хотели, чтобы были счастливы их дети, внуки, правнуки.

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

**ГАЛЬЦЕВ
Юрий Николаевич**

Родился в Кургане 12 апреля 1961 г. Окончил Курганский машиностроительный институт и Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК, ныне – РГИСИ).

С 1993 г. – актер петербургских театров «Фарсы» и «Лицедеи», в 1999 г. организовал собственный театр – «УТЮГ» (Универсальный театр Юрия Гальцева). В 2008 г. назначен художественным руководителем Театра Эстрады им. А. Райкина. Юрий Гальцев известен и как исполнитель авторской песни, выпустил несколько музыкальных альбомов.

Дебютным сборником стихов стал «Папин борщ. Детям о взрослых, взрослым о детях» (2022 г.), с произведениями из которого мы предлагаем познакомиться нашим читателям.

Живет в Санкт-Петербурге.
В альманахе публикуется впервые.

ПАПИН БОРЩ

Сколько помню я себя,
Мама, папа, брат и я
Собирались за столом.
Папа угощал борщом!

Чуть настанет выходной,
Папа радостный такой:
«В кухню просьба не входить!
Борщ я буду сам варить.

Только нужно лук, картошку
Вам почистить понемножку.
Сковородку там помыть –
Будешь овощи тушить.

Мясо режьте на доске,
Ну а лучше пусть в куске,
Можно косточку оставить.
Борщ наваристее станет.

Лук с морковкой потушите,
Но смотрите, не сожгите.
Посолите, поперчите –
Только не переборщите!
Помидоры, зелень стружкой
Режь помельче и соли».

Папа – главный наш шеф-повар,
Знал, как борщ для всех варить.
Всем указывал он строго:
Что, чего, куда «ложить».

Всем нашел работу папа!
Был на кухне основной.
Мы же ели и хвалили
Папу, борщ и выходной!

ЧИНГАЧГУК

Гойко Митич – Чингачгук,
Всем индейцам верный друг.
Он бесстрашный вождь апачей,
Защищает всех, кто плачет,
Прерия ему как дом.
Каждый куст ему знаком.
Скачет он на жеребце,
Держит гриву в кулаке,
Никого он не боится.
Как змея он затаится,
В метре от него пройдёшь –
Чингачгука не найдёшь.
Томагавки он кидает,
Со ста метров попадает
Он в летящего жука,
Ловит белку, барсука.
Вмиг на дерево взберётся,
С леопардом разберётся.
Знает крик ночной совы,
Может сам из темноты
Он по-волчьи вдруг завыть,
Взглядом рысь остановить.
Даже злая медведица
Чингачгука побоится.
На тропу войны выходит,
Соколиным взглядом водит,
Все индейцы за вождём –
С луком кто, а кто с копьём.
Впереди, конечно, он,
С голым торсом, голос – гром!
Бледнолицые ребята
Все в сравненьи с ним – котята,
Чтобы скальпов не лишиться,
Спать никто и не ложится.
Я б в кино на «Чингачгука»
Каждый день ходил! Вот круто!
Как же нравится он мне!
Представляю: на коне
С Гойко Митичем скочу
И сказать ему хочу:
«Чингачгук, ты мне как брат,
Я дружить с тобою рад.
Разожжём костер в夜里,
И споём, и помолчим,
Трубку мира передам,
Всё, что есть, всё пополам»!

ДУПЛО

В лес однажды я пошёл
И в лесу дупло нашёл.
Кто в дупле таком таится?
Может, белка? Или птица?
Может, змейка иль паук?
Посижу пока я тут.
Стал я думать и гадать,
Кто придет в дупло поспать,
Или деток покормить,
Иль орехи там сложить!
Я укрылся под кустом,
Стал я ждать, кто в этот дом
Прилетит иль прибежит.
Может, там уж кто сидит?
Тихо-тихо я сидел,
На дупло я всё смотрел.
Может, час, а может, два.
Неужель сижу я зря?
Вдруг услышал странный звук –
Да ведь это бурундук!
Как на белку он похож,
Не вспугни его, не трожь!
Пять полосочек на спинке,
Как он мил! Как на картинке.
Я сказал ему, друзья:
«Не пугайся ты меня!»
Щёчки у бурундука –
Как мешочки, в них еда:
Зёрна, жёлуди, жучки,
Чтоб спокойно ждать зимы.
Чтоб зимой все были сыты,
Все животики набиты.
Ждёт его в дупле семья.
Бурундук, люблю тебя!

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

КАТАЙСК: ОТ СЛОБОДЫ ДО ГОРОДА. КАТАЙСКИЕ КЛАДЫ

На высоком, крутом левом берегу Исети в начале XX в. стояло богатое, крупное село Катайское. Местные жители называли его слободой, так как оно являлось волостным. К нему вплотную примыкало село Троицкое, деревни Савина, Кораблёва, Одина. На другом, правом, берегу находилось красивое село Ильинка. Вокруг слободы находилось множество других поселений.

Упорнейший, до пота, крестьянский труд, прекраснейшие местные чернозёмы, бескрайние хлебные поля превратили Катайск в один из центров заготовок зерна для всего Урала. Здесь проживали и появились целые купеческие династии, представители Екатеринбургских уральских торговых домов: Ф. И. Первушин и его сыновья (Павел и Евгений), братья Степановы, Ф. К. Батраков, Карабатовы Андрей, Александр и Сергей Петровичи, Пушкиарёвы Семён и Степан Дмитриевичи, Збитневы, Саковы, П. В. Брюховских. Оживилась торговля.

Большую известность Катайску принесло открытие в 1879 г. Богоявленской и Спасской ярмарок. Еженедельно проводились хлебные базары по четвергам и пятницам. К нам везли зерно из Камышловского, Шадринского, Челябинского уездов. Затем его отправляли на мельницы Екатеринбурга. Так, за год здесь проходило до трёх миллионов пудов хлеба. Вплоть до 1917 г. авторитетный ежегодник «Уральский торгово-промышленный адрес-календарь» давал сведения и о крупных ярмарках, и о средних, таких как Шадринская, Звериноголовская, Усть-Уйская, Куртамышская, Верх-Теченская, Катайская. А вот о Далматовской нет никаких сведений. Катайск перехватил инициативу у своего извечного соперника.

КОНОВАЛОВ
Леонид Александрович

Родился 13 декабря 1948 г. в городе Катайске. Окончил Шадринский государственный педагогический институт, филологический факультет. Печатается в районной газете «Знамя» с 1985 г., а также областных изданиях «Новый мир», «Зауральский ветеран».

Член Союза журналистов России, член Курганского отделения Российского Союза профессиональных литераторов, председатель литературно-художественного клуба «Катайск» при редакции газеты «Знамя» с 2008 г.

Автор книг «Край исетский», «Трагедия 1952 года» (2012), «Герои земли катайской» (2015). Автор многих статей и очерков по истории родного края. Участник многих областных и региональных литературных конкурсов. Активный общественник: являлся депутатом двух созывов Катайской городской Думы, в настоящее время – депутат Катайской районной Думы.

Екатеринбургский епископ Митрофан в 1910 г. посетил нашу слободу, а газета «Екатеринбургские епархиальные ведомости» № 41, освещая его поездку, отметила, что здесь значительный торговый центр со множеством лавок, магазинов, хороших красивых домов и очень напоминает уездный город.

В 1912 г. по нашим местам проезжал знаменитый царский фотограф С. М. Прокудин-Горский (изобретатель цветной фотографии). Остановился он в Катайске, делал снимки. Тогда здесь не было промышленности как таковой, зато очень было развито кустарное производство. Известно, что работа такая ведётся на дому и изделия предназначены для сбыта на рынке.

О кустарях, к сожалению, сейчас мы мало что знаем. В небольших частных мастерских-кузнях изготавливали сошники, подковы для лошадей, топоры, ножи, гнули скобы, проводили оковку колёс, саней, готовили навесы для ворот и другие изделия из металла. Ими торговали торговцы – Т. И. Дудин, А. И. Загвоздин, К. И. Зубов, А. А. Рыбакова, Д. И. Хомяков и другие. Работала маслобойка С. Е. Золотавина. Пимокат Д. С. Лямин катал крепкие, надёжные валенки. Красивую кожаную обувь шил Ф. П. Чистяков. Изготавливались мастерами телеги, дровни, сани. Всё это можно было купить на ярмарках, как и конскую упряжь и сбрую. В Катайске было много торговцев: В. А. Атаманский, А. Г. Анашкин, И. Е. Булычев, Ф. С. Бухалов, С. П. Ведерников, Г. С. Грехов, У. А. Зонов, А. Я. Поляков, Н. Ф. Степанов, П. Ф. Степанов, А. М. Селянкин и другие.

Моя прабабушка, Бронщикова Ирина Никандровна (1875–1963), вспоминала, что ещё до строительства здесь железной дороги к нам на ярмарки приходили из Средней Азии караваны верблюдов. Купцы в цветных халатах привозили шёлк, ковры, красивые восточные ткани, изюм, сухофрукты и другое.

В Катайске в 1915 г. владельцем ресторана был С. С. Истомин, аптекой заведовал Г. С. Коган, книгами торговал М. И. Данилов. Волостную библиотеку открыли здесь в 1909 г., затем её перевели во вновь построенный народный дом. Некто Кайгородов С. Ф. в своей мастерской ремонтировал швейные и вязальные машинки «Зингер». Сладкие, мягкие, душистые пряники выпекал Данила Пряник. Такое он имел прозвище в Катайске. Предположительно, фамилию он имел Попов. Помнится, наша бабушка, Антонова Анисья Александровна (1900–1992), вспоминала, как в 1913–1914

гг. их тятя (отец) привозил с ярмарки своей большой семьи целый короб таких пряников. Запах и вкус медовых Даниловых пряников она запомнила на всю жизнь.

Дом Данилы Пряника

С ноября 1913 г. началось регулярное движение поездов через станцию Катайск. Появление железной дороги дало мощный толчок развитию нашего региона. В постройке железной дороги были заинтересованы купцы, промышленники и всё население. В крупные города России и даже за границу потекли сотни тысяч пудов зауральского хлеба, мяса, масла, яиц. Наш край уверенно входил в экономику всероссийского рынка. Наши села и Катайск стали быстрее развиваться, особенно кустарное производство, мелкая промышленность, ремёсла, торговля. Например, прабабушка Ирина Никандровна говорила, что наш прадед, её муж Фёдор Фёдорович с сыном Васей в вагонах возили скот на продажу даже в Петербург. Увеличилось в стране число различных иностранных фирм, которые завозили в Россию и продавали различные орудия труда, сельхозмашины и другую технику. Вспомним, что в 1897 г. Россия имела самую твёрдую валюту в мире – золотой рубль. В 1914 г. золотой запас Российской империи превышал запасы Германии и Великобритании, вместе взятых.

Сегодня мы не знаем, что было бы в Катайске и как пошли дела, если бы не Первая мировая война (1914–1918) и последовавшие за ней революции. Новая власть считала купцов, промышленников, торговцев своими заклятыми врагами. К ним причислили и священников.

Так, в 1918 г. «красные» убили Аркадия Гаряева (Боровская церковь), в Катайске – Алексия Введенского (Свято-Троицкая церковь), Алексия Меркурьева (Корюковская церковь). Шла жестокая Гражданская война.

В 1919 г. вместе с отступающей белой армией Колчака, бросив дома и имущество, ушли из Катайска все купеческие семьи. Земский начальник Василий Андреевич Дураков (он был из крестьян) не был купцом, но играл важную роль, являясь представителем судебно-административной власти в Катайске. В июле 1918 г., возвращаясь из Екатеринбурга на тройке лошадей, был задержан в Каменске отступавшими из Катайска «красными» и расстрелян. Сохранилась его усадьба – два кирпичных особняка по ул. Советской, 35. Все купеческие дома власти национализировали.

Прошло несколько лет, и власти добрались до кустарей, которые не уехали из Катайска. В 1930 г. они были репрессированы и вместе с семьями высланы на север, как «эксплуататоры и кулаки». Их дома, имущество конфисковали. Райком ВКП(б) разместился в красивом доме купца Алексея Ивановича Петрова (ул. Ленина, 229). Жернова истории жестокого XX века безжалостно перемололи и поломали жизни многих людей. А от купцов, кустарей остались красивые здания, которые сегодня украшают наш город, делают неповторимым его облик. В 1906 г. в Катайске было 91 помещение лавок и магазинов. Население слободы насчитывало 1362 человека в 1913 г. Имелось 36 постоянных дворов, где размещались до 1400 подвод...

В 1924 г. был образован Катайский район. В доме купца Ф. И. Первушкина (ул. Советская, 64) открыли школу крестьянской молодёжи (ШКМ). Троицкая начальная школа находилась по ул. Школьной, 8 (сейчас она перестроена). В народном училище учились мальчики и девочки, эту школу звали «городской» (ул. Ленина, 213). Все три храма были закрыты. В 1930-х гг. Свято-Троицкую церковь перестроили под среднюю школу. Появилась у нас машинно-тракторная станция (МТС). Рядом с железной дорогой построили элеватор. У Банного лога на салотопке варили и готовили хозяйственное мыло, которое продавали населению на колхозном рынке. Из Каменска перевели к нам педучилище в 1941 г. и разместили в классах бывшей ШКМ.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Многие мужчины ушли на фронт. В сентябре 1941 г. из г. Мелитополя сюда эвакуировали насосно-компрессорный завод. С ним приехало 178 человек (93 рабочих и 62 инженерно-технических работника). Завод разместили по бывшим купеческим складам-хранилищам. Уже в 1942 г. завод выдал фронту свою продукцию – 82-мм мины, как указывалось в приказах, «изделие № 900».

Из Катайского педучилища в 1945–1947 гг. было выпущено 37 учителей очного и 59 заочного отделений. В 1947–1948 гг. из стен педучилища выпустили 178 молодых педагогов, и с этого времени училище надёжно перешло на четырёхлетний срок обучения. Со временем авторитет выпускников Катайского педучилища повысился. Слава педучилища шагнула далеко за пределы нашей области. Тогда работали здесь такие сильные, опытные педагоги, как, например, Иван Дмитриевич Гусев (преподавал русский язык и литературу), Иван Фёдорович Конышков (математику и физику), Александр Иванович Бурлев (логику и психологию). Немало трудились и других замечательных педагогов. Студентам (тех послевоенных, трудных лет) учиться было трудно, но интересно. У них не было денег, чтобы купить себе самое необходимое. Они не имели полноценного питания. Была большая радость, если кто-нибудь из местных приносил молока, хлеба. Разместили студентов в бывших купеческих особняках и домах раскулаченных. Например, Галина Дмитриевна Осипова, наша учительница, вспоминала, что они с однокурсницами жили в двухэтажном кирпичном доме, где раньше жила семья священника Алексия Введенского (ул. Ленина, 191). Другие проживали в бывших купеческих домах, например в усадьбе купца Ф. К. Батракова (ул. Советская, 27), и по частным квартирам. В бывших купеческих домах размещались различные районные советские организации и конторы.

Статус города Катайск получил во время Великой Отечественной войны – 12 февраля 1944 г. С высоты сегодняшнего дня, анализируя историю развития нашего Катайска от слободы до города, можно с уверенностью сказать, что высший пик был достигнут в конце 1980-х гг. Насосный завод выпускал в год до 100 000 насосов различных марок, которые отправляли более чем в 40 стран мира. Общее число работников доходило до 2500 человек.

Работали заводы: кирпичный, комбикормовый, маслозавод, завод ЖБИ, госплемптицезавод (ГППЗ), пищекомбинат, производственно-торговое предприятие, комбинат бытового обслуживания (КБО), сельхозтехника, ремтехпред, сельхозхимия и другие. Большое строительство вели СМУ, МПМК, РСУ – Облгражданстрой. Автоперевозки осуществляли крупные автотранспортные предприятия АТП и «Катайскавтотранс». Успешно работал Синарский щебёночный карьер. Много различных грузов приходило на станцию. На повышенном тупике шла выгрузка угля, химикатов, различных строительных материалов и других грузов. Постоянно работала контейнерная площадка, перевыполняя план.

Обучение школьников осуществляли две средние общеобразовательные школы и три начальные школы. Получали среднее образование молодые рабочие в вечерней средней школе. В Катайском педагогическом училище, по воспоминаниям бывшего директора А. Г. Игнатьева, обучалось около 1500 студентов очного и заочного отделений. Александр Григорьевич работал директором в 1979–1989 гг. Имелись три отделения: школьное, дошкольное и художественно-графическое. Катайское педучилище уверенно входило в десятку лучших педагогических училищ нашей страны. Юноши и девушки получали новые рабочие профессии в профессиональ-

ном училище № 13 и сельском профессиональном училище № 30. Работали детская музыкальная и художественная школы. Население города тогда составляло около 16 тысяч человек. Никто и не предполагал, что с развалом Советского Союза наступят непростые времена.

Клады. Это очень интересная тема. С ними в Катайске связано много разных историй, слухов, легенд. Старожил Катайска Степан Гаврилович Истомин (умер в 1980-е гг.) хорошо знал всех местных купцов и торговцев. Они покинули Катайск вместе с отступающей белой армией Колчака в 1919 г. Им казалось, что новая власть продержится недолго, и поэтому ещё рассчитывали вернуться. Драгоценности они надёжно спрятали. Ехать с золотом в то время было очень опасно и неразумно. Кто-то потерялся в бескрайних просторах Сибири и Дальнего Востока, другие уехали в Маньчжурию и осели в Харбине, часть оказалась за границей. Например, сын богатого купца Ф. И. Первушкина – Павел, по слухам, проживал в Харбине и в 1920-е гг. отравился там цианистым калием.

С. Г. Истомин вспоминал такой случай. На одной из купеческих усадеб работник нашёл изогнутую ржавую трубу, её концы были сплющены с обеих сторон. Мужчина собирался уже отбросить её в сторону, но его удивил вес этой небольшой трубы. «Что же там внутри может быть?» – подумал он. Когда пилой по металлу он отпилил сплющенный конец трубы – посыпались пожелтевшие золотые монеты. Такие монеты достоинством в 5 и 10 рублей выпускались в России в 1897 г., весом 12,9 граммов. В народе такие монеты в 10 рублей называли «золотые червонцы». На лицевой стороне изображение последнего царя – Николая II, а на другой – царский двуглавый орёл. Кстати, они и сегодня в большой цене, особенно те монеты, которые хорошо сохранились. Однажды автору этих строк удалось даже подержать такую золотую монету в своей руке.

Известна история другого клада. В 2008 г. во время земельных работ в кирпичном строении бывшей усадьбы купца Алексея Ивановича Петрова (сейчас в этом доме краеведческий музей, ул. Ленина, 229) рабочие под трухлявой доской на глубине около метра выкопали очень ржавый металлический сундучок, доверху набитый медными монетами XIX – начала XX в. Сейчас все 320 этих монет являются достойной коллекцией нашего районного краеведческого музея.

Известный житель Катайска Алексей Иванович Лесников (1927–2022) однажды рассказал автору интересную историю. Позднее он кратко описал её в своих воспоминаниях «Моя исповедь». У его отца была тётя – Анна Ивановна, она была замужем за не-

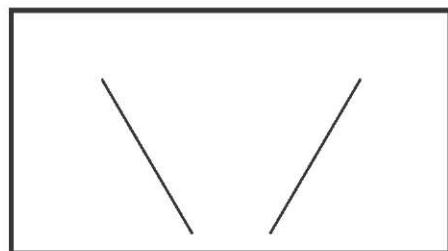
**Клад
купца Петрова**

ким Алексеем Евдокимовичем Степановым, они проживали на Большой Дороге в кирпичном доме (сейчас здесь госавтоинспекция, ранее был военкомат, ул. Ленина, 195). Эта семья была очень богатая, и, как торговцы, они не очень роднились с Лесниковыхми. Поэтому в семье Лесниковых им платили тем же, в разговоре между собой называли их «Купчиковы». Однажды на колхозной пасеке отец рассказал Алёше такую историю.

Это было в сентябре 1941 г., уже шла Великая Отечественная война. В 1917 г. после октябрьского переворота Купчиковы-Степановы спрятали у них какие-то ценности. Затем в начале 1918 г. пришли и забрали их. Тогда Степановы дружили с родственниками умершего священника Успенского (их дом по ул. Ленина, 217). Вместе они уехали из России во Францию. Лесниковых никому об этом не говорили. При заполнении различных анкет (а их было множество) отец, а позднее и сам Алексей Иванович на вопрос: «Есть ли родственники за границей?» – отвечали: «Нет», – ставили прочерк. Действительно, о судьбе Степановых они ничего не знали. Не знали об этом и власти. Если бы власти узнали об этом, то за крытую железом крышу дома и богатых родственников за границей Лесниковых могли раскулачить и отправить в Обдорск, далеко на север. Размышляя, Алексей Иванович предполагал, что те ценности, которые Степановы прятали у них, были или золото, или, возможно, даже драгоценные камни.

Автор Алексей Евсеев в своём очерке «Не намъ, не намъ, а Имени Твоему», опубликованном 13 мая 2011 г. в газете «Знамя», рассказал историю купеческого запрятанного клада в Мазяцком логу на Тукмане. Дело было так. Он проходил службу в Уссурийске в 1962 – 1965 гг. Судьба свела его с кочегаром котельной их казармы, человеком угрюмым, заросшим бородой. Они часто общались, перед смертью он открылся сержанту Евсееву, сказав, что он его земляк и тоже из Катайска, был младшим сыном купца Семёна Дмитриевича Пушкарёва. Они проживали в большом полукирпичном доме по ул. Набережной, 1 (сейчас это ул. Советская, 1). Здесь расположено отделение ДОСААФ, а раньше была милиция. Тогда Пушкарёв был младшим офицером и во время Первой мировой войны служил в Закавказье. В Гражданскую войну встал на сторону белых, воевал с красными и под Пермью был ранен, приехал в Катайск. Когда красные заняли село, скрывался на чердаке своего дома, был опознан, арестован. По железной дороге их (арестованных) повезли в уездный город Камышлов, где должны были расстрелять. Выломав пол, он бежал. Сменив имя и фамилию, он оказался на Дальнем Востоке в г. Уссурийске. Вдруг сержанта Евсеева срочно перевели служить в Хабаровск. Молодая библиотекарь воинской части, хорошо знакомая Алексею, жила на квартире кочегара и написала ему письмо. Она сообщила, что, умирая, он бредил какими-то ценностями и велел переслать этот листок, где спрятаны ценности.

И вот этот листок в руках Евсеева. Развернув его, он увидел вот что.

Это была такая загадка, которую не мог разгадать кочегар Пушкарев. После службы Алексей вернулся домой, но в Катайске места работы не было, и он уехал в Свердловск. Два года он пытался разгадать эту абраcadабру. Где это место? Где спрятан клад? Конечно же, не в доме, где сейчас милиция! Но где? Перебрал множество вариантов.

Разгадка пришла неожиданно. Однажды в поезде он ехал в Катайск и, проезжая по мосту через Катайку, в окно увидел Тукман и два лога, как на схеме. Правый лог имел название – Мазяtsky. Значит, буква «М» – это название лога, пришла догадка. В дореволюционном алфавите она стояла по счёту не 14-й, как в советском алфавите, а 13-й. Система мер царской России определяла аршин, сажень и другие, но не метр. Таким образом, если 13 аршин, выходит 9 метров. Известно, что лог, в отличие от реки, не меняет своего направления даже через многие годы. Это место раньше хорошо было известно, ведь здесь проходила дорога в уездный город Камышлов. Все катайцы ездили по этой дороге. Не привлекая к себе внимания, черенок лопаты он использовал как посох, саму лопату нёс в сумке, поднялся на Тукман. Вот и начало лога. На керамическую кружку наткнулся сразу, чуть не разбив её. Она была закрыта деревянным кружком и сверху залита воском. Кружка была наполнена золотыми монетами достоинством в 5 и 10 рублей. А сверху лежал кружок серебряной медали «Не намъ, не намъ, а Имени Твоему». Видимо, это была награда деду Дмитрию Пушкарёву за последнюю Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Не спеша Евсеев заменил золотые монеты на советские деньги, так как способов такой замены в Свердловске было множество. Он был очень горд и доволен собой – удалось ведь почти невозможное!..

Другая история с запрятанным кладом произошла в Катайске в начале 1950-х гг. Старожилы и Степан Гаврилович Истомин ещё долго говорили о ней. В полукинематографическом доме, ранее принадлежавшем Даниле Прянику (ул. Школьная, 13), проживали в общежитии девушки-студентки из педучилища.

Однажды вечером к ним в комнату постучали.

– Войдите, – весело ответили молодые хохотушки. Они подумали, что к ним пришли их друзья. Но зашёл мужчина, седоватый, с сумкой в руках. Он тепло поздоровался, представился и сказал, что раньше здесь проживали его знакомые. Где они находятся сейчас, он не знает. Естественно, что и девушки ничего не знали, сами были приезжими. Завязался интересный разговор. Им, выросшим без отцов, погибших на фронте, было приятно поговорить с таким интересным собеседником.

Новый знакомый произвёл на них впечатление, и они прониклись к нему доверием. Пригласили за стол выпить чаю. Принесли кипяток, и, к их большому удивлению, гость достал из сумки белый хлеб, масло, пачку чая, колбасу, сахар. От такого богатства на столе хозяйки были просто в восторге. Стало ещё веселее, разговор продолжался. Поздно вечером новый щедрый знакомый мило со всеми распрошался, пожелав им спокойной ночи, обещая зайти в гости ещё.

После ухода неожиданного гостя студентки долго обсуждали и восхищались новым знакомым. «Девчонки! Вот ведь бывают же в жизни такие добрые, щедрые, сердечные, чуткие люди!» – обменивались они между собой.

На следующий вечер гость снова приходил, щедро уговаривая, они снова пили чай и разговаривали. Так прошли ещё 3–4 таких вечера, он снова приходил к ним на чаёк. Девчата даже стало казаться, что они знают его уже много-много лет. Прощаясь с ним, они снова любезно приглашали к себе в гости. Юные доверчивые девушки по-доброму относились к этому незнакомому интересному мужчине, доверились

ему так, что даже показали место, где прячут ключ от своей комнаты. Но на другой день, прияя после занятий в свою комнату, они были изумлены! Были в шоке. Печь, стоявшая в их комнате, частично была разобрана. На полу валялись выломанные кирпичи, мусор, рядом орудия труда – старый топор и лом. Была видна спешка, торопливость грубой работы.

Девушки поняли, что их новый знакомый, разломав печь, что-то там искал. Они вспомнили, как во время их чаепития он часто посматривал в сторону печи, а один раз даже провёл по ней рукой. Об этом происшествии доложили руководству училища. Вызвали милицию, но участковый, выяснив, что из их вещей ничего не пропало, больше к ним не приходил. Через день пришёл мастер-печник и восстановил печь. Досадное происшествие студентки постарались забыть. Зла на незнакомого гостя они не держали, снова ходили на занятия, поменяв замок.

Неизвестно, искала ли милиция того незнакомца. Думается, вряд ли. Дело представили как простое хулиганство. А в городе прошёл слух: мол, приезжал младший сын Данилы Пряника, а может быть, внук – сын его дочери. Видимо, он знал, что ценности точно спрятаны в печи. Обманом втёрся в доверие к студенткам, открыв ключом дверь, проник в комнату, разобрал печь. Забрал спрятанные там ценности и быстро покинул Катайск...

Вот такие слухи ходили тогда по нашему городу. Ведь тогда ещё были живы те жители, которые помнили хозяина дома – Данилу Пряника, его семью. Но многое так и осталось тайной. Кто же на самом деле приезжал сюда? Какие ценности были спрятаны там в печи? Этого мы уже никогда не узнаем.

Другая история с кладом случилась 18 сентября 2020 г. при устройстве набережной. Экскаватор с крутого спуска снимал грунт. Проводилось расширение спуска вниз к родникам. Автор этих строк находился тут же. Со своего фотоаппарата я фотографировал эту работу. Проведя съёмку, я ушёл домой. Через некоторое время, а точнее – несколько дней, в районный краеведческий музей к Ольге Сергеевне Зелениной, директору этого музея, зашёл мужчина и сказал, что на этом спуске он обнаружил разбитую керамическую кружку, полную серебряных монет. Мужчина не назвал себя и не представился. Он сказал, что эти серебряные монеты были рассыпаны и он их все собрал. Все они были выпуска начала XX в. Но не сказал, каким достоинством и сколько штук было этих монет. Все монеты он взял себе, не показав ни одной. Только отдал черепок разбитой кружки. Сейчас этот черепок находится в краеведческом музее. Вот такова история неизвестного найденного клада в катайской земле.

История развития Катайска от слободы до города – известная всем документальная хроника. Только история таинственных кладов не имеет подробностей. Мы сегодня мало что знаем о судьбе купцов, торговцев, об их дальнейшей жизни. Известно, что дети «эксплуататоров и кулаков», высланных на Север, выросли и с оружием в руках сражались на фронтах Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Многие из них погибли. Возможно, некоторые клады были случайно найдены. Но всё это скрывалось от властей, потому что львиную долю кладов забирало государство. Может быть, катайская земля ещё хранит свои тайны и ещё найдутся спрятанные купеческие клады? Возможно. Поживём – увидим.

ЛИТЕРАТУРА:

В.И. Антропов «Земля катайская», 2009 год.

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ

«И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ»

(к 95-летию со дня рождения
Б. Н. Карсонова)

Традиционная формула – связь времен – оживает в научном, публицистическом и художественном творчестве Бориса Николаевича Карсонова, в конкретных лицах декабристов и купцов, чиновников и врачей, священников и учителей... Сотни именозвращены им не только нашей памяти, но и, хочется верить, внимательному взгляду будущих поколений курганцев. А сколько им восстановлено исторических событий, связанных с храмами, улицами, домами и усадьбами Кургана, которые так бы и остались неизвестными, исчезнув в темноте времени. И слава Богу, что был Карсонов, освещавший своим волшебным фонарем прошлое, которое не исчезает, но длится.

Детство

Родился Борис Николаевич Карсонов в 1928 г. в селе Оброчном (то же Покровское), которое ранее входило в состав Пензенской губернии, а затем (уже в советское время) в Мордовию. До Москвы около 400 километров. Земли, на которых расположено село Оброчное, получили название Дикое поле и были заселены русскими только в XIV–XV вв. До этого здесь обретались кочевники.

Каковы корни Карсоновых? Происхождение фамилии? До сих пор это остается загадкой даже для такого скрупулезного исследователя, как Борис Николаевич. Есть только версии, одна из которых связана со скандинавским происхождением фамилии Карсоновых.

Зато название села – Оброчное (Покровское) – прозрачно и одновременно символично. Оброк – это дань, которую крепостные крестьяне обязаны были отдавать помещикам с каждого урожая и от содержания домашнего скота. А Покровское – от сельского храма, возведенного в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Во времена Хрущева храм будет разрушен, даже кирпичей не останется.

Позднее Борису Николаевичу удастся восстановить архитектурный облик, историю родного храма, в котором он был крещен.

Совсем маленьким, в пять лет, Боря теряет маму, которая рано уходит из жизни. Мама успеет покрестить своего любимого сыночка. «Помню, я у нее на руках, она

Литвиненко
Дмитрий Андреевич

1954 года рождения. Образование высшее. Известный журналист, заместитель главного редактора городской газеты «Курган и курганцы».

подносит меня к священнику для причастия. Я испугался протянутой ложечки, заплакал. И сразу – что-то теплое и сладкое внутри. И какое-то блаженное спокойствие. Мне два годика. Наверное, первое причастие...».

Все это очнется потом, в другой жизни. И винтовая лестница, по которой они с отцом в погожий пасхальный день поднимались на колокольню Покровского храма. Колокола были еще целы, и он ударит в маленький так, что звон поплынет над полями. Запомнит Боря и то, как поздним вечером придет к заброшенной, заколоченной церкви, проникнет в узкий лаз и окажется внутри храма, замрет от страха, а потом, словно кто-то отпустит, станет спокойно на душе. Одиночество прервется, и он увидит еще сохранившиеся иконы, росписи. Все запомнит...

Началась война. В какой-то момент Борис принимает решение бежать на фронт. Мальчишеский романтизм соединился с трезвым расчетом: продумал маршрут – добираться на товарняках до Куйбышева, а оттуда – на фронт. План частично удался – доехал до «запасной» столицы, куда уже перебралась часть правительства, но деньги и хлеб кончились (а подаяние просить не мог), отправился обратно в Оброчное. Оказался в ремесленном училище, расположенному в стенах Саровского монастыря. Это в 80 километрах от Оброчного. Тогда он еще не был ядерным центром. Отправили по разнарядке. Учили на токаря, именно что учили, потому что сам он – единственный случай в его жизни – учиться не хотел. Завод с его лязгом и шумом, работа с железом – все это было противно душе сельского паренька. Да еще дурное окружение (украли единственную зимнюю кожаную шапку – подарок отца, шинель), полуходячее существование, одиночество...

Закончилась война. Все чаще задумывается: что дальше? За плечами только семь классов сельской школы, надо продолжать учиться. В 1947 г. Бориса призывают на флот. Это был первый послевоенный набор, причем по комсомольскому призыву. Брали лучших. Но штука в том, что Карсонов на тот момент не был комсомольцем. По этому поводу в райкоме сказали: «Ты нам подходишь. Парень правильный... Принимаем тебя в комсомол. Будешь служить на флоте». И здесь начинается новая страница его жизни.

Старший матрос

Флот для Карсонова – это целый мир, о котором он может рассказывать бесконечно, точно припоминая детали флотской жизни – от оснастки кораблей до ширины знаменитых матросских клёшей (35–36 см), которые шили в одной из многочисленных мастерских славного города Севастополя. Иногда в самый низ клёшей еще вшивался медный пятак, который придавал особый шик бравой матросской походке, в такт которой четко «работали» утяжеленные клёши.

Но служба была нелегкой. Постоянные походы в акватории Черного моря, по несколько месяцев без берега. Карсонов вспоминает: «Бывало, после многомесячного похода войдем в бухту Севастополя. Видим Приморский бульвар,

гуляющих людей. С трепетом ждем схода на берег. И тут команда: разворачиваемся на 180 градусов и снова уходим в открытое море. Это было самое тяжелое: жизнь без земли. Честно говоря, это выматывало. Плюс постоянная качка, частые шторма, когда крен корабля достигал критической отметки. Все годы службы – походы, боевые учения...»

Именно на флоте Карсонов делает свой профессиональный выбор – стать журналистом. Он публикуется на страницах газеты Черноморского флота «Флаг Родины» и Севастопольской городской газеты. Выбор случился естественно, органично, словно кто-то заранее определил путь.

1952 год. Борис Николаевич успешно оканчивает вечернюю школу, отправляет документы в приемную комиссию Ленинградского университета. Получает вызов на вступительные экзамены. Ждет демобилизации. Успешно сдав вступительные экзамены, Карсонов становится студентом отделения журналистики филологического факультета ЛГУ.

Университет

За плечами лишь сельская и вечерняя школы. И если бы не последовательное самообразование (и то оно проходило в условиях жесткой флотской службы), то уровень подготовки к учебе в университете был бы совсем слабым. Но природный ум, великолепная память плюс воля и методичный труд сделали свое дело. Он быстро наверстывает упущенное, становится успешным студентом.

Вторым университетом для Карсонова стал Ленинград, город, который уже тогда воспринимался им как Санкт-Петербург. Он знает Петербург наизусть. В его уникальном фотоархиве хранятся снимки сотен зданий исторического Петербурга. О каждом доме он может рассказать со всеми архитектурными деталями и историческими подробностями, объяснив, кто и когда здесь жил и какие события

Борис Карсонов во втором ряду в центре

происходили. Университет и город в точном смысле образовали личность будущего журналиста, писателя, исследователя.

Студенческие годы Карсонова распались на две части: до смерти вождя и после. А «после» – это оттепель, когда глухое молчание нарушилось новыми словами, а понятие «дискуссия» постепенно обретало свой первоначальный смысл. В знаменитой 31-й аудитории филфака проходят встречи с писателями, поэтами, учеными. Здесь когда-то читала свои стихи Анна Ахматова, с которой потом однажды он будет ехать в одном трамвае, но постесняется подойти. Именно в эти годы формируется свободолюбивый, романтический дух поколения шестидесятников, к которому принадлежит Борис Николаевич. Он вспоминает, что само время дышало воздухом свободы, жаждой перемен. Это останется в нем на всю жизнь.

Студенческие годы пролетели быстро. Университет успешно окончен. Теперь – распределение. В Ленинграде Карсонов оставаться не хотел, хотя такие возможности были. В духе времени он мечтал о новых дальних местах, где сможет свободно реализовать свой потенциал. На руках было сразу два вызова из Кургана местных газет – «Красный Курган» и «Молодой ленинец». Вызов в «молодежку» он отдает своему однокурснику Юрию Хлямкову, а сам распределяется в Кургансскую областную партийную газету «Красный Курган».

Курган

Курган конца 50-х во многом еще сохранял черты русского, а затем советского уездного города. Он встретил Карсонова подслеповатыми фонарями, горевшими по вечерам вполнакала, неухоженными, неасфальтированными улицами, в городе было только два автобусных маршрута. Одновременно город оказался уютным, зеленым, почти курортным. И главное – начинал строиться. Все постепенно при-

ходило в движение. Он это почувствовал, но тоска по Ленинграду была велика. Иногда хотелось все бросить и уехать обратно. Спасала работа.

Были и проблемы. Однажды во время командировки в Макушино секретарь райкома пригласил его на заседание районного пленума партии. Карсонов написал интересный материал. Но когда корреспонденция дошла до редактора, тот спросил: «Как ты попал на пленум, ведь ты беспартийный? Не имел права...» Но материал редактору понравился. Стал звонить в обком партии. Там разрешение на публикацию так и не дали.

Проблемы с властными структурами продолжались и дальше. Самая серьезная, как ни странно, связана с именем В. И. Ленина. Друг Бориса Карсонова, народный художник России Герман Травников, вспоминает: «Мало кому известно, что Карсонов досконально знал жизнь Ленина. Помню, когда я показал ему первый проект своего нового дома, он шутя спросил: «А где второй выход? Владимир Ильич никогда не селился в домах, где не было запасного выхода». Герман Травников продолжает: «В преддверии 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Карсонов как лектор общества «Знание» читает лекции о Ленине, в том числе в колхозах и совхозах. Лекции были блестящие, абсолютно правильные, идеологически выдержаные и одновременно простые, доступные. Людям нравилось, он собирал целые аудитории. Оформлял он и фотостенды, посвященные Ленину. За один такой стенд председатель колхоза заплатил ему какую-то символическую сумму. Об этом узнали в обкоме. Тогдашний секретарь по идеологии разгневался: мол, на Ленине деньги зарабатывают. Санкции последовали немедленно. Карсонова исключают из Союза журналистов СССР. Он попадает в «черный список», его перестают публиковать. Но Борис не сломался...»

Главная же причина, навсегда связавшая Карсонова с нашим городом, – это дело, которому он посвятил всю свою жизнь. С момента приезда он начинает постепенно заниматься историей города. Узнает, что здесь жили декабристы. Но что известно о курганской их жизни? Почти ничего. Исследователь, искатель по духу, он начинает восстанавливать прошлое. Курган перестает быть чужим городом. Он оживает в лицах, домах, улицах, событиях.

Труды праведные

Вспоминаю ранний июньский вечер. За окном – летний ливень. Квартира Карсонова. В этой малосенькой однокомнатной «хрущевке» сконцентрировано какое-то невероятное количество информации об истории Кургана. Папки, папки с аккуратными надписями: Кюхельбекер, Свистунов, Наполеон... Господи, он-то какое отношение имеет к Кургану? Оказывается, имеет. Борис Николаевич достает фотокопии писем декабриста Свистунова, сосланного в Курган, к своей родной сестре, бывшей замужем за крупным русским вельможей графом де Бальменом, который, в свою очередь, был послан комиссаром на остров Святой Елены, где под арестом находился Наполеон. Бывший

французский император предлагает русскому комиссару Бальмену огромную сумму только за то, чтобы он вывез с острова письмо Наполеона к российскому императору Александру I. Тот отказывает, о чем сообщает Александру при встрече. Последний во время беседы по привычке чуть ли не отвернул пуговицу с мундира собеседника, одобряя его поступок. Причем все, вплоть до пуговицы, Карсонов, как и всегда, подтверждает документально. И таких историй у него сотни, и все связаны с Курганом. Жизнь для Карсонова не делилась на прошлое, настоящее и будущее. Она едина, и все в конечном счете связаны со всеми.

Карсонов максимально полно восстановил историю жизни декабристов в Кургане. Он знает, как сломал ногу Андрей Розен и зачем его жена Анна назначала свидание знаменитому поэту Жуковскому, приезжавшему в Курган в свите наследника престола, будущего императора Александра II. Он может подробно описать вечерние встречи декабристов в доме Нарышкиных, знает, какие деревья росли в саду дома Розенов... Карсонов – гений подробностей, из которых и состоит жизнь. Можно вспомнить строки Бориса Пастернака: «Всесильный бог деталей, всесильный бог любви». И далее: «А жизнь, как тишина осенняя, подробна».

Но скольких трудов стоит Карсонову добывание и открытие исторических подробностей! Нельзя подсчитать, но лет тридцать из своей жизни Карсонов провел в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга, Москвы, Кургана, других городов России. Он – крупнейший декабристовед, с мнением которого считаются академики, ведущие историки не только в России, но и за рубежом.

Карсонов занимается историей русского купечества на примере жизни известных курганских купцов – семей Смолиных, Балакшиных. В его исследованиях и последующих текстах курганские купцы предстают не «толстобрюхими сатрапами», озабоченными только своей выгодой, но умными, образованными, интеллигентными людьми, вкладывающими средства в развитие родного города, строящими храмы, больницы, дома для рабочих. В одном из своих очерков Карсонов описывает реальный диалог известного курганского купца А. Н. Балакшина со знаменитым анархистом Кропоткиным. Возражая Кропоткину, Балакшин скажет: «У нас есть земство, которое может строить свой социализм без всяких революций и потрясений».

Скромное повествование о жизни и деятельности Бориса Николаевича Карсонова будет грешно неполным без главного. Потомственный крестьянин, крещенный в детстве, пронесший в своей душе через все испытания тихий свет христианской веры, Борис Карсонов внес большой вклад в возрождение православия на Зауральской земле. Борис Николаевич сумел найти место и восстановить обстоятельства обретения чудотворной иконы святителя Николая. Во многом благодаря его трудам икона сегодня вернулась к людям.

Борис Николаевич Карсонов – человек, жизнь которого живой нитью связана с судьбой Александровской церкви в Кургане. С исторической записки Бориса Николаевича о бывшем кладбищенском храме святого Александра Невского, написанной в 1991 г., началась новая история будущего кафедрального собора и его полное восстановление. Благодаря Борису Николаевичу стало возможным перезахоронение в августе 1992 г. оскверненных останков супружеской четы купцов Смолиных, благодетелей Александровского храма. А сколько подлинных документов и чертежей, по которым ныне восстанавливаются храмы Курганской епархии, передал он церковным властям!

**Борис Карсонов
награжден орденом
Сергия Радонежского
III степени.
Вручает орден
архиепископ Михаил**

С конца 80-х – начала 90-х годов начинается новый этап жизни и деятельности Бориса Николаевича Карсонова. Возрождение православия в России, в том числе и в нашем крае, становится для него глубоко личным событием, имеющим определяющее значение для дальнейшей исследовательской деятельности и творчества. Кроме того, открывается городская газета «Курган и курганцы», которая становится надежной площадкой для публикаций Бориса Карсонова. Вынужденное молчание писателя-историка, длившееся в годы застоя, прервано. С начала 90-х гг. в газете «Курган и курганцы» опубликовано более 200 материалов Бориса Карсонова. Его исторические очерки становятся украшением газеты, вызывают широкий читательский отклик.

В 1994 г. в газете «Курган и курганцы» публикуется серия очерков Карсонова, посвященных поискам святых мощей преподобного Далмата – основателя Далматовского монастыря, главной святыни Зауральской земли. По благословению Преосвященнейшего Михаила, епископа Курганского и Шадринского, раскопками руководил Борис Николаевич Карсонов. Раскопки были тяжелыми, работали с раннего утра до позднего вечера. Были и сомнения, тревоги, но Карсонов уверенно направлял раскопки в правильном русле. Все это время он жил в монашеской келье, вставал в пять утра и трудился до ночи. Да и ночи были бессонными, слишком тяжелый груз ответственности взял на себя этот уже немолодой человек – тогда Карсонову исполнилось 66 лет. Но труды праведные увенчались успехом: мощи преподобного Далмата были обнаружены в месте, указанном Карсоновым. Сейчас мощи пребывают в Скорбященском храме Далматовского монастыря. Им поклоняются тысячи паломников, получая духовную и телесную помощь и поддержку. Сам Карсонов после раскопок перенес первый инфаркт, но с Божией помощью быстро поправился.

Борис Карсонов открыл для Зауральцев имя выдающегося нашего земляка архимандрита Антонина (Капустина) – основателя Русской Палестины, 200-летие со дня рождения которого отмечалось в прошлом году. В своих очерках он восстановил, причем в точных, документально обоснованных деталях, жизнь замечательного русского подвижника, сумевшего в сложнейших условиях второй половины XIX в. выкупить в Палестине для России участки земли, связанные с библейскими и евангельскими событиями. Борис Николаевич первым изучил историю Спасо-Преображенского храма в селе Батурино – родине отца Антонина. Сейчас храм постепенно восстанавливается. И в этом есть немалая доля Бориса Карсонова.

Б. Н. КАРСОНОВ

**УЗНИК
ГАТЧИНСКОГО
СФИНКСА**

Челябинск
Южно-Уральское
книжное
издательство
1991

Борис Карсонов
Диалоги времен

Труды Бориса Николаевича Карсонова по возрождению православия в Зауралье по достоинству оценены. В 2005 г. указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Б. Н. Карсонов награжден орденом Сергия Радонежского III степени.

О Борисе Николаевиче Карсонове вспоминает его друг Герман Травников, народный художник России: «Мы дружили с 60-х годов. Самое главное в этом человеке – верность своему делу и честность по отношению к нему. Это качество он пронес через все передряги и катаклизмы своей нелегкой жизни. Это поистине рыцарское служение. По большому счету он совершил настоящий человеческий подвиг, восстанавливая в деталях историю нашего города. Он мог бы защитить не одну докторскую диссертацию. Но ему было некогда – он постоянно занимался новыми и новыми исследованиями».

При жизни Борис Николаевич не был избалован ни вниманием, ни какими-то почестями. Была издана одна-единственная его книга – «Узник гатчинского сфинкса».

В 2015 г. благодаря Герману Травникову, Александре Васильевой, курганскому музеино-архивному сообществу и при поддержке главы города Кургана Сергея Руденко был издан замечательный том исторических очерков Бориса Карсонова «Диалоги времен», 780 страниц.

Уникальный архив писателя-историка находится на хранении в государственном архиве Курганской области.

И все же приходится констатировать, что труды Бориса Карсонова еще не востребованы в полной мере. Впрочем, кто знает эту меру. Да и время сейчас сложное, забывчивое и сиюминутное. Но все вернется на круги своя. Абсолютно очевидно одно: живая история Кургана, история православия на зауральской земле во многом написаны твердой рукой, чистым сердцем и блистательным умом Бориса Николаевича Карсонова.

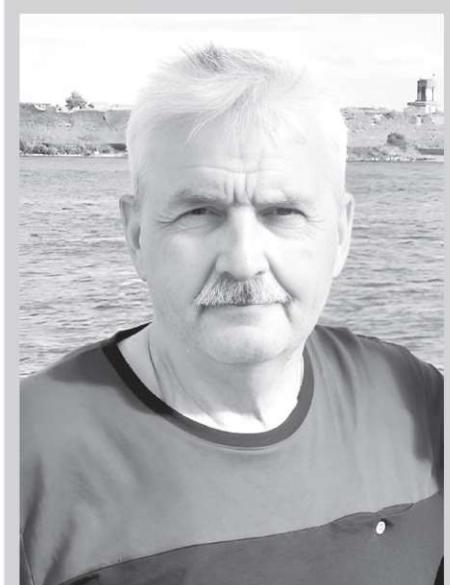
ПОЭЗИЯ

КАК Я ЛЕТО ПРОВОДИЛ...

Меня друг вчера спросил,
Как я лето проводил.
Я вздохнул, потом сказал:
— А я его не провожал.
Оно к осени сбежало.
Жаль, что лета было мало!

БАРАБАНЩИК

Мальчик Гоша, он хороший.
Но однажды пошутил
Над проказником Андрюшой,
В барабан который бил...
Не успеет он проснуться –
Сразу в руки барабан
И стучит, не умолкая,
Бум, бум, бум, тара-та-там!
Куры спрятались, а гуси
Не спешат на водоем:
Грохот, будто канонада,
Лучше дома переждем!
Говорит гусак гусыням:
«Потерпите, там мы сгинем.
Нет, не надо торопиться,
Может, грохот прекратится...»
Но напрасны ожиданья –
Барабанные страданья
Далеко слышны в округе.
А сейчас рассказ о друге,
Тот, который все шутил,
Это делать он любил.
Друг на речку шел рыбачить,
Слышил грохот, это значит
Будет рыбу он пугать...
Друг решил тогда сказать
Барабанщику Андрюше:
«Ты один секрет послушай
Про волшебный барабан:
Нужно взять один стакан
Очень крупного гороха,
Ну и мелкого неплохо,

КАРПУНИН
Андрей Аркадьевич

Родился 28 октября 1961 г. в селе Одинцо Мокроусовского района. В 1972 г. семья переезжает в село Шмаково Кетовского района, где и прошло детство Андрея и его младшего брата Петра. Здесь он окончил среднюю школу. В 1979 г. был призван для прохождения воинской службы, по окончании которой вернулся на родину, поступил на учёбу в Курганский сельхозинститут. В 1987 г. с дипломом «учёного агронома» поступает на работу по специальности в «Курганский совхоз». В 1990-е гг. избирается депутатом Введенского сельсовета, а потом и председателем этого совета.

Пишет стихи, песни и, создав литературное объединение «Жаворонки», занимается творчеством. Самым большим достижением считает написание песни «Фестивальная», которая в 2017 г. на Фестивале молодёжи и студентов стала лауреатом и завоевала Гран-при.

В альманахе публикуется впервые.

И насыпать в барабан.
Будет звук тара-та-там,
Как от сотни барабанов!..
Гоша ж, ловкий до обманов,
Не спеша пошел к реке
С новой удочкой в руке.
Грохот вскоре прекратился:
Барабан-то проходился,
И не слышно барабана.
Стоят рядом два стакана
С крупными горошками,
Рядом – ножик брошенный...
Погрустил Андрей, но маме
Пишет в срочной телеграмме:
«Мама, вышли мне трубу,
Она в комнате, в углу.
Я ее туда приbral,
Когда к нам сосед стучал».

НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

Табурет подставлю ближе,
Загляну в дверной глазок,
Посмотрю: ну кто так долго
Нажимает на звонок?
Папа с мамой на работе,
У сестры свои ключи,
Дед и бабушка на даче...
Вдруг услышал: «Помолчи...» –
Незнакомый грубый голос
Кому-то тихо говорит:
«Никого... Давай откроем!»
Тук-тук-тук в косяк стучит.
Я, конечно ж, не из робких
И совсем не оробел,
Включил радио погромче
И в кастрюлю прохрипел
(как мы делали с Серегой
Из четвертого отряда
На каникулах в «Орленке»):
«Кто такие? Что вам надо?»
За дверями стало тихо,
Вот шаги спустились вниз,
Дверь в подъезде прогремела...
Ничего себе сюрприз!...
Это ж воры к нам хотели
Дверь открыть своим ключом.
Я, конечно, парень смелый!

Я б, конечно, нипочем
Не открыл бы дверь бандитам,
Я б полицию набрал,
Телефон у них «102»,
Я бы все им рассказал!

МИШКА

Мой приятель Мишка
Снова ходит с шишкой!
Не в кармане, а на лбу,
Глаз прищурен, и губу
Повело у Мишки –
Не узнать парнишку!
Его пчелы покусали.
Мы вчера в саду играли.
Дед там пасеку держал,
А приятель мой не знал,
Что тревожить пчел нельзя.
Нужно помнить всем, друзья,
Пчелы только деда знают,
А чужих они кусают.
Если меда захотите –
У хозяина спросите.
Сами в улей – никогда!
Приключится вмиг беда!
Мишка это все познал,
Говорит мне: «Если б знал...» –
И рукой потрогал лоб:
«Я когда-нибудь... да чтоб...»
Замолчал и тронул ухо...
«Да не бойся, это муха!»
Тут мы оба рассмеялись
И на озеро помчались.

ЛАЗЕЙКА

Непорядок, но в заборе
Стала досточка болтаться,
Со двора щенок сбегает –
Надо с этим разобраться,
Перекрыть щенку лазейку,
Чтобы он не убегал.
Молоток достал и гвозди,
Размахнулся, но попал
Не по гвоздику, по пальцу,
Но не плачу, я ж мужчина.
Молоток зажал покрепче,

Глаз прищурил, все прикинул...
Аккуратно, раз за разом
Молотком о гвоздь стучал,
Пару раз попал по пальцу,
Было больно, но молчал...
Перекрыл щенку лазейку,
Пальчик мой еще болит,
Ноготь стал немного синим,
Но щенок со мной сидит.
Языком шершавым лижет
И ласкается, скучит...
А на досточеку в заборе
Как-то искоса глядит.

ШТАНГА

Во дворе в футбол играли,
На воротах друг стоял.
Я штрафной пробить старался,
Но ворота не попал,
Срикошетил мяч от штанги...
Дзынь... и вдребезги окно.
Звон стоял на всю округу.
«Что у вас произошло? –
Закричали нам соседи, –
Разве можно здесь играть!»
Папа строго хмурит брови,
Значит, будет удалять.
На скамью сидеть отправит,
Красной карточкой взмахнет.
Очень жаль, что промахнулся,
Не сравнял пенальти счет.
На скамье сидеть придется,
Потом маме объяснять:
Где с отцом так долго были,
Почему стекло вставлять
Нужно было очень срочно,
Что же, важные дела.
Виноват, но... штанга больше,
Она всех нас подвела.

ЗАМУРЧАТЕЛЬНЫЙ КОТЁНОК

Замурчательный котенок
Подрастает с каждым днем.
Мы нашли его с сестренкой,
Теперь Мурзиком зовем.

Царапучка, непоседа
С очень добрыми глазами,
Куда мы с сестрой пойдем –
Он всегда спешит за нами.
Когда в сад – то он на грядки
И малины не боится.
А когда идем купаться –
Мурзик речки сторонится,
Даже близко не подходит,
Сядет тихо вдалеке,
Лапкой рыльце умывает,
А мы купаемся в реке.
А когда домой вернемся,
Молочка нальем попить.
Мурзик – лучший кот на свете,
Как его нам не любить!

У БАБУШКИ

Говорят, меня к бабуле
На каникулы спихнули.
Ну, зачем вы, так нельзя!
Мы с бабулечкой друзья!
А толкают только тачку –
Нет, не сходится задачка
У того, кто так сказал.
Скоро ехать на вокзал,
Покупать домой билет,
Собирать спешу букет
Для моей бабули...
Что-то слезы глаз кольнули,
Может, маленькая мошка...
Да, обидно мне немножко
С лучшим другом расставаться,
Но у бабушки остаться
Невозможно – школьник я!
Говорят, когда друзья
Дают клятвенное слово –
Оно стоит дорого.
Что мне ей пообещать?
Буду чаще навещать!
Я сдержу, конечно, слово
И приеду в гости снова!

ПРОЗА

МОТОРОВНА

АСТАФЬЕВА
Валентина Васильевна

Родилась в 1953 г. Окончила факультет иностранных языков Курганского государственного педагогического института и юридический факультет Уральской академии государственной службы.

Ветеран Таможенной службы и Службы судебных приставов. Параллельно в течение 25 лет преподавала в КГУ и Курганском филиале РАНХиГС.

В прошлом член Литературной студии В.Ф. Потанина, член редакционного совета журнала «Родник».

Номинант национальных конкурсов «Поэт года–2017», «Писатель года–2017», «Поэт года–2019», «Георгиевская лента–2020». Ее стихи и проза печатались в альманахах ООО «Издательство РСП» в Москве. Награждена Российским союзом писателей юбилейной медалью Ахматовой. Автор сборника стихов «Алая заря» (2020 г.), сборника рассказов «Жираф за печкой» (2022 г.).

В лихие девяностые, еще в самом их начале, на улицах городов только что распавшегося Советского Союза появилось немало потерявших работу и жильё людей, которых людская молва с лёгкой руки сотрудников отделов внутренних дел стала называть легко запоминающейся аббревиатурой БОМЖ – людьми «без определенного места жительства». Сначала это были вполне прилично одетые люди, которых всё чаще можно было встретить во дворе дома возле мусорных баков, в которых они добывали себе и еду, и одежду. При виде такого зрелища у всех, кто жил в ещё принадлежащих им квартирах, в душе селился страх оказаться на месте этих внезапно ставших бездомными людей. И было это вполне вероятно. Заработную плату на предприятиях не выплачивали годами, заменив её разовыми подачками в виде продуктовых наборов, детских цигейковых шапок-ушанок и ботинок фабрики «Прощай, молодость».

В эти лютые годы очень многие попали в бедственное положение и стали продавать свое жильё, чтобы купить меньшее, а на оставшиеся от продажи деньги хоть как-то кормить и одевать своих детей.

А сколько развелось мошенников! Они, как стервятники, стали летать над головами собственников жилья. Эти «предприимчивые граждане» оформляли фиктивные документы на право собственности и силой вынуждали хозяев покинуть квартиры и дома, не получив ни копейки от их продажи.

Страна захлебнулась в криминале. Бомжей в эти годы было невозможно сосчитать. Не всем, попавшим в беду, суждено было выкарабкаться из неё. Многие от горя и уличной жизни стали спиваться, заселили подвалы и чердаки домов, дрались за тёплые места в канализационных колодцах. Их

одежда обтрепалась, лица от суррогатного алкоголя приобрели синий оттенок, и бомжей повсеместно стали называть «синявками» или «синяками», в зависимости от пола. Были они неопрятного вида и очень дурно пахнущими.

До одна тысяча девятьсот первого года такое явление было очень редким, поскольку существовал закон об уголовной ответственности за тунеядство. Бомжи, конечно, были и в те годы, но они боялись угодить в руки правосудия, поэтому их практически не было видно на улицах городов.

В семидесятые годы двадцатого века на весь Курган была известна одна-единственная женщина-бомж, которую все звали Моторовна. Теперь уже никто не помнит, почему к ней приклеилась эта кличка. Скорее всего, из-за того, что была она очень шустрой, скорой на ногу. Эта весёлая, разбитная, постоянно пьяненькая женщина курсировала от ларька к ларьку, где продавали алкоголь, ухитряясь за день пешком обойти полгорода. Была она неопределённого возраста, невысокая и худенькая, говорливая и довольная – когда выпьет, сmurная и сердитая – с похмелья.

Не один год Моторовна жила практически на улице. На ней зимой и летом было одно и то же грязное, замусоленное демисезонное пальто непонятного цвета. Холода она не боялась, закалилась за годы бомжевания, и ничем, похоже, кроме похмелья, не болела. До глубокой осени её частенько видели спящей на газоне возле Молодёжного кафе, что на улице Советской.

Никто не знал, почему её не забирает милиция. Вытрезвитель в те годы работал исправно, но «клиентов» для этого заведения на улицах города хватало и без Моторовны. Вероятно, там знали историю, из-за которой она лишилась жилья и попала на улицу, а остальные горожане, встречающие её практически ежедневно, к тому времени уже привыкли и перестали сочинять всякие небылицы, предполагая мыслимые и немыслимые несчастья, приключившиеся с ней.

Скорее всего, сотрудники городских отделов внутренних дел сочувствовали несчастной женщине, опустившейся на самое дно. Была она когда-то молодой и красивой. Следы былой красоты были отчётливо видны в правильных чертах лица, хорошей осанке и красивой фигуре, которую не портили даже грязная одежда с чужого плеча и давно не мытые волосы с благородной сединой, выбивающиеся из красного вязаного берета. Из-под цветастой юбки были видны красивые стройные ноги, обутые в растоптанные полусапожки.

Её возраст было невозможно определить. На опухшем от постоянного пьянства лице не было ни единой морщинки, оно было гладким и молодым. Седые пряди в тёмных волосах, которые оттеняли её ярко-синие глаза с чёрными густыми ресницами, не взались с молодым лицом. Красивая форма бровей подчёркивала выразительность глаз, ярко-алые, припухшие, как у Мерилин Монро, губы создавали чувственный образ женщины-вамп.

Моторовна бросала своим внешним видом и поведением, в котором сочетались развязность и неожиданная стеснительность, вызов обществу. Она как бы говорила:

– Вот, смотрите! Мне плевать, что вы обо мне думаете! Я не то что вы! Я – свободная! Живу, как хочу!

Но в широко открытых глазах были видны застывшая детская обида и мольба о помощи. Видимо, это сочетание несочетаемого и вызывало в людях жалость к сбившейся с пути красивой женщине. Ходили слухи, что ей периодически кто-то, чаще мужчины, пытался помочь, но женский алкоголизм, как говорят врачи, неизлечим, и Моторовна снова оказывалась на улице.

Я встретилась с ней впервые возле Рябининской бани, что находилась на улице Горького, напротив пивзавода. В советское время, когда горячую воду отключали на всё лето, мы с мужем ходили мыться именно туда, поскольку жили практически рядом. В те годы у входа в баню стоял ларёк, где торговали бочковым квасом и пивом на розлив, которые пользовались большим спросом. После бани многие мужчины брали по одной-две кружки и располагались за рядом стоящими высокими барными столиками, смакуя свежее жигулёвское пиво, которым в те годы славился Курганский пивзавод.

В тот день нам повезло: очередь в баню была небольшой, и мы очень скоро вымылись. На улице было жарко, поэтому муж взял мне стакан кваса, а себе кружку пива. Вдруг откуда ни возьмись из-за угла бани вылетела нелепо, не по сезону одетая женщина, в грязном пальто и ботах на босу ногу, и, не теряя ни секунды, устремилась к нашему столику. Я подумала, что она станет попрошайничать, умолять дать ей пива «в лечебных целях», но ошиблась.

Моторовна, а это была именно она, подскочила к нашему столику и с разбегу сунула в кружку с пивом, которую Сергей поставил на стол, свой грязный с чёрной полосой под ногтем указательный палец и засмеялась издевательски:

— Ага! Успела!

Муж презрительно отставил кружку, чего она и добивалась. В тот же миг всклокоченная женщина жадно, практически одним глотком, выпила пиво. Увидев это, двое мужчин за соседним столиком захохотали.

Но зря они засмеялись! Моторовна, недолго думая, подскочила к их столику, и в мгновение ока засунула свой грязный палец в их кружки тоже, они даже не успели глазом моргнуть. Услышав крепкие ругательства в свой адрес, она моментально ретировалась, скрывшись за тем же углом бани, из-за которого появилась минуту назад. Сильно возмущаясь, мужчины бросили оплаченное пиво и разошлись.

Мы с мужем не успели ещё дойти до угла своего дома, как из ларька послышался сердитый голос продавщицы. Она пыталась прогнать бомжиху, которая уже успела не только вернуться, но и выпить полторы кружки оставленного на столе пива. Летала она, как метеор. Пока продавщица выходила из ларька, её уже и след простила, а мы своими глазами увидели и поняли, почему эта кличка – Моторовна – намертво приклеилась к единственной в своём роде курганской маргиналке, которая бесславно закончила свою жизнь.

Два года спустя, поздней осенью, где-то в конце октября, её тело нашли на газоне возле Молодёжного кафе, в луже, подёрнутой льдом...

ПРОЗА

МИНИАТЮРЫ

БЕЛЫЕ ГРАЧИ

Очередной матч команда Глядянского, ныне Притобольного, района проводила на стадионе соседнего Половинского района. Зрителей собралось здесь немало, и для всех места на деревянных лавках не хватило, так что они расположились вокруг поля кто как может. Предусмотрительные захватили с собой складные стульчики, а кто и домашние табуретки.

В те годы не баловали сельчан массовыми зрелищами, и каждый футбольный матч был для деревенских любителей настоящим праздником. Добавляла заинтересованности и местная торговля – к услугам желающих и квас, и пирожки, и пиво, и шашлыки.

Первый тайм мы выиграли с неоспоримым преимуществом. В перерыве расположились на скамейках, которые гостеприимно уступили нам зрители, отведали забористого кваску. Беседовали с местными жителями на вольные темы, обменивались новостями. И тут наш тренер Иван Павлович Постовалов воскликнул:

– Ребята, вы только поглядите, грачи-то здесь черные!

По беговой дорожке неподалеку от нас действительно с сознанием собственного достоинства прогуливались, только изредка поднимаясь на крыло, черные грачи.

После некоторой паузы кто-то из зрителей спросил:

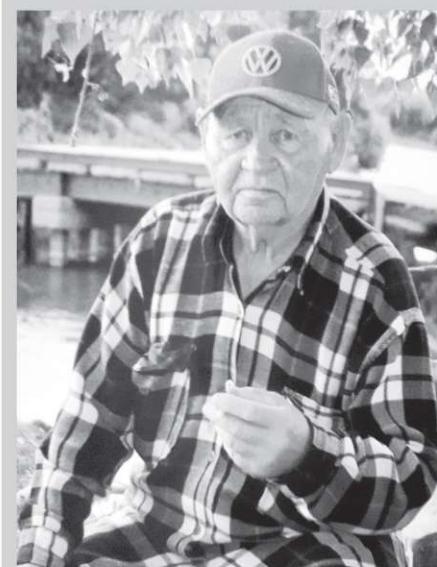
– А какие же они должны быть?

– Так белые же! Ну разве что реденько в паловую крапинку. У наших грачей только носы черные, вот как у ваших.

– Ну надо же!

– Что надо же?

– А то, что человек шуткует, а вы и уши растопырили.

БУНИН

Олег Вячеславович

Родился в 1939 г. в г. Кургане. После школы окончил Курганский сельскохозяйственный институт, а затем филологический факультет Курганского педагогического института. С тех пор постоянно пишет стихи, рассказы, очерки. Долгие годы работал в газетах Притобольного и Звериноголовского районов, в том числе редактором районных газет.

Публиковался в газетах и журналах Зауралья, автор двух книг прозы. Заслуженный работник культуры России, сейчас на заслуженном отдыхе. Почётный гражданин Притобольного района.

Живет в селе Глядянском.

Только тут раздался дружный смех. И со всеми вместе смеялся наш тренер. Что ни говори, а добрая шутка всегда к месту.

В ОТВЕТ ЗАЛАЯЛИ СОБАКИ...

Великим оптимистом был наш старший товарищ Георгий Иванович Даниловский. Хохмач, каких еще поискать. Любую маленькую житейскую драму мог обратить в веселое происшествие. И шутки его были такие беззлобные, безобидные, остроумные. Зачастую смеялся он и давал всем повод смеяться над самим собой. Природу любил беззаветно и не упускал случая побывать в хорошей компании на охоте или на рыбалке.

Поехали мы как-то под осень на Тобол, туда, где в него впадает речка с коротким названием Уй. В этом устье перед ледоставом жировал окунь. Жадно, бесшабашно клевал он на блесны. И не только окунь. Во всякой рыбе об эту пору просыпается хищник. На крючке нет-нет да и оказывается то чебак, то подъязок, а то и ерш покрупнее.

Подмечал же А. Чехов: «Лещ осенью, сьевши маленькую рыбешку, тайком вытирает салфеткой губы и оглядывается – не заметил ли кто?»

В общем, веселая, добычливая ловля.

Не везло в этот день только Георгию Ивановичу. С годами стал он слабоват глязами. И перепутал все свои лески, пообрывал блесны. В итоге остался без добычи.

Присели перед обратной дорогой на высоком берегу попить чайку. Георгий Иванович с апломбом заявляет:

- Больше сюда меня не возите! Заколдованное место...
- Да ведь первый с удочками прибежишь, когда вдругорядь соберемся!
- Ни в коем разе! Меня вы сюда доставите только в двух случаях: или в лохмотья пьяного, или связанного!

В глухую пору средь зимы пытались мы блеснить на знакомом озере. Клева никакого. Собрались на берегу, достали термоса, немудрящую снедь. Удочки остались у лунок – кто же соблазнится неподвижной блесной. Непоседа Георгий Иванович зачем-то спустился на лед, но тут же вернулся.

- Ну что там, не клюнуло? – мы с подковыркой спросили у него.
- Да вот у Валерия кивок как будто несколько раз дрогнул.
- Да ну, – усомнился тот.

Но все же поспешил к своей лунке.

- Сейчас будет самое интересное, – возвестил Георгий Иванович.

Валерий меж тем, как опытный рыболов, почувствовав сопротивление на леске, осторожно выбирал ее. Наконец из лунки показалась тупая черная морда ... калоши. И тут над озером раздался дружный хохот, от которого все сороки в округе поднялись на крыло, а в ближайшей деревне в ответ столь же дружно залаяли собаки.

НЕ БОЛИТ ГОЛОВА У ДЯТЛА

Большим поклонником змия зеленого был Дмитрий Петрович Константинов. Одно время он занимал ответственную должность в райкоме партии, отвечал за

слесарные дела. А тут подоспело время подготовить отопительную систему здания к зиме. Дело он знал. Но как совместить полезное с приятным? Да и, прежде всего, создать видимость кипучей деятельности. «Возьмем, к примеру, дятла, — размышлял на досуге бравый слесарь. — Самого не видать, а стук слыхать далече. Чем он занят — неведомо. Главное — стучит, стало быть, хлопочет по делу, трудяга! Берите с него пример!»

И вот с самого начала рабочего дня он с объемистым баулом по вертикальной лестнице забирается на чердак. В бауле все необходимое — и то, что брякает, и то, что булькает. Время от времени он постукивает по трубе отопительной системы гаечным ключом, а стук этот разносится по всем кабинетам.

— Что за гром среди ясного неба, — беспокоятся, а то и возмущаются обитатели кабинетов.

— Не извольте волноваться, — успокаивает их заведующий хозяйственными делами. — Это наш слесарь старается, тепло на зиму запасает.

И все бы ничего, только однажды по завершении рабочего дня Дмитрий Петрович был не в состоянии самостоятельно спуститься по крутой лесенке. Пришлось прибегнуть к помощи партийного аппарата.

— Сколько бы ни стучал по сушинам дятел, не болит у него голова. А вот у нашего слесаря в очередной раз разболелась. Куда ты денешься от этого похмельного синдрома?

К тому же и забот прибавилось — надо подыскивать новое место работы...

ПОСТАРАЙСЯ СЕБЯ НЕ ТЕРЯТЬ

Наша футбольная команда в тот сезон не знала поражений. Глядянский «Урожай» последовательно побеждал на первенстве области, на зоне Урала и Сибири в Красноуфимске, и завоевала право участвовать в финальных баталиях на первенство России в городе Дербенте. Все это благодаря хлопотам тренера И. П. Постовалова и бескорыстному энтузиазму игроков. Выступили мы там весьма достойно, заняли в итоге почетное шестое место, что нашло отражение в альманахе «Зауральский футбол в XX веке».

Команду нашу сопровождал, исполняя ответственную роль комиссара, секретарь парторганизации автохозяйства Сергей Евграфович Охонин. Такое поручение ему было дано районным комитетом партии.

Надо сказать, он выполнял это партийное задание с усердием. Вот пример тому.

Мы как-то с Олегом Свиридовым в день, свободный от игры, отправились в горы полюбоваться на знаменитую крепость Шамиля. Нас вскоре хватился наш комиссар:

— Почему не доложились? И куда направились?

— По некоторым данным, в Турцию намылились. Тут ведь граница недалеко.

И как мы без них будем поправляться? Надо будет, Сергей Евграфович, выйти на поле в составе команды. Так что примеряйте бутсы и футболку! — подлил масла в огонь Иван Павлович.

Что тут было... Досталось нам с тезкой на каленые орехи.

И вот мы из благодатного юга, где даже в городе свисают через заборы виноградные гроздья, возвращаемся в октябрьское Зауралье. Расселились в одном вагоне. Застучали по рельсам колеса. Пыхтит, но резво тянет свой длинный хвост

паровоз. Все стихло. И вдруг посередь ночи шум-суматоха. Это комиссар тормошил тренера:

- Да проснись же ты! Человека недостает.
  - Какого еще человека?
  - Из команды, какого же еще!
  - Хорошо считал?
  - Не на один раз! Что делать-то будем?
  - Что делать? Ничего. Дальше ночевать.
  - Да брось ты свои шуточки! По списку нас шестнадцать, а в наличии только пятнадцать.
  - Пятнадцать, говоришь? А себя-то сосчитал?
- Сергей Евграфович хлопнул себя по лбу ладошкой. Дальше – немая сцена...

ПЬЁМ КОРОВЬЕ МОЛОКО

Любители спорта со стажем, конечно, помнят Ивана Павловича Постовалова как председателя ДСО «Урожай», умелого организатора и бессменного тренера футбольной команды, в течение многих лет с успехом выступавшей на зеленых полях области и России. Он оставил приметный след в жизни, что дано далеко не каждому. Еще он запомнился землякам поистине неистощимым народным юмором.

Сельчане, проводив в летнюю пору скот на пастбище, обычно не спешат вернуться домой.

Когда, как не этим теплым утром, когда над рекой золотится в лучах выходящего солнца туман, пообщаться с односельчанами, обменяться новостями. Больше говорят о том, чем живут, чем озабочены.

– Моя корова, слава Богу, удойливая. Примешься доить – ведра иной раз не хватает.

– Что и говорить, с коровкой в хозяйстве благодать. Тут тебе и молоко, и сметана, и маслище.

– Вот только забот с животиной хоть отбавляй. Ну да ведь не нами еще сказано – без труда и рыбку не вынешь из пруда.

Погодившийся тут Иван Павлович заметил:

– А я вот верблюдицу завел. С ней управы почти никакой. Ест все подряд. Поить можно раз в неделю, только доить каждый день. А уж молоко какое жирное – что твоя сметана.

Досужие бабы сразу навострили уши:

– Где ж ты ее достал?

– Да узбек знакомый подарил из уважения. Больно уж по душе пришелся ему алкогольный самиздат. Пришлось, правда, крышу во хлеву поднимать и ворота повыше прорубать, чтоб горбами не упиралась. Зато теперь не нарадуюсь. Молока нам и соседям хватает!

– Слыши, что человек говорит? – пихнула предприимчивая бабенка своего супруга. – Что столбом стоишь да молчишь, как истукан. Проси его, может, он и нам верблюдицу доступит.

– Похлопотать, конечно, можно, – ответствовал Иван Павлович. – Только ведь даром он не подсуетится.

– Ты только обнадежь, мы за расходами не постоим. Окупятся, небось.

– В первый же год! А главное – не надо будет каждый день вскакивать ни свет ни заря.

– Может, и взаболь развести верблюдов, – подмигнув рассказчику, подлил масла в огонь сообразительный мужичок. – Климат наш, говорят, подходит. Голимая выгода, однако. И сплошное облегчение в управе.

– И надо же такое придумать, – крутили потом головами сельчане. – Веселый ты человек, Иван Павлович. С тобой не соскучишься. Может, угостишь когда верблюжьим молоком?

Пьют молоко коровье дорогие мои земляки, с улыбкой вспоминая искрометные шутки деревенского хохмача.

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

ЖАРОВА
Анна Сергеевна

Выпускница Курганского государственного университета, кандидат исторических наук. Является автором научных статей по истории края. Автор серии книг «Детям о Кургане».

В альманахе публикуется впервые.

СКАЗКА «МЫШКА, ПРИНОСЯЩАЯ СЧАСТЬЕ»

В одном городке жила маленькая Девочка. Когда она только родилась, мама сшила ей мышку. Мышка получилась очень забавная, похожая на вытянутый мячик из желтых и оранжевых лоскутов. У нее не было лапок, но зато она умела забавно шевелить носиком и подмигивать глазками. Ну, по крайней мере, Девочке так казалось.

Мышка, названная Мышкой, очень нравилась своей маленькой хозяйке. Каждый вечер Мыша рассказывала Девочке новую сказку, и та засыпала, прижав к себе тряпичную подружку. Девочка росла, и у нее появились другие игрушки. Первым соседом Мыши стал добродушный и немного застенчивый Мишка, затем на диване поселился Зайчик-с-барабаном, а потом и Гномик. Все они стали добрыми соседями и очень нравились Мыше. А то, что Девочка все реже играла с ней, Мишу совсем не обижало. Она ведь стала уже старенькой, и маме однажды даже пришлось зашить дырку на ее спинке. Больше всего ей теперь нравилось сидеть где-нибудь на полочке и мечтать.

Но однажды все изменилось. Девочке на день рождения подарили очень красивую Куклу. Кукла жила в отдельном домике, а не на спинке дивана, как другие игрушки. И у нее было много-много красивых платьев. Мышка почему-то решила, что Кукла пригласит их в гости на чай, и они подружатся. Но Кукле новые соседи явно не понравились.

– Да-а, – презрительно протянула Кукла, оглядывая диван с его жителями, – ну и соседи у меня. Да вы просто старье! Такими игрушками уже давно не играют.

– Мы, это... Мы совсем не старье, – обиженно засопел Мишка, – просто мы давно уже тут живем.

– Вот-вот, – с улыбкой превосходства кивнула Кукла, – одно слово – «старье»! То ли дело я! Вон у меня и домик красивый, и платья нарядные. А у вас что? Вот возьму и попрошу Девочку купить мне подруг. Мы будем ходить друг к другу в гости, пить кофе, болтать. А вас я попрошу выкинуть. Да, выкинуть!

– Зачем нас выбрасывать? – застучал по барабану Зайчик, – с нами ведь интереснее играть, чем с тобой.

– Правильно, – согласился Гномик, а Мишка согласно кивнул.

– Хм, – гордо задрав голову, Кукла удалилась в свой домик.

Мыша не стала ничего говорить, но Кукла ей совсем-совсем не понравилась.

– А вдруг, – со страхом подумала Мышка, – Девочка действительно нас решит выбросить. Нет, наверное, все же нет, она ведь у нас добрая. Ну, пусть она будет больше с Куклой играть, только бы нас не выбросила.

На следующий день Девочка пошла играть во двор и взяла с собой все старые игрушки, только Кукла осталась дома совсем одна.

– Вот видите, – прошептал своим друзьям Гномик, – Девочка нас взяла и с нами играть будет.

– Точно, – кивнул Зайчик, – а эта гордячка пускай дома сидит, а то «старье» да «старье». Но мы ведь совсем не старые, правда?

Мишке и Мыше согласно кивнули.

Но девочка недолго играла со своими игрушками. Она посадила их на скамейку и сказала:

– Какие же вы все-таки скучные и старые! Оставайтесь лучше здесь. Может, вас кто-нибудь и подберет, а я пойду играть со своей новой Куклой.

– А-а как же мы? – растерянно спросил Мишка, когда Девочка ушла.

– Мы не нужны, – повесил голову Зайчик-с-барабаном, – может, Кукла права, и мы стали просто слишком старыми.

А Мыше очень хотелось плакать, но, мужественно сдержав слезы, она только грустно пискнула.

– А ну не раскисать, – скомандовал Гномик, – мы найдем себе новых хозяев, гораздо лучше.

– Как найдем? Мы же игрушки, и мы не умеем ходить, – с тоской в голосе спросила Мышка.

– Значит, они нас найдут, – не растерялся Гномик.

И все случилось так, как он и сказал. Ну, или почти так. Дети, играющие во дворе, заметили грустные, сидящие на лавочке игрушки.

– Смотрите, смотрите! – позвал всех Маленький мальчик, – здесь игрушки!

– А чьи они? – спросила Рассудительная девочка. – Хотя раз их бросили, значит, они ничьи, и мы можем взять их себе.

– Чур, я возьму Мишку! – крикнул Маленький мальчик. – Я научу его водить машину и буду катать на своем грузовике.

– А я возьму Зайчика, – застенчиво сказала Рассудительная девочка, – я его на кормлю сладкой морковкой, а он будет для меня играть на барабане.

Еще один мальчик забрал Гномика. Вот так игрушки нашли себе новых хозяев, все, кроме Мышки. Ее так никто и не взял, и она осталась лежать на скамейке.

– Наверно, я слишком старая игрушка, раз никто не захотел меня взять с собой, – с горечью думала Мышка. Я так и буду лежать тут на скамейке, а потом пойдет дождь, и я вся-вся промокну.... А вдруг какая-нибудь собака порвет меня на лоскутки...

Тут Мыша не выдержала и горько заплакала. Она громко шмыгала своим оранжевым носиком, стряхивая бегущие слезы.

Уже наступил вечер, а Мышка все так же лежала на скамейке одна-одинешенька.

– Буду плакать, пока не умру, – решила она, – все равно я никому-никому не нужна.

– Р-р-р, гав, – раздалось над самым ухом Мышки.

Та подняла глаза и застыла от испуга. Она увидела большого лохматого пса, и этот пес стоял совсем рядом и в упор смотрел на Мышку.

- Вы меня не укусите? – робко решила поинтересоваться Мыша.
- А зачем мне тебя кусать, – хмыкнул пес, – ты же не сахарная косточка. А кстати, меня зовут Барбос, а ты кто?
- Мышка. Я – игрушка, и меня выкинули, – пропищала Мышка и снова заплакала.
- Не стоит из-за этого плакать, – философски заметил пес, – меня вот тоже выкинули. Правда, тогда я был еще глупым щенком. И ничего страшного. А вообще-то хорошие люди здесь есть. Вон, ребята из третьего двора меня кормят. Не всегда, правда. А еще они мне будку построили. Только я в нее не помещаюсь – то хвост торчит, то голова, а недавно вообще крыша провалилась.
- Барбос рассказывал так забавно, что Мыша даже грустно улыбнулась.
- Хм, мне скоро пора ужинать. В пятом доме, – пояснил пес, – хорошая старушка живет. Через день кормит, правда, в основном кашей, но недавно даже колбасы дала. Видно, за хорошее мое поведение.
- Приятного аппетита, – пропищала мышка.
- Немного помолчав, Барбос сказал:
- Слушай, а давай я тебя к этой старушке отнесу. Может, возьмет тебя, будешь у нее подушечкой для иголок.
- Я не хочу для иголок, – возразила Мышка, – я хочу, чтобы со мной играли.
- Я все же игрушка.
- Ну знаешь, лучше стать игольницей и жить в доме, чем тут пропадать. Все равно никуда не убежишь, лапок-то у тебя нет.
- Нет, – покорно согласилась Мышка, – ну, ладно, буду игольницей, лишь бы здесь не оставаться. А ты как? Может, ты попросишь, чтобы старушка и тебя взяла?
- Это вряд ли, – рассмеялся Барбос, – кто возьмет бездомную, беспородную собаку. Да и мне легче, чем тебе, лапы есть, бегаю быстро. Могу и в подвал забраться, если дождь пойдет, ну или снег. Не пропадем! Ладно, пошли, отнесу тебя.
- Мыша даже испугаться не успела, как Барбос аккуратно взял ее в зубы и понес к дому старушки. Как пес и предполагал, ужин для него уже был готов. Но сегодня к Бабушке приехала маленькая Внучка.
- Вот, скоро нахлебник пожалует, – ворчливо сказала Бабушка, ставя на крыльце миску с кашей, – всегда как по расписанию приходит.
- Какой нахлебник, бабушка? – вертелась под ногами Внучка.
- Да пес тут один живет, бросили его, бедного. Хороший, правда, ласковый.
- А может, мы его себе возьмем? С нами будет жить. И квартиру охранять будет.
- Только собаки нам и не хватало, – проворчала Бабушка, – тебе-то забава, игрушка, а ему ласка, уход нужен. И кормить его надо, и выгуливать. А я уже старая с собакой по двору бегать.
- Я буду за ним ухаживать, бабуль, ну пожалуйста, давай возьмем.
- Сказано же нет, значит, нет. Вон он бежит, твой любимчик, и тащит что-то.
- Барбос еще издали увидел Внучку и очень обрадовался.
- Хорошо, что девочка приехала. Может, она и возьмет Мышу, будет с ней играть,
- подумал пес и осторожно положил игрушку к ногам Внучки.
- Ну и что ты тут приволок? – строго посмотрела на пса Бабушка. Старую игрушку? Зачем она тебе, скажи на милость? Давай ешь иди.
- Но пес не шел к миске, а только подтолкнул носом Мышку к девочке поближе.
- Что это, песик? – Внучка присела на корточки возле Мышки. – Бабуля, смотри, она… она плачет!

Из черных глаз Мыши катились крупные, прозрачные слезы. Она все боялась, что сейчас ее, такую старенькую, просто выбросят и навсегда забудут.

– Да что же это такое творится на белом свете, если даже игрушка плачет, – всплеснула руками Бабушка и, взяв Мышку на руки, ласково спросила: – Неужто тебя так обидели, сердешная?

– Кто же мог выбросить такую игрушку? Бабуль, можно, я ее себе возьму?

– Бери, конечно. Только знаешь, мне кажется, это необычная игрушка, раз она может так чувствовать. Наверное, она принесет тебе счастье, – задумчиво произнесла старушка. – А знаешь что, внученька. Давай мы и Барбоса этого возьмем. Если уж брошенная игрушка плачет, то псу-то каково, а? Только вот что мы маме с папой скажем?

– Ура!! – запрыгала вокруг Бабушки девочка. – А мама и папа мне щенка хотели подарить, и мы им скажем, что теперь не надо. У меня уже есть собака.

Барбос стоял возле тарелки с недоеденной кашей и не мог поверить в свое счастье. Он тут же поклялся самой страшной собачьей клятвой, что грудью заслонит бабушкину квартиру от всех воров и искусает всех хулиганов, если они будут приставать к Внучке.

– Ну, ладно, – вздохнула Бабушка, – бери свою Мышку, и пойдем. А то нам еще этих двоих вымыть надо, уж больно они грязные.

Вскоре чистая Мыша мирно сохла на батарее.

– Надо придумать тебе имя, – Внучка ласково погладила свою новую игрушку и почесала за ушком. – Ты похожа на маленький мячик. Придумала! Тебя будут звать Мышка-мячик.

– Мышемячик, – улыбнулась Мышка, – а что? Мне нравится.

– Ну, как ты тут? – подошел к Мыше вымытый, причесанный Барбос. – Вот видишь, и нашлись для тебя новые хозяева.

– Да. Спасибо, что не оставил меня на скамейке, – пропищала Мышка.

– Это тебе спасибо.

– За что? – изумилась Мышка.

– Без тебя меня бы не приручили. Не знаю, как Внучке, а мне ты уже принесла счастье.

Ночью, уже засыпая в кроватке возле Внучки, Мышка подумала, что она действительно необыкновенная мышь. Мышь, приносящая счастье.

ПУБЛИЦИСТИКА

**ФИЛИМОНОВ
Владимир Иванович**

Родился 6 февраля 1952 г. в районном поселке Мишкино. Окончил Свердловское военно-политическое училище. Служил в армии. Член Союза писателей России. С 2008 по 2019 г. – руководитель Курганской областной писательской организации. С 2015 по 2023 г. – редактор альманаха «Тобол».

НЕСЛУЧАЙНЫЕ СЛУЧАЙНОСТИ

История, о которой я хочу рассказать, началась случайно.

Однажды в Новосибирском санатории «Ельцовка» от избытка времени и сил я забрел в местную маленькую библиотеку и выбрал наугад несколько книг. Случайно ли?.. Не уверен. Будто само пророчество вело меня к факту, тайне до сегодняшнего дня, от познания которой вздрогнут и ваши сердца.

Одна из выбранных книжек называлась «Поход «Челюскина», издательство ОГИЗ Северкрайиз, Архангельск, 1935 год. Ее автор – матрос (?) Александр Миронов. Тираж 10 тысяч экземпляров. Много фотографий, похожих на рисунки тушью на влажном листе бумаги. Прочитал несколько первых страниц – и меня просто захватили события небольшой, в 212 страниц, книжечки.

В ней писалось об одной из историй освоения Северного морского пути. Итак...

2 августа 1933 г., взяв на борт 112 человек, пароход ледокольного типа «Челюскин», построенный в Дании по заказу советского правительства, вышел из Мурманска во Владивосток, отрабатывая схему доставки грузов по трассе Северного морского пути за одну летнюю навигацию.

1 сентября в Чукотском море пароход встретился со сплошными льдами и 23 сентября оказался полностью ими заблокирован. «Челюскин» дрейфовал вместе с экипажем в течение почти пяти месяцев.

13 февраля 1934 г. в результате сильного сжатия «Челюскин» был раздавлен льдами и затонул в течение двух часов. Все члены экспедиции высадились на лед в Северном Ледовитом океане.

Неугомонный радиостанция Кренкель по распоряжению начальника экспедиции Отто Юльевича Шмидта шлет радиограмму о гибели «Челюскина» и получает ответ: «Лагерь челюскинцев, Полярное море, начальнику экспедиции Шмидту. Шлем героям-челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за вашей героической борьбой и принимаем все меры к оказанию помощи. Уверены в благополучном исходе вашей славной экспедиции и в том, что в истории борьбы за Арктику вы впишете новые славные традиции. Сталин, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович».

Тот самый
«Челюскин»

Через два дня после гибели судна в Москве была образована специальная комиссия, которую возглавил Валериан Куйбышев. Эвакуация лагеря осуществлялась с помощью авиации.

Представители девяти национальностей были в экспедиции! Они ставят палатки, строят склады и столовую, 20-метровую вышку с красным флагом и аэродромы, изучают теорию и практику стрельбы из винтовки, выпускают стенгазеты, читают вслух стихи, слушают лекции по дидактике, философии и диалектическому материализму, которые читает морякам сам Отто Юльевич Шмидт, сражаются с морозом и белыми медведями, сочиняют частушки и проводят научные исследования, организуют собрания и поют «Интернационал». Даже общая газета в лагере называлась «Не сдадимся!». Порой трещины во льду грозят обрушением жилья, ломают аэродромы, но люди действительно не сдаются!

5 марта 1934 г. лётчик Анатолий Ляпидевский на самолёте АН-4 первым пробился к лагерю и снял со льдины десять женщин и двух детей. Последний рейс был совершен 13 апреля 1934 г. Всего лётчики совершили 23 рейса, полярники были эвакуированы, а 19 июня 1934 г. в Москве участникам экспедиции была устроена торжественная встреча с руководителями советского государства и жителями столицы. Очень торжественная!

7 лётчиков, снявших челюскинцев со льдины, стали первыми Героями Советского Союза. Непосредственные участники зимовки были награждены орденом Красной Звезды. Все!

Это, так сказать, прелюдия.

На странице 34 вышеупомянутой книжечки с большим количеством событий и имен впервые появляется фамилия Виноградов: «На следующий день качка утихла. Это было нам на руку, комсомольцам: мы праздновали XIX МЮД (Международный юношеский день. – Авт.). Из лучших комсомольцев судна организовали сквозную комсомольско-молодежную вахту во главе со штурманом Виноградовым – **двадцатидвухлетним моряком**. (Запомним этот возраст и фамилию).

Страница 58: «Однажды на вахте третьего штурмана Виноградова был погнут баллер руля. Набирая расстояние для разгона судна, штурман не успел вовремя остановить машину, и пароход очень сильно ударился рулем об лед. Пароход перестал слушаться штурвала. Это очередное несчастье было стойко встречено всеми челюскинцами. Неисправность ликвидировали с помощью тросов и лебедки. Эх, штурман, что ж ты так... Аккуратнее надо бы».

Страница 89: «Первым на заседании комсомольского бюро разбирали заявление штурмана Бориса Ивановича Виноградова, попросту Бори. Он подал секретарю

ячейки Мише Ткачу четвертушку бумаги и скромно остановился у дверей каюты. Штурман писал: «В условиях зимовки я не имею права быть в стороне от комсомольцев – застрельщиков трудной борьбы. Я хочу вместе с ячейкой жить и работать, шагать в ногу с комсомольцами».

– Вам сколько лет, – спросил секретарь ячейки.

– Я родился в 1911 году. (*Запомним эту дату*).

– Бюро решило принять вас в комсомол. На ближайшем собрании будем утверждать.

– Я оправдаю ваше доверие, товарищи, – волнуясь, ответил Виноградов. – Прошу бюро считать меня мобилизованным на любую работу ячейки».

Страница 109: «После обеда ко мне забрел штурман Виноградов. Он предложил сыграть в шахматы. С приближением поражения Борис мрачнел... Вновь наступила сосредоточенная тишина, которую нарушил резкий, гулкий удар в корпус судна»...

Вот и конец книжечки. Участники экспедиции выдержали все и вернулись домой с победой над стихией. Честь им и слава! Среди них – третий штурман (помощник капитана) парохода Виноградов Борис Иванович.

В книге Петра Буйко «Записки челюскинца», появившейся в издательстве «Молодая гвардия» (Ленинградское отделение, 1934 год), тоже проскальзывает фамилия Бориса Виноградова.

Стр. 37: «Штурман Виноградов на руле, летчик Бабушкин на носу».

Стр. 67: «За это время комсомол корабля вырос. Повар Юра Морозов и штурман Виноградов были приняты в коллектив».

Стр. 75: «Нормально», – нарушил молчание комсомолец Виноградов. Это было его любимое слово».

Стр. 84: «В момент гибели «Челюскина» штурман Виноградов успел перерубить тросы, на которых висели шлюпки. Они достались нам и очень потом пригодились».

Стр. 97: «Штурман-комсомолец Борис Виноградов агитирует среди молодежи: «Предлагаю дело. Организоваться в группу человек 6–8 и, когда лед разойдется, пройти к берегу по воде на вельботе»...

Вы спросите: а почему это я все время акцентирую внимание на этой фамилии? Скоро узнаете...

И так меня заинтересовала тема экспедиции, что я по возвращении из отпуска нашел в библиотеке трехтомный труд «Поход «Челюскина» (издательство «Правда», Москва, 1934), в первом томе которого шел подробный рассказ о самой экспедиции, второй том – воспоминания участников экспедиции, а третий том – воспоминания летчиков «Как мы спасали челюскинцев» – и продолжил знакомство с героическим событием из истории Советского Союза. В конце первого тома – серия фотографий с краткими биографиями.

**Фото Бориса Виноградова
из трехтомника «Поход «Челюскина»**

И вот тут я вздрогнул. На странице 456 я увидел фото и прочел следующее: «Виноградов Борис Иванович. Штурман. Родился в 1911 году в городе Кургане бывшей Тобольской губернии. На водном транспорте работает свыше семи лет. В 1928 году участвовал в гидрографической экспедиции в Тихом океане. Член ВЛКСМ». И я воскликнул: «Так что же это получается? В составе экипажа того самого парохода «Челюскин»! в составе экспедиции, прогремевшей на весь мир своим героическим подвигом! был наш, курганский! двадцативосьмилетний моряк 1911 года рождения?!» Я был потрясен. И начались поиски подтверждения этого факта.

Найти в Кургане дату рождения человека до революции можно лишь одним способом: проверить метрические книги Александро-Невской, Троицкой, Богородицко-Рождественской и Спасо-Преображенской церквей, в которых зафиксированы все родившиеся по годам и датам; списки заключивших брак и венчавшихся в церкви; списки умерших.

Я пошел в Государственный архив Курганской области по улице Свердлова и честно просмотрел их все за 1911 год. Шуршили страницы толстенных метрических книг, заполненных каллиграфическими почерками неведомых и давным-давно ушедших из жизни писцов. А дело их живет и пользуется, судя по всему, спросом. Для себя отметил, что нижние уголки правых страниц были темнее, чем они сами. Некоторые взволнованные поисковики, возбужденные находкой, даже надорвали в экстазе листы. Не я первый, не я последний, видать, касался этих, священных для истории, книг. И появилось мнение: хорошо бы фолианты прошлого перелистывать в белых перчатках. Или сканировать их и выложить в электронном виде... А подлинники уже никогда не трогать.

Через некоторое время, нежно перебирая страницы Фонда № 235, опись 3, № 2694 Александро-Невской церкви, я наткнулся на такую запись: «28 июня 1911 года учителя Курганского Богородице-Рождественского приходского училища Ивана Ивановича Вятских и его жены Ольги Ивановны родился сын Борис.

Воспримениками (*свидетелями. – Авт.*) рождения ребенка были камышловский мещанин Пермской губернии Николай Георгиевич Буторин и курганская купеческая вдова Юлия Александровна Катахина».

Справедливости ради нужно сказать, что в метрических книгах за 1911 год были и три других Бориса, но они – из окрестных деревенек Силкино, Замарайка и Новая (Рябково), привезенные для крещения в курганских церквях. Рожденный в Кургане – один, Вятских Борис Иванович.

Фамилия Юлии Александровны Катахиной была мне смутно знакома. Но почему – я так и не смог припомнить. А потому обратился к ведущему краеведу Курганской

области Александре Михайловне Васильевой. Она рекомендовала обратиться к первому тому своей книги «Курганское купечество», страница 314, спасибо ей за эту бескорыстную помощь.

Выписка из книги: «Из биографии купца 2-й гильдии по городу Кургану Катахина Ивана Васильевича и его детей: «Из челябинских мещан. Был женат на курганской мещанской дочери Юлии Александровне Подкорытовой. С 1893 года – купец 2-й гильдии. Отец трех детей: Ольга, Дмитрий, Леонид. Умер 28 декабря 1900 года.

Ольга Катахина двадцати трех лет вышла замуж за учителя Курганского Богородице-Рождественского училища Ивана Ивановича Вятских, своего ровесника. Венчал их 6 июля 1911 года в Александро-Невской церкви отец Николай Богословский»...

Повторю: фамилия учителя была Вятских... А я веду речь о Борисе Виноградове...

А что если предположить, что человек поменял фамилию, когда подрос? Могли сын учителя приходского училища и купеческой дочери, по сути – классовых врагов с «социально вредным происхождением», построить свое светлое будущее в государстве, уничтожающем на тот период всяческие проявления «проклятого царизма»? Вряд ли.

Правильно ли он сделал, что поменял фамилию? Думаю, что правильно. Иначе все горизонты для него оказались бы закрыты.

Возможно ли, что юноша «заболел морем и дальними странствиями» в городе Кургане, где морем и не пахнет? Мог просто убежать из семьи в поисках приключений? Вполне.

А почему бы и нет? Мой одноклассник Коля Гавранин после 8-го класса взял да и уехал в Ленинград. И поступил в мореходку, привезя с собою в первый каникулярный отпуск запах моря и свободы. Как вы понимаете – в нашей деревне тем более запах этот отсутствовал. Далеко, понимаешь. Но это к слову.

Но я снова возвращаюсь к возможности смены фамилии. 4 марта 1918 г. вышел Декрет СНК РСФСР «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища». Можно было запросто сменить фамилию, разместив информацию об ее изменении в любой газете. Такие вольности с фамилиями продолжались до 1940 года, а потом для ее замены уже требовался веский повод.

У молодого человека, путешествующего по стране, вообще могло не быть документов. Называй любую фамилию – и ты именно такой. Так что совершенно допустим факт смены фамилии Вятских Бориса на Бориса Виноградова. Благодаря этому юноша мог шагнуть в будущее, окончить (и наверняка) мореходное училище.

А я веду вас дальше.

Вернемся к факту из официальной биографии Бориса Виноградова: «В 1928 году участвовал в гидрографической экспедиции в Тихом океане»...

В 1923 г. на базе бывшего царского Александровского мореходного училища дальнего плавания на Дальнем Востоке был организован Владивостокский техникум водных путей сообщения. Техникум имел два отделения: судоводительское, готовившее штурманов дальнего плавания (!), и судомеханическое – для подготовки судовых механиков 2-го разряда. Прием с 15 лет. Срок обучения четыре года.

Командный состав сторожевого корабля «Воровский». 1928 г.

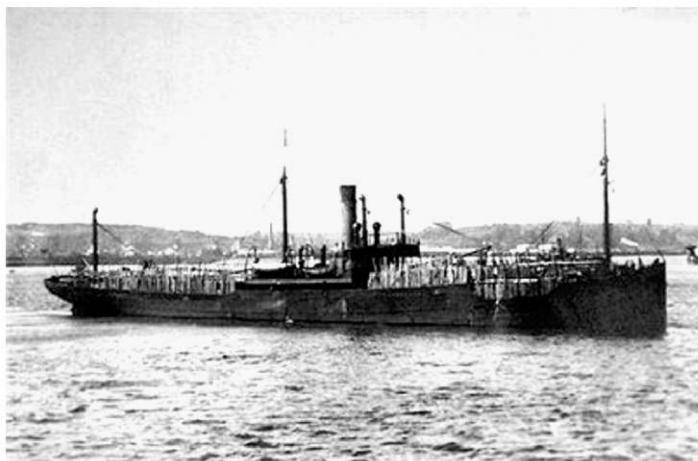
Предположим, что в 1926 г. Борис Вятских добирается до Владивостока, называет в качестве своей фамилию Виноградов и поступает в этот техникум. Ему 15 лет. Плюс 4 года обучения. 1930-й – завершающий. Каждый год курсанты проходили штурманскую (или судомеханическую, в зависимости от специальности) практику. Возможно предположить, что в 17-летнем возрасте Борис Виноградов участвовал в гидрографической экспедиции 1928 г. в качестве практиканта? Конечно.

Взгляните на фото командного состава сторожевого корабля «Воровский», одного из судов экспедиции. Молодой моряк в красивой форме с отложным воротничком (третий справа, второй ряд) очень похож на юного Бориса Виноградова. Тот же высокий лоб, русский овал лица, чистые глаза и победный взгляд в упор.

На другом краю огромной страны – в Петрограде, а с 26 января 1924 года в связи со смертью Владимира Ильича Ленина – в Ленинграде, в шесть раз ближе к Зауралью, в январе 1924 г. на базе Санкт-Петербургских мореходных классов был создан такой же, как и во Владивостоке, но Ленинградский техникум морских сообщений... И после его окончания Борис Виноградов вполне мог попасть при распределении в Мурманск, а далее наверняка, как отличник, и на формируемый экипаж «Челюскина»...

Какой вариант верный – мои размышления об этом умалчивают.

Провидение вело меня дальше. Через некоторое время в очень объемной и с любовью оформленной книге Игоря Буница «Таллинский переход. Историческая хроника балтийской трагедии» (издательство Минск, Алкиона, 1994 год) мне

Балтийском морском пароходстве! Интересное совпадение: главная река Зауралья тоже носит такое название. Судно сугубо гражданское, но с началом войны все транспорты были переведены под подчинение военных и оборудованы спаренными и счетверенными пулеметами.

К началу Великой Отечественной войны Таллин был главной базой Балтийского флота. Только 26 августа 1941 г. было получено разрешение на эвакуацию, когда немецкая артиллерия уже вела огонь непосредственно по советским кораблям в Таллинском порту.

И начался страшный «Таллинской переход»: эвакуация кораблей, войск и гражданских, документов, оборудования, раненых, учреждений, даже золотого запаса Эстонской ССР и так далее. Из Таллина постепенно вышли четырьмя конвоями (группами) 225 судов, взяв на борт в общей сложности свыше 40 тысяч человек. Их

бомбили с самолетов, торпили из-под воды, по ним стреляли немецкие артиллеристы с крейсеров и берега, вражеские катера сбрасывали торпеды, мины разрывали днища.

До Кронштадта дошли 163 из них. Во время перехода погибли 62 корабля, а на берег сошли всего 64 процента людей, взятых на борт.

В числе погибших судов был и транспорт «Тобол». Он шел в конвой № 3. Потоплен в 15.10 29 августа 1941 г. германской бомбардировочной авиацией северо-западнее о. Вайндло.

Фото Бориса Виноградова

из книги Р. А. Зубкова

«Таллинский прорыв

Краснознаменного Балтийского флота
(август–сентябрь 1941 г.)»

Наградной лист: «Виноградов Борис Иванович. Капитан в/т «Тобол». Представляется к ордену «Красное Знамя». 1911 года рождения. Русский. В Красной Армии не состоит. Беспартийный. Участие в боях: в навигацию в 1939 – 1940 гг. на Балтике на п/х «Тобол» (это, скорее всего, обеспечение действий советских войск в советско-финской войне. – Авт.). Ранее награжден орденом Красной Звезды за арктический рейс на п/х «Челюскин».

Краткое описание подвига или заслуг: «10 июля пароход «Тобол», следя с грузом авиабомб из Таллина, ночью, в районе острова Мохни, был атакован 5-ю торпедными катерами противника. Весь экипаж в этот напряженный момент опасности работал четко и слаженно, благодаря чему судно с честью вышло из крайне затруднительного положения. Груз авиабомб был доставлен в Ленинград.

28 и 29 августа моряки парохода «Тобол» во время массовой бомбардировки наших судов фашистскими самолетами вновь проявили мужество и стойкость. Рискуя своей жизнью, они спасали раненых бойцов, женщин и детей с гибнущих судов. Капитан Виноградов, искусно маневрируя, несмотря на тяжелое ранение в голову, оставался на своем посту, проявив выдержку и находчивость, что спасло судно.

Начальник Балт. госуд. морск. пароходства (подпись) Хабалов
Начальник политотдела Б. г. м. п. (подпись) Рассинский».

Выписка из наградного листа от 6.11.1947 года на награждение орденом Отечественной войны II степени: «30 августа 1941 г., будучи командиром военного транспорта «Тобол» Краснознаменного Балтийского флота, в районе Финского залива во время морского боя капитан Виноградов получил тяжелое осколочное ранение в голову с проломом черепа и повреждением мозга. Является инвалидом II группы.

Заполнить четко и обязательно чернилами.	
ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА	
представляемого к вручению медали «За оборону Ленинграда»	
1. Фамилия	Виноградов
2. Имя и отчество	Борис Иванович
3. Пол	муж
4. Год рождения	1911
5. Партийность	нет
6. Национальность	русская
7. Место работы и занимаемая должность	Балт. гос. морск. пароходства, Капитан п/х № 1522
8. Домашний адрес	Лесоповалская улица, дом 5
Медаль вручена	194 г.
№ удостоверения к медали	
БИ 806-1	ЛТ УН 2. Зак. 176

С супругой Ниной Сигизмундовной

Капитан II ранга
Борис Иванович Виноградов

Ранение связано с пребыванием на фронте. Основание: справка о болезни №25/80. За участие в экспедиции на «Челюскине» был награжден орденом Красной Звезды.

Петроградский райвоенком (подпись) полковник Рябинкин».

В целом Борис Иванович Виноградов награжден:

– орденом Красной Звезды, 1934;
– медалью «За оборону Ленинграда», 22.12.1944. Решением Ленинградского

городского исполнительного Совета депутатов трудящихся от 1 октября 1943 года, приказ № 100 «О вручении медали «За оборону Ленинграда участникам обороны города» за № 10337 идет фамилия Виноградова. Серия и номер удостоверения: АВ-68103, номер решения о награждении: п. 37. Место вручения – Ленинград.

В познании этого факта мне оказал помочь Бородулин Сергей Николаевич, председатель межрегиональной общественной организации патриотической деятельности «Бессмертный полк Победы» города Санкт-Петербурга;

– медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». 9.05.1945;

– орденом Отечественной войны II степени, 6.1.1947.

Сайты «Память народа» и «Подвиг народа» говорят о том, что Борис Иванович награжден тремя орденами Отечественной войны II степени и двумя орденами Красной Звезды, но подтверждающих документов на другие ордена, кроме перечисленных выше, я не нашел.

Но зато стал обладателем такой справки.

Дети Бориса Ивановича
Инга и Андрей

«Федеральное казенное учреждение.
Государственный архив Российской Федерации.
Москва, улица Пироговская, 17. № 8237

Уважаемый Владимир Иванович!

В ответ на ваш запрос отвечаем, что в картотеке персонального учета лиц, награжденных государственными наградами СССР и РСФСР, имеется учетная карточка на Виноградова Бориса Ивановича, 1911 года рождения, место рождения – город Курган, старшего капитан-инспектора Главной инспекции мореплавания и портового надзора ММФ (Министерства морского флота. – Авт.), награжденного орденом Красной Звезды (Постановление ЦИК от 20.04.1934 г.), орденом Трудового Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.03.1952 г.) и двумя орденами Отечественной войны II степени.

Начальник отдела научно-информационной
и справочной работы
И. В. Байкова»

То, что судьба Бориса Виноградова неразрывно связана именно с Ленинградом, проявлялось все более сочнее и ярче. Момент истины становился ближе...

Интересуясь фактом войны в Балтийском море – Таллинским переходом, – я опять же совершенно случайно узнаю, что в Интернете есть сайт, который называется «Некоммерческое партнерство «Память Таллинского перехода». А если написать? И я написал. И мне прислали адрес «ВКонтакте» и телефон внука нашего возможного земляка! Пальцы мои дрожали, когда я набирал этот номер.

Внук героя Игорь прислал мне достаточное количество фотографий, некоторые я с удовольствием размещаю на страницах альманаха. Комментировать мои рассуждения о его дедушке он отказался и ни одного моего размышления не подтвердил. Но и не отрицал их.

Я убежден, что родившийся 28 июня 1911 г. в городе Кургане Боря Вятских это и есть Виноградов Борис Иванович, член экипажа «Челюскин», награжденный орденом Красной Звезды за всемирно известный подвиг, герой Великой Отечественной войны, участник Таллинского перехода, тяжело раненный и покалеченный, но вставший на ноги и еще немало потрудившийся на благо Отечества.

Момент истины...

18 июля 2023 г. внук Игорь, прочитав данный материал, присланный ему по электронной почте,

**Внук Бориса Ивановича Игорь Веселов,
сын Инги Борисовны. Ресторатор**

Внуки Бориса Ивановича – Денис и Игорь –
у памятника героям-морякам
Балтийского морского пароходства.
На заднем плане наименование
транспорта деда «Тобол»

Внизу: Денис Виноградов,
сын Андрея Борисовича. Автомеханик

отправил мне следующее голосовое сообщение, дословно: «Владимир Иванович, круто получилось. Вы большой молодец. Вообще все замечательно, просто супер. Очень близко к истине. Еще раз спасибо!»

Нашелся и еще один внук героя, сын Андрея, напрямую носящий фамилию Виноградов, – Денис. Он 19 июля прислал такое электронное письмо: «Уважаемый Владимир Иванович! Мой двоюродный брат Игорь упоминал, что Вы собираете материал о моем деде, Борисе Ивановиче Виноградове, урожденном Вятских. В Таллинском переходе он командовал ВТ-512 «Тобол», еще раньше был капитаном «Камчатнефти» и, конечно, третьим помощником на «Челюскине». Хотел бы тоже внести свою лепту, тем более что моя мать, Лариса Виноградова, вдова его сына Андрея, скорее всего, единственная на данный момент, кто видел и помнит его живым.

С уважением,
Денис Андреевич Виноградов».

От автора. Друзья! «Круг» замкнулся! Теперь я по-зауральски твердо могу воскликнуть: «В нашем городе родился тот, кто был членом экипажа и экспедиции на пароходе «Челюскин», тот, кто прошел войну и стал ее героем, тот, кто достиг впечатляющих успехов в мирном труде и ушел из жизни 13 октября 1956 года с осознанием честно исполненного долга. Честь и слава Виноградову Борису Ивановичу, слава старшему поколению!».

Подрастают уже и правнуки Бориса Ивановича: Стивен, Роланд, Максим... Жизнь продолжается!

Кто знает, быть может, родные именитого человека когда-нибудь загорятся идеей побродить по улицам городка, где бегал мальчишкой их дедушка, где стоял дом их прапрадеда купца 2-й гильдии Ивана Катахина, где жила юная прабабушка. Да и просто посмотреть город Курган, откуда вышло в свет очень много героических и работающих людей, принесших славу Отечеству.

ПРОЗА

РАЗВЕДЧИК (рассказ)

Поселок газовиков стоял на высоком обрыве. Над ним большими зелеными кронами нависла тайга. Внизу текла извилистая река, берега которой поросли густым ивняком. С обрыва уходили вниз глубокие расщелины и овраги. В оврагах всегда было темно и сыро, зимой овраги наполовину заносило снегом. Вдоль обрыва тянулся ветхий деревянный забор, ограждая огородные грядки и самих граждан от случайного падения вниз. Местами края обрыва подточили дожди, что зимой создавало условия для спуска с горы на лыжах. Крутые тропинки соединяли таежный поселок с рекой. Желтые огоньки островной поселковой цивилизации резко контрастировали с дикой неуправляемой природой таежного массива.

Ватага ребят пошла на дальний овраг, где было особенно много снега.

Они весело прыгали сверху в полный снега овраг, внизу строили снежные укрепления и траншеи, рыли многочисленные разведывательные лазы, играли снежками в войну. Командиры из укреплений отдавали приказы разведчикам, артиллеристам и рядовым подносчикам снарядов. Санька хотел быть разведчиком, но, как самый младший из ребят, был только подносчиком снежных кирпичей для строительства блиндажей. В удобные места для артиллерии и разведывательные лазы его не пускали. К тому же он был неоднократнобит снежками противника и считался убитым. Одежда и варежки Саньки от ползаний по снегу промокли и задубели, но он в пылу сражения не обращал на это внимания. Наконец, наигравшись, старшие ребята собрались домой, а Санька еще не был разведчиком. Командирам войска было не до солдат, и ватага оставила его. Санька в азарте остался лазить по обжитым

Леончук
Сергей Львович

Родился в г. Кургане. Школу окончил в селе Сумки Половинского района. Много лет работает врачом-психиатром. Литературной деятельностью начал заниматься с 2010 г. Публиковался в литературных журналах «Тобол», «Урал», «День и ночь», «Подъем», «Искатель». В 2019 г. в г. Кургане издал сборник рассказов «Сгусток энергии». В рассказах раскрывает характеры людей, проблемы их взаимодействия, поведения.

окопам и разведывательным лазам, стрелять из снежной артиллерии по противнику и издавать приказы солдатам из командной траншеи.

Стало темнеть. Санька вдруг почувствовал, как устал и замерз.

Надев лыжи, он поплелся домой. Над оврагом дул холодный колючий ветер.

Он остался один среди снежного безмолвия болотистой низины и низких тяжелых зимних туч. За рекой стояла черная тайга. Идти было далеко, лыжи проваливались в снегу. Ему стало страшно среди дикой природы. «Ты же разведчик!» – эта мысль помогала ему идти вперед. Он с трудом дошел до подножия крутой горы, где находился лесной поселок, и стал подниматься вверх. Руки и ноги его от холода не слушались. Щеки и нос щипал мороз. На душе скребли сердитые кошки. Подниматься в гору на лыжах было тяжело, и Санька взял их в руки. Он почти добрался до края обрыва, когда одна из лыж выскользнула из его рук и, набирая скорость, стремительно рванула вниз. Возвращаться ночью в лоно дикой природы страшно, к тому же Санька устал и замерз. Он представил себе, как отец будет ругать его за потерянные новую лыжу и крепления к ней. Слезы отчаяния и обиды брызнули из глаз, казалось, все его бросили. «Ты же разведчик!» – вновь поддержала его стойкая мысль. Скрипя зубами, Санька мужественно повернулся назад в ночное безмолвие величавой дикой природы. С собой он предусмотрительно взял лыжную палку.

На земле властвовала ночь. Медная луна освещала густые заросли ивняка. За рекой черной высокой стеной стояла тайга. Кругом ходили тени. Прямо над его головой с шумом вылетела ночная птица. Санька с трудом спустился к реке, где и нашел лыжу. Вдруг сбоку от себя он увидел быструю тень. Глаза волка в свете луны горели, слышалось его злобное рычание. Волк готовил атаку. Санька взял лыжную палку и подготовился к схватке. «Ты же разведчик!» – страх собрал его в стальную пружину. Он ударил волка острием лыжной палки. Волк стал обходить его, в движениях серого хищника виделся расчет. Внезапно он вцепился зубами в рукав полушибутка подростка и стал рвать его. Санька в страхе повалил волка на снег и сунул ему руку глубоко в пасть. Волк пытался сжать острые зубы, но заледенелые варежка и рукав Саньки упрямо ползли ему в самое горло. Неожиданно волк стал задыхаться, хватка его ослабла, и он захрипел. Санька бросил хищника и стал подниматься в гору. Лыжу, как военный трофей, он нес на себе.

Вдруг в небе, разгоняя ночную тьму, вспыхнула сигнальная ракета. «Санька!» – услышал он крик отца и потерял сознание.

Очнулся Санька на широкой спине отца, который нес его в гору. Сразу стало тепло и спокойно. «Я же разведчик!» – тихо сказал он отцу.

Дома отец бинтовал его порезанные волком руки и ноги, растирал тело спиртом, мазал обмороженные нос и щеки вазелином, а мать поила его горячим чаем с вареньем. Санька долго плакал счастливыми слезами разведчика, а затем, согреввшись, безмятежно уснул в большой пуховой родительской постели.

– Выходит, и один в поле воин! – утром сказал ему отец.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

СУДЬБЫ СВЯЩЕННИКОВ МОКРОУСОВСКОГО РАЙОНА

Неисповедимы пути твои, Господи! Не предполагала, что займусь этой темой. Но чем ближе юдоль небесная, тем сильнее возникало желание написать о тех, кто пострадал за веру православную. При работе с архивом Тобольского кремля ранее мною были выписаны фамилии клириков, некогда служивших в приходах Мокроусовского округа. Заинтересовали их судьбы: как сложилась жизнь при установлении советской власти, каковыми были семьи, куда потом делись. Результаты ошеломили... Так постепенно сформировался этот материал.

Село Могильное

Пожалуй, начну с Могилёвского (Рассвет) прихода, где с дореволюционных лет подвизался священником **Михаил Иосифович Батарлыков**. Судьба у человека была непростая. Вот что написано о нём в открытой православной энциклопедии: «Михаил Иосифович Батарлыков (ок.1860 – не ранее 1926), священник, настоятель Георгиевского храма села Могилевского, клирик Тобольской епархии. Родился около 1860 г. Окончил курс Омской военной прогимназии. С 1882 г. – псаломщик. Служил сверх штата при Богородице-Рождественском соборе города Кургана».

Вроде бы жил с семьёй в городе, в посредственном достатке, но служба клириков отличается, как и у военных, тем, что их не спрашивают, хочет он или нет поменять место службы. Тем более что работа сверх штата не давала достаточного пропитания для семьи. Поэтому псаломщика епархия направила туда, где тот становится необходим. Видать,

ЗАХАРОВА
Наталья Героевна

Родилась на Дальнем Востоке. В 80-е годы переехала в Зауралье, откуда ее родовые корни. 30 лет работала в журналистике.

Победитель областных и всероссийских конкурсов разных лет. Победитель литературного конкурса Международного Союза писателей «Славянское слово» в 2019 г. Участница пяти коллективных поэтических сборников серии «Библиотека современной поэзии» (издательство «Эксмо»). Автор сборника «Я – ковыль на ветру...».

Составитель ряда книг патриотической направленности, таких как «Для славы мертвых нет», «В фашистских застенках» – восемь томов, «Партизанскими тропами» – три тома.

и у Михаила Иосифовича не спросили, а 3 апреля 1890 г. рукоположен «во диаконы в приход Черновский Курганского округа». Не прошло и года, как его снова повышают в сане, и уже 8 сентября 1891 г. он «возведен в сан священника ко храму Сретения Господня села Першинского того же округа». Кроме того, Михаил Иосифович назначен законоучителем в сельской министерской школе. В 1897 г. переведён в приход Заложинский Курганского округа. Открыл школы грамоты в приходских деревнях Рямовой и Обменовой. Не стоит забывать, что на стыке XX века вышеперечисленные и другие деревеньки были густонаселённей, чем сейчас. Вероятно, клирик имел особенное педагогическое чутьё, если в данных деревнях им были открыты церковно-приходские школы, где кроме Закона Божьего учили чтению, письму, чистописанию, арифметике и азам географии, истории государства Российского, а также пения.

В 1907 г. клирик находится в списке лиц, имеющих право участия во втором съезде городских избирателей Курганского уезда по цензам, указанным в 33-й статье Положения о выборах в Государственную Думу, что говорит о его уважении в городских высших, а не только епархиальных кругах. В сохранённом в архиве списке Батарлыков записан с отчеством Осипович, что не возбранялось на тот момент. За его подвижничество и труд избирают «членом благочиннического совета 2-го благочиния Курганского уезда на трехлетие 1911–1913 годов».

3 января 1913 г. Михаил Иосифович переведён в приход храма великомученика Георгия Победоносца села Могилевского Курганского уезда (ныне с. Рассвет Мокроусовского округа), где также являлся председателем Могилевского церковно-приходского попечительства. В 1914 г. Российская империя вела баталии с кайзеровской Германией, вступив в Первую мировую войну. Тяжёлое было время для всей России. Согласно архивной справке, клирик на тот период утвержден духовником 6-го благочиния Курганского уезда, исповедовал уходящих на фронт призывающих, отпевал погибших.

9 апреля 1915 г. Михаил Иосифович переведён к церкви села Ивановского Ялуторовского уезда. Но ему, видимо, понравилось жить в Могильном, он написал особое прошение и 16 апреля этого же года по высочайшему разрешению вернулся обратно в Могилевский приход. Упоминается в документах, что являлся настоятелем Могилевского прихода в 1918 г. В 1922–1926 годах клирик, согласно документам, уже настоятель Николаевской церкви села Семискульского, где нёс службу его старший сын. Предполагаю, что в Могильном церковь закрыла советская власть и переезд стал принудительным.

За время своей деятельности на пастырском поприще был неоднократно отмечен наградами Тобольской епархии. Думаю, стоит их привести в качестве примера единожды выбранного духовником пути:

- признательность архиепископа, без внесения в формулярный список (1896, еп. Агафонгел (Преображенский), «за постоянное усердие и успешность в преподавании Закона Божия в Першинской сельской школе»);
- архиепископское благословение с напечатанием в епарх. ведомостях (30 ноября 1900, еп. Антоний (Каржавин), «за ревностное и усердное отношение к делу церковно-школьного образования в 1899–1900 учебном году»);
- набедренник (1901, еп. Антоний (Каржавин), «за усердное и плодотворное пастырское служение»);
- благодарность Тобольского епархиального училищного совета (10 декабря 1901, «за усердное и ревностное отношение к церковно-школьному делу»);

- архипастырское благословение (1904, еп. Антоний (Каржавин), «усердно и с пользою потрудившимся в 1902/3 учебном году для блага [Обменовской и Рямовской] церковных школ»);
- архипастырское благословение (16 декабря 1904, еп. Антоний (Каржавин), «за внимательное отношение к учебно-воспитательному делу в церковных школах и к их благоустройству»);
- скучья (1905, еп. Антоний (Каржавин), «за усердную и полезную службу, в особенности за труды по церковным школам»);
- архипастырское благословение (30 декабря 1905, еп. Антоний (Каржавин), «за усердное и внимательное отношение к учебно-воспитательному делу в церковных школах и их благоустройству»);
- камилавка (6 мая 1910, Св. Синод);
- наперсный крест (к празднику Пасхи 1918).

О семье и домочадцах Михаила Иосифовича из документов ничего неизвестно, за исключением того факта, что на территории округа проживают его дальние родственники, которые и передали в районный музей фотографию клирика. Ещё есть сведение, что его сын служил в Семискульской церкви. Но об этом чуть ниже. Дальнейшая судьба Батарлыкова, к сожалению, неизвестна. Записи о нём в метрических книгах обрываются 1920 годом, когда закрыли церковь и в Семискуле. В Книге Памяти «Жертвы политического террора» Курганской области есть примечательная с ошибкой в фамилии запись, что «Батарлинов Михаил, священник Семискульской церкви (к двадцатым годам перебрался к сыну и проживал в селе Семискуль), приговорён 5 ноября 1920 г. Обвинялся в пособничестве белогвардейцам. Был выслан на два года в Чулымский край. Дело в советское время прекращено в связи с амнистией. Реабилитирован 17 августа 1992 г.».

Батарлыков Иван Михайлович, сын Михаила Иосифовича, до революции и после служил при Семискульской церкви. Церковь эта стояла почти на берегу одноимённого озера. Стены её до сих пор виднеются с просёлочной дороги, ведущей на Курттан, как напоминание нам, живым, о тех страшных событиях, когда рушилось повсеместно Православие. Иван Михайлович, с детства взращённый в любви к Богу, пошёл по стопам отца. Окончив духовную семинарию, в 1907 г. сначала был рукоположен псаломщиком, к 1909 г. он уже священник вышеназванного прихода. О его судьбе также ничего не известно. Даже в книге о репрессированных священниках он не обозначен. Может, родственники знают дальнейшую судьбу батюшки?

О псаломщике **Тимофее Николаевиче Жирнове**, ещё одном пастыре Могилёвской церкви, сведений тоже не так много. Лишь есть скучные строчки в Тобольском справочнике епархии, что он окончил уездное училище псаломщиков и подвизался на службу в Могилёвскую церковь в 1910 г. По сути, фамилия Жирнов распространена в соседнем Макушинском районе, и, как знать, может, кто-то из таковых имеет дальние родственные корни могилёвского Жирнова. На 1910 год Могилёвская церковь имела штат – один священник, два псаломщика и один дьякон. Священник на тот момент получал жалованье 137 рублей в год, псаломщики по 35 рублей. Немаловажен и тот факт, что в Могильном имелись общественные для клириков дома, которые были построены прихожанами в 1895 г. Работали от церкви школы: в селе Могильном – земская, в деревне Лопарево – министерская, в Курттане – церковно-приходская. Обучение для крестьянских детей было абсолютно бесплатным!

Не менее скучны строчки и на псаломщика из села Могильного **Ивана Савватеевича Тютрина**. Для того чтобы доподлинно знать его биографию, необходимо работать в Тобольском архиве, что не каждый может себе позволить. Но тем не менее о нём известно, что батюшка прошёл испытательный срок службы в церкви, а с 1906 г. утверждён на эту должность официально. На 1909 год служил псаломщиком. Предположительно, род его начинался в Томской губернии. До какого времени Иван Савватеевич жил в Могильном, в документах не указано.

Село Мокроусовское

Об **Андрее Петровиче Тараканове**, одном из первых священников Живоначальной Троицкой церкви села Мокроусово, можно писать и писать. Родившийся в Камышловском уезде Пермской губернии в 1859 г., он учился в Тобольской духовной семинарии в 1870-е гг., что отображено в списке выпускников этой семинарии, составленном преподавателем Николаем Аполовичем Бирюковым и сохранившемся в Тобольском архиве.

Выпуск состоялся в 1881 г. по первому разряду. Был Тобольским и уездным наблюдателем церковно-приходских школ. Рукоположен в сан священника. 7 сентября 1892 г. батюшка назначен на вакансию третьего священника при храме Пресвятой Троицы в Мокроусово. Осмелюсь предположить, что в то время Мокроусово было очень густонаселённым селом, а значит, и приход обширный, коль третий священник понадобился. В ходе поездки по обозрению церквей Тобольской епархии в январе–феврале 1901 г. епископ Тобольский Антоний Каржавин посетил село и отметил в своем журнале: «Школьное здание двухклассной женской церковно-приходской школы в селе Мокроусовском Ялуторовского уезда просторно, благоустроено и содержитя опрятно. Учащиеся по Закону Божию отвечали хорошо и по программе, поют стройно и по обиходам, участвуют за богослужением в чтении и пении. Такой хорошей постановкой учебно-воспитательного дела эта школа обязана хорошему подбору учащих и главным образом усердию и заботливости заведывающего и за-коноучителя сей школы священника о. Андрея Тараканова, за что и объявляется ему сердечная моя благодарность со внесением ее в формулярный о службе его список и с напечатанием в местных «Епархиальных ведомостях».

В январе 1903 г. священник переведен к Петропавловской церкви села Березовского Тобольского уезда. В апреле того же года он уволен за штат. Считайте, отправлен на пенсию, но в дореволюционные годы термин «за штат» был наделён совсем иным смыслом, чем сейчас. Возможно, перевод «за штат» был обусловлен серьёзной болезнью и носил временный характер, так как Андрей Петрович назначен наблюдателем церковно-приходских школ Тобольского уезда и в мае 1903 г. причислен сверх штата в состав причта Тобольского кафедрального собора.

В августе 1908 г. Андрей Петрович Тараканов переведен к Воскресенскому собору города Березова и назначен благочинным «градских и уездных церквей Березовского уезда». Он же и заведующий Березовской второклассной школой. Но земля мокроусовская продолжала его манить. С января 1910 года он снова настоятель Троицкой церкви села Мокроусовского Ялуторовского уезда. В августе–сентябре того же года опять пребывал за штатом.

Резолюцией епископа Тобольского Алексия (Молчанова) от 3 июля 1912 г. «для пользы службы» определен в Карабульноярский приход Тюменского уезда. 20 августа

того же года «впредь до особого распоряжения» оставлен на настоятельском месте при Мокроусовской церкви.

4 июля 1913 г. епископом Алексием с формулировкой «для пользы службы» переведён на вакансию священника к церкви Преображения Господня села Дубровинского Курганского уезда.

30 апреля 1918 г. повторно уволен за штат и командирован к исправлению должности настоятеля при храме Казанской иконы Божией Матери села Балаганского Ишимского уезда. В сентябре того же года назначен на священническую вакансию при Никольской церкви села Носковского Курганского уезда. Отмечу, что Носково – это соседний Варгашинский район. Судьба погоняла священника по дорогам Тобольской епархии, судя по его биографии. Из Носково Андрей Петрович вновь переведен в Заложинский приход того же уезда. Может быть, и сложилась тихо-мирно судьба этого человека, если бы не революция и так называемые новообразования. Интересно читать допросы свидетелей из Заложного, где они обличают священника в очернении советской власти и проповедях, на которых он говорит, что большевики всё отберут у среднего класса, выселив их за пределы края. В принципе, всё так и случилось в дальнейшем.

24 июня 1920 г. Тараканов арестован по обвинению в антисоветской агитации Челябинским ГубЧК и приговорён к двум годам условно. Так сказать, «предупредили по старости». Реабилитирован только в 1993 г. Курганской облпрокуратурой. А вот дальнейшая его судьба остаётся, к сожалению, неизвестной. В соседнем Упоровском районе проживают люди с идентичной фамилией. Говорят, что дальние родственники Андрея Петровича.

Ещё одно имя клирика, некогда живавшего в нашем районе до революции, – **Космаков Константин Васильевич**. Заштатный псаломщик Мокроусовской церкви Ялуторовского уезда с 1859 г. Предполагаю, что был на тот период одним из первых церковнослужителей со времени основания прихода, так как на 1913 год являлся уже за штатом, а стало быть, весьма в почтенном возрасте. Дальнейшая судьба отца Константина неизвестна, но в списке выпускников Тобольской духовной семинарии за 1878–1909 годы, составленном преподавателем семинарии Николаем Аполлоновичем Бирюковым, числится его родной брат – Космаков Михаил Васильевич, заштатный диакон Тобольской епархии. Он служил диаконом Андреевской церкви в г. Тобольске. В справке указано, что родители проживали в том же городе. Значит, оттуда родом и Константин Васильевич. Более документов о нём история не сохранила, и судьба оного неизвестна.

В Мокроусовском приходе в своё время служил и некто **Симон (Семён) Петрович Сосунов**, который окончил духовное училище в 1884 г. и подвизался псаломщиком. Он из плети целой династии священников Сосуновых! Родился в 1867 г. в с. Сатыгинском Туринского округа. Отец, Пётр Тимофеевич, священник. Мама, Евгения Ивановна, домохозяйка. Скончалась в 1884 г. в селе Карабельском, где в своё время проживала семья. У Семёна Петровича было три сестры и три брата, двое из которых также обрели священнический сан. Интересен брат клирика, Василий Петрович. Окончив в 1888 г. Тобольскую духовную семинарию по первому разряду, служил надзирателем (воспитателем) в Тобольском духовном училище, а затем поступил учиться в Томский университет на медицинский факультет. Был сельским врачом. Скончался в 1907 г., работая старшим врачом городской больницы в г. Омске.

Семён Петрович Сосунов начинал свою деятельность в Михаило-Архангельской церкви села Архангельского Ялуторовского округа. С 1891 г. его служебный список переносится в Тобольскую епархию. «Тобольской губернии Ялуторовский уезд, с. Мокроусовское, Троицкая церковь, диакон (до 10.03.1914 – псаломщик). Учитель пения в Пороговской, Тетерьевской, Карпунинской и Малокизакской церковных школах». Но, видимо, возложенные обязанности были ему в тот период времени не по душе, так как «вследствие подтверждения заведующим Карпунинскую и Малокизакскую церковными школами Мокроусовского прихода Ялуторовского уезда, священником Вениамином Насоновым, в донесении от 22 июля с. г. [1909] за № 42, факта об упорном нерадении псаломщика Слободо-Мокроусовской церкви Симеона Сосунова об исполнении возложенной на него обязанности преподавания пения в названных церковных школах, а также в Мокроусовском сельском училище, Его Преосвященством епископом Тобольским и Сибирским Антонием [Каржавиным] 10 сего сентября за № 3988 на журнале епархиального училищного Совета, от 18 августа с. г. за № 32, положена резолюция такого содержания: «С Мокроусовского псаломщика Симеона Сосунова безотлагательно взыскать наложенный на него за его упорное нерадение по преподаванию церковного пения в церковно-приходских школах денежный штраф и сверх того объявить ему от моего имени строгий выговор с напечатанием в «Епархиальных ведомостях».

Справедливости ради стоит отметить и усердие священника. Ранее в служебном списке значатся благодарности. В январе 1907 г. было составлено архиепископское благословение «за усердное и внимательное отношение к учебно-воспитательному делу в церковных школах и к их благоустройству» и денежное вознаграждение в размере 30 рублей. В 1913 г. – благословение «за усердие в преподавании пения в Карпунинской и Малокизакской церковных школах в 1911 г. О дальнейшей судьбе самого Семёна Петровича известно, что умер он 27 июля 1917 г. в Мокроусово и погребён на приходском кладбище.

Обширна биография ещё одного брата Симеона Петровича, который священничествовал в соседнем округе. **Аполлоний Петрович Сосунов**. На целых две страницы благодарностей и наград от Тобольской епархии! Плачевна его судьба. При советской власти за обвинение в вооружённом восстании и антисоветской агитации он приговорён к расстрелу, который приведён в исполнение 12 октября 1937 г. Реабилитирован священник в 1989 г.

Жил на земле мокроусовской ещё один клирик – **Прутский Иоанн (Иван) Александрович**, дьячок Троицкого храма с 1900 г. О нём немного сведений. Известно лишь, что окончил учительскую семинарию, а в священники рукоположен в 1903 г. В книге «На берегах Кизака» автора Виктора Максимовича Папулова есть запись, что именно он подписал прошение о строительстве в Мокроусовском новой каменной церкви. Также указаны в Тобольском справочнике о клириках за 1913 год факты его службы в церкви Живоначальной Троицкой в вышеназванном селе на 1903 год. Дальнейшая судьба также не просматривается. Но меня заинтересовала фамилия клирика, которая уводит далеко в историю – Прутский поход в Молдавию в 1711 г., во время которого многие священники участвовали в составе войска российского. Не оттуда ли истоки вышеназванной фамилии и династия Прутских?

Ещё одна династия выяснилась в ходе поисков церковнослужителей, некогда проживавших на территории Мокроусовского района. Это Насоновы. **Насонов Пётр Иванович** родился около 1863 г. Место рождения неизвестно. В справочнике есть

интересная запись, что по церковной юрисдикции (отношение к расколам) относился к нововерческой церкви. На 1913 год церковная принадлежность неизвестна. Жена – Елизавета Михайловна. Имел сына и дочь. На сайте «Русское духовенство в XX веке» интересна биография сына клирика. «Сын – Насонов Григорий Петрович (род. 30.10.1893). Окончил духовное (?) училище, обучался в духовной семинарии. В 1916 окончил Иркутское военное училище. Подпоручик 273-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; на 28.11.1918 младший офицер 20-го Тюменского Сибирского стрелкового полка. Поручик. В 1920 проживал в с. Кежма Енисейской губ. Арестован 22.07.1920 по обвинению в «колчаковской службе», осужден 25.08.1920 ГубЧК на 2 года концлагеря. По сведениям из послужного списка отца, в 1922 состоял «на гражданской службе в г. Красноярске». Проживал в г. Ачинске. Работал зав. оперчастью в «Союзтрансе». Арестован 18 марта (авг.?) 1933, обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР («контрреволюционная деятельность»). Дело прекращено 10.06.1933 (по др. сведениям, 21.10.1933) ОДТО ОГПУ Томской железной дороги «по реабилитирующему обстоятельствам». Проживал в Ачинском районе, работал экономистом-статистиком в промлесхозе. Арестован 07.11.1937 по делу Наконечного И. Ф. (26 чел.), обвинялся в членстве в контрреволюционной организации. Осужден 19.11.1937 тройкой УНКВД по Красноярскому краю на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Только тройку НКВД, по всей видимости, не удовлетворило решение суда. По сведениям историка С. В. Волкова, сын батюшки расстрелян по приговору от 19.11.1937. Реабилитирован 16.07.1998 прокуратурой Красноярского края и 13.10.1956 Красноярским крайсудом. Был холост. Очень тяжело читать эти строки о перемалывании человеческих судеб.

Дочь священника – **Насонова Александра Петровна** (род. 13.02.1898). В 1922 г. работала учительницей в г. Красноярске. Дальнейшая её судьба также неизвестна.

Сам Пётр Иоаннович окончил Тобольское духовное училище по третьему разряду в 1882 г. В Мокроусово появился в 1894 г. Из «Епархиальных ведомостей» его послужной список:

«Тобольская и Сибирская епархия, Тюменская губ., Ялуторовский уезд, с. Мокроусовское, Троицкая церковь, диакон на вакансии псаломщика (до 06.07.1915 – псаломщик; по другим сведениям, переведен на место 27.04.1894). 09.03.1914 года посвящен в стихарь епископом Тобольским и Сибирским Варнавой (Накропиным). Учитель пения: с 1903 по 1906 – в Мало-Кизакской и Карпунинской, с 1908 по 1916 – Пороговской, Чесноковской и Тетерьевской церковно-приходских школах». В 1920 году уехал в село Горюново, что в Заводоуковском районе. Стал священником в Вознесенской церкви. По всей вероятности, к началу 1923 года уклонился в обновленчество, на что указывает запись в клировой ведомости Горюновской церкви за 1922 год о принадлежности ее к Тюменской епархии».

Дальнейшая судьба батюшки по документам не просматривается, но предполагаю, что скорби не обошли стороной его семью в 20–30 годы.

Насонов Вениамин Фёдорович – ещё один клирик Мокроусовской церкви. Окончил уездное училище псаломщиков в 1890 г. С 1898 г. пребывал в качестве дьячка в храме Троицы Живоначальной. Последние сведения о нём в клировых ведомостях обрываются в 1906 г. Являлся ли батюшка родственником Петру Иоанновичу Насонову, доподлинно неизвестно.

В поисках церковнослужителей Мокроусовского округа наткнулась на данные одного клирика из местной церкви, который служил псаломщиком с самого осно-

вания каменного храма. Это **Свинцов Александр Васильевич**. О нём известно, что родился в Тюмени около 1847 г. в семье священника Василия Григорьевича и матушки Елизаветы Ивановны. Был венчан. Имел дочь Анну. В юные годы учился в Тобольском духовном училище высшего разряда, но не окончил его, а определён в Знаменский мужской монастырь послушником, что предполагает о возможном намерении в монашеский постриг. Но что-то где-то не срослось, и в апреле 1866 года молодой послушник определён по прошению пономарём в Петропавловскую церковь села Пятковского Ялуторовской губернии (сейчас Упоровский район, Тюменская область). По всей видимости, это место уже было занято, и Александр Васильевич в этих же числах попадает в Мокроусовскую Троицкую церковь, где в мае 1874 г. посвящён в стихарь епископом Тобольским и Сибирским Ефремом (Рязановым).

В 1877 г. его переводят по прошению в слободу Ингалинскую (Упоровский район, Тюменская область в современном звучании), Екатерининскую церковь, откуда он выбывает не ранее 1884 г. Дальнейшая судьба Александра Васильевича не просматривается, равно как и его семья.

В Троицкой церкви села Мокроусовского короткое время пребывал помощником настоятеля ещё один священник – **Меньшенин Иван Львович**. Если взглянуть на его послужной лист, то становится понятным, почему клирик не прижился в приходе, – в благословенных местах он занимал, хоть и небольшие, должности до появления на селе. Скорее всего, был не удовлетворён переводом и после прошения переведён обратно. Опираясь на данные «Справочника», родился Иван Львович в 1851 или в 1852 г. в семье дьячка Льва (отчество неизвестно) Меньшенина. Учился в Тобольской духовной семинарии, но выбыл из среднего отделения по неизвестным обстоятельствам. Состоял в браке с Екатериной Павловной, 1860 г. рождения. Особо отмечено, что жена владела грамотой. В семье росли: дочь Александра (обучалась в Тобольском епархиальном женском училище), сыновья Лев и Михаил (обучались в Тобольском духовном училище). Затем родились Лидия, Николай, Иннокентий, которые умерли «во младенчестве» в 1892 г. Предполагаю, что от поветрия кори или чумы. Последний сын, Александр, родился в декабре 1891 года. Иван Львович рукоположен в сан дьякона епископом Тобольским и Сибирским Ефремом в 1874 году, в сан священника – епископом Василием в 1883 г.

С этого года становится псаломщиком при Тобольском архиерейском доме. В этот же короткий период его переводят на вакансию иподиакона в Софийско-Успенский кафедральный собор, что находится по сей день на территории Тобольского кремля. Всего несколько дней он служил по переводу в Троицкой Мокроусовской церкви, затем его возвратили обратно в Тобольск, в Софийско-Успенский собор священником. С 1884 г. отец Иоанн переведён в с. Берёзовское (Петропавловскую церковь) настоятелем, параллельно состоял законоучителем в местной церковно-приходской школе. Есть сведения о его внутрицерковной жизни. Так, в августе 1890 г. он «состоял под следствием за обоюдную ссору и драку с диаконом Иоанном Вергуновым. В начале 1892 г. был отрешен от места в с. Березовском». В этом же году скончался.

Село Мостовское

Мостовская церковь! Люди пожилого поколения её помнят во всей красе. Когда-то служил в ней псаломщиком **Илья Петрович Бенефацин**. Очень редкая для наших

Мостовская церковь.

1910 г.

Из архива Б. Карсонова

мест фамилия, хотя по происхождению родового древа наш, зауральский. Родился он в 1887 г. в селе Боровлянском Курганского округа Тобольской губернии в семье псаломщика Петра Ивановича Бенефацина.

С детства был приучен к церкви, поэтому поступил и окончил Ишимское духовное училище. Согласно указу, с 12 февраля 1913 г. Илья Петрович являлся псаломщиком Знаменской церкви села Мостовского Ялуторовского уезда. Здесь же и нашёл своё семейное счастье. Женился. В браке родилось трое детишек. 15 июля 1915 г. рукоположен в диаконы. Революционные катаклизмы, по всей видимости, повлияли на семью клирика, поэтому по прошению в 1917 г. он переводится от греха подальше на вакансию псаломщика при храме святителя Иоанна Златоуста села Бигилинского Ялуторовского уезда. В 1919 году был арестован за контрреволюционную деятельность. Но отпустили. В 1921 г. рукоположен «во священники». Служил в селе Казанцевском Петуховского района. Арестован 6 октября 1931 г. Проходил по групповому делу – «Дело архиепископа Синеокова-Андреевского. Тюменская обл., 1932 г.». На допросе показал, что состоял в контрреволюционной организации, ставившей своей целью сопротивление всем мероприятиям советской власти, и перечислил лиц, в нее входивших». Свое участие в организации на допросе объяснил так: «*Я оказался отбросом, т.е. обижен советской властью и не разделял ее политики, особенно в части коллективизации с/хоз[яйства] и ликвидации кулачества как класса.*» 14 мая 1932 г. Коллегией ОГПУ как «член контрреволюционной церковно-монархической организации «Союз Спасения России» по статье 58-11 УК РСФСР приговорен к пяти годам концлагеря. Дальнейшая судьба Ильи Петровича, к сожалению, неизвестна. Реабилитирован клирик 12 января 1990 г.

Иван Васильевич Черемшанов. Довольно-таки интересная личность. По документам Тобольской епархии ни место, ни дата рождения неизвестны. Образование домашнее. Тем не менее рукоположен в сан диакона в 1912 г. Священником становится уже в 1914 г. Послужной список очень обширен. Если составить таблицу, то получится, что на февраль 1907 г. он проживал послушником в Знаменском мужском монастыре. В декабре этого же года служил псаломщиком в Екатерининской церкви Туринского уезда, уволен за штат. Пошёл в армию. До церковнослужителя в Мостовской церкви успел обозначиться псаломщиком ещё в трёх местах Тобольской епархии.

В январе 1913 г. Иоанн Васильевич переведён на вакансию псаломщика по прошению в Знаменскую церковь села Мостовского. Отработал там чуть больше года. В этот же период времени он параллельно состоял на вакансии дьякона, священника в Георгиевской церкви села Могилёвского, а также служил в приписном храме деревни

Куртан. В 1914 г. уволен за штат «с запрещением в священнослужении, с лишением права ношения рясы и иерейского креста». Ещё четыре места службы претерпел батюшка до 1915 г., попав напоследок в Акмолинскую область. Дальнейшая его судьба также остаётся неизвестной.

Ильин Сергей Михайлович. По справочнику Тобольской епархии за 1913 год, был рукоположен дьяконом в Мостовскую церковь. Родился во второй половине XIX в., сведения о нём обрываются в 1915 г. Обучался в Екатеринбургской мужской гимназии. На территории округа впервые упоминается с 1911 г. В 1913 г. исполнял обязанности псаломщика в Знаменской церкви села Мостовского. С 24 июня 1915 г. рукоположен во диаконы епископом Тобольским и Сибирским Варнавой (Накропиным) в церкви д. Круглой Мостовского прихода. Какова его дальнейшая судьба, по документам проследить не удалось.

Весьма не полные сведения ещё об одном клирике Мостовского прихода – **Успенском Павле Павловиче.** Родился во второй половине XIX в. Окончил Московскую академию богословия, магистратуру. Приехал на учебу с Пермского края, как записано в реестре.

Являлся кандидатом богословия, утверждён 21 сентября 1899 г. В своё время служил священником в Омской и Павлодарской епархиях, а также преподавателем в Ишимском духовном училище Тобольской губернии. В Мостовской церкви служил священником с 1906 г. Личное дело отца Павла закрыто, и только дозволено его читать близким родственникам по заявке с утверждением права родства. Умер в 1920 г. Место погребения неизвестно, но предположительно – Ишим.

Село Семискуль (Семискульское)

В 1894 г. крестьяне деревни Гнилинской Мокроусовской волости Ялуторовского округа, Семискульской и Селезневской Могилевской волости Курганского округа подготовили ходатайство о разрешении построить в деревне Семискуль каменную церковь вместимостью до 180 человек. Причиной прошения была значительная отдалённость приходских церквей. Уже в декабре 1894 г. с благословения Преосвященнейшего Агафангела, епископа Тобольского, такое разрешение было получено. Архитектор Богдан Цинке разработал проект и в 1895 г. отвёл и разбил место под строительство храма на свободной площадке около сельской Ишимской проездной дороги. По проектам этого архитектора проведено строительство и переустройство многочисленных общественных зданий, прежде всего храмов и других построек религиозного назначения в Тобольской губернии. Особенно отмечаются его работы по благоустройству монастырей в Тобольске и его окрестностях, строительство храма Петра и Павла в Салехарде.

9 (21) мая 1896 г. произошла закладка каменного храма. Подряд на строительство получил крестьянин Омутинской волости Егор Антонович Макаров. Фундамент сложен к июлю 1897 г., в августе 1898 г. кладка стен доведена до сводов. Храм строился на средства Мокроусовской церкви. Помогали и крестьяне. Освящение новопостроенного храма во имя Святителя и Чудотворца Николая совершено 20 августа (2 сентября) 1901 г. благочинным 4-го благочиния Ялуторовского уезда Григорием Добровым.

Первоначально богослужение в церкви осуществлялось лишь в воскресные и праздничные дни причтом Мокроусовской церкви, но в 1905 г. в село командирован

священник с постоянным местопребыванием. В 1907 г. прихожане потребовали открыть собственный приход. Прошение в 1909 г. было удовлетворено. У храма появился свой притч, священник и псаломщик.

По данным областного архива на 1927 год, в селе Семискуль имеется церковь со сносной «староцерковники». В 1928 г. она именуется уже «Семискульская Тихоновская церковь», а в 1929 г. «Тихоно-Сергиевская». В 1933 г. церковь была закрыта, занята советской властью под зерносклад, затем под электростанцию. Приход перестал существовать. Интересен тот факт, что церковь Тихоновская является памятником культурного наследия, внесена в «Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Курганской области», хотя ею так никто и не занился конкретно по настоящий день, потому что и заниматься-то особо уже нечем! Осталось несколько оголённых стен.

А в дореволюционные годы первым настоятелем новооткрытого самостоятельного Семискульского прихода стал **Николай Матвеевич Дмитриев**. Он родился в Тобольске в 1873 году. 5 (18) июня 1906 г. епископом Тобольским Антонием (Каржавиным) рукоположен в сан священника к церкви с. Мокроусовского Ялуторовского уезда с откомандированием к приписанному храму в с. Семискульском.

В Семискуле получил должность заведующего и законоучителя Семискульской и Селезневской церковно-приходских школ. 21 декабря 1907 г. получил архипастырское благословение от епископа Антония (Каржавина) «за усердное и внимательное отношение к учебно-воспитательскому делу» в Семискульской и Селезневской церковных школах. С открытием в мае 1909 г. самостоятельного Семискульского прихода был определён на должность настоятеля. В сентябре 1909 г. перемещён к церкви с. Шишкинского Тобольского уезда, а с января 1914 г. – священником в с. Кучаевское.

В годы репрессий отец Николай в селе Кучаевском был схвачен. Особая тройка Омского УНКВД 10 октября 1937 г., используя донос Вторушкина, приговорила Дмитриева к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор привели в исполнение.

Ещё один клирик, некогда проживавший на территории Мокроусовского района, – **Вениамин Яковлевич Добромыслов**. Согласно справке Епархиального ведомства, он родился в 1876 г. в Туринском округе Тобольской губернии. Окончил Тобольскую духовную семинарию. 6 августа 1903 г. поступил священником (на вакансии диакона) в Троицкую церковь села Мокроусово, параллельно служил в приписанной церкви д. Семискуль. С 1 сентября 1903 г. по 21 июля 1904 г. – законоучитель Семискульской церковно-приходской школы. В 1904 г. перемещён на вакансию диакона при Тюменской Троицкой единоверческой церкви. Также расстрелян 30 августа 1937 года.

Читаешь скучные строки о священниках, псаломщиках, и возникает чувство глубокого уважения к людям, «за веру постоявших». Эта тема больна до сего дня. Поневоле вспоминаешь, как в тяжёлую годину Великой Отечественной войны Сталин, который учился некогда в духовной семинарии и знал церковные каноны, приказал с иконой облететь град Московский, чтобы защитить столицу от супостата. Внутренне верил – защитит!

Справочная книга Тобольской епархии на 1913 год в качестве священника Семискульской церкви упоминает Василия Денисова. Мне он знаком по тем фактам, которые уже упоминала в статье, опубликованной не так давно в районной печати, о купцах Рыловых. Напомню читателям, что Иван Рылов был обвенчан с дочерью Василия Денисова. Батюшка окончил духовное училище и с 1880 г. рукоположен в псаломщики. Спустя десять лет его повышают в сане – диакон.

А с 1894 г. он – священник Никольской церкви. К сожалению, дальнейшую судьбу отца Василия проследить по документам не удалось. Лишь известно, что его дочь и внучка погибли в период Гражданской войны от переохлаждения (укрывались в леднике во время набега красных на село).

Село Михайловское (Михайловка)

В селе Михайловка (стр. 219) стояла красивая церковь, был обширный приход. Служили в нём два священника, которые известны по Справочнику Тобольской епархии, – **Пётр Павлович и Василий Константинович Поповы**.

Первый из них родился в середине 1870-х гг. Место рождения не указано, но предположительно, что в Пермской губернии. Учился в Тобольской духовной семинарии, которую не окончил, а выбыл в 1891 г. Рукоположен «во диаконы» в 1899 г. Служил исправно, поэтому рукоположен «во священники» епископом Тобольским и Сибирским Антонием (Каржавиным) в кафедральном соборе г. Тобольска 26 октября 1900 г. Служил в Тобольской епархии псаломщиком в разных местах, пока по прошению не попал в Знаменскую церковь села Мало-Мостового (Мостовского) на должность дьякона в 1899 г. 26 октября 1900 г. определён священником в с. Михайловское, что неподалёку от Мостовского. Одновременно являлся заведующим церковно-приходскими школами в деревнях Сунгурово, Мало-Песьяное.

Известно и имя жены отца Петра – Серафима Михайловна. Она была крестницей ребёнка учителя Лапушинской двухгодичной школы Пантелеймона Васильевича Несговорова. В 1903 г. батюшка на трёхлетие утверждён членом благочиннического совета в благочинии священника Николая Бурова. Обязанности исполнял до 1919 г. Трудами отца Петра в Михайловке был отстроен «обширный, светлый, благолепный» трёхпрестольный храм.

За период своей службы имел от начальства пять благодарностей. Последняя – право ношения камилавки, награжден к празднику Святой Пасхи – была вручена в 1919 г. Трудная судьба по причине гонения Православия с земли курганской заставила отца Петра с семьёй перебраться в 1921 г. в Акмолинскую область, Петропавловский уезд, село Кабановское. 28 февраля этого же года клирик заключен под стражу, и 21 марта чрезвычайной тройкой при ПП ВЧК по Сибири по статье 59-3 приговорён к высшей мере наказания. Что стало после расстрела главы семейства с женой и детьми – неизвестно. Пётр Павлович реабилитирован в 1999 г. прокуратурой Алма-Атинской области.

О **Василии Константиновиче Попове**, еще одном клирике Никольской церкви, сведения очень скучны. Известно лишь, что исполнял обязанности псаломщика в селе Михайловском Курганского уезда с 1893 г., образование – учитель. В церкви служил до 1897 г. Тогда на селе храм был деревянным, на каменном фундаменте, однопрестольным. Дальнейшая судьба отца Василия не просматривается по документам открытого доступа.

Гораздо богаче данные на другого священника Никольской церкви – **Петра Гавриловича Цветаева**. Родился клирик в Рязанской губернии Пронского уезда в селе Погорелки. Отец – Гавриил Иванович, мать – Анна Васильевна. Окончил Сапожковское духовное училище, четыре класса. В сентябре 1905 г. рукоположен «во диаконы» епископом Тобольским и Сибирским Антонием. «Во священники» в марте 1913 г. – епископом Тобольским и Сибирским Евсевием. В Никольской церкви начал свою

трудовую деятельность с 1907 г. года дьячком, переведён по прошению. Был законоучителем церковной школы. В 1912 г. переведён в с. Ларьякское Сургутского уезда. В последующие годы служил священником в с. Шадринском, Усть-Суерском до 1929 г. Пётр Гаврилович был женат на Анне Васильевне из рода священнического. Имела семья три сына и дочь. Последняя награда клирика – ношение набедренника – была вручена в 1919 г.

А затем пошли годы гонений и произвола. В июне 1929 г. он был арестован в Усть-Суерке и осужден Коллегией ОГПУ СССР на три года лишения свободы по статье 58-10 УК РСФСР. В заключении находился в Вишерском ИТЛ. Скорее всего, там и закончил свою земную юдоль. Реабилитирован Курганской прокуратурой в 1992 г.

Что стало с его семьёй – неизвестно. Но его потомки остались, их интересные воспоминания в книге «Из жизни сельского пастыря» имеются в открытом доступе: «В первых числах июля месяца 1929 года в селе Усть-Суерском Белозерского района на одном из гражданских собраний было решено отказаться от церкви и передать ее под медпункт. Обеспокоенный этим известием священник Цветаев объехал соседние деревни Варакосову, Вагину, Памятную, Пузыри, Заозерную, Мясникову и выселок Бочанский, где агитировал прихожан отстоять церковь и стал собирать подписи у населения».

Из показаний очевидцев: «Поп в соседних деревнях среди масс вел ложную агитацию, подбивая народ к тому, чтобы подписывались и не отдавали церковь. Говорил, что в селе Усть-Суерском подписались 300 человек и велели просить вас пойти на помощь, а иначе у нас церковь отберут. Собирал групповые собрания, ходил по домам».

15 июля съездил в административную часть Белозерского района, где получил разрешение на созыв общеприходского собрания верующих, указав на повестке вопрос «О содержании церкви».

22 июля к Усть-Суерской церкви пешими и конными пришли около 400 человек. Вскоре раздался колокольный звон, и священник объявил, что сейчас будет проводиться собрание, и попросил, чтобы на нем присутствовали представители власти, те же в свою очередь запретили это делать.

«Православные, мы должны были сегодня провести собрание, но местная советская власть не разрешает этого делать. Вопрос стоит очень важный, будем ли мы передавать церковь под медицинский пункт или нет. Вы должны по-христиански хорошо подумать и сказать свое слово», – говорил священник.

На повестке церковного совета речь шла о содержании храма. Когда в церковь пришли представители сельского совета, то их оттуда выгнали. Поднялся шум, в адрес представителей власти были сделаны выкрики. «Не надо нам представителей власти, без них обойдемся. Советская власть загнала нас в болото. Отобрала весь

хлеб, кругом обман, насилие». Особенно внесением дезорганизации отличилась Ольга Васильевна Буславьева, крестьянка из села Усть-Суерского, в 1921 г. за участие в крестьянском восстании осужденная на 5 лет лишения свободы.

Верующие выгнали из церкви представителей сельского совета. Далее Цветаев говорил: «Родители, не отпускайте детей в народные дома, а приучайте посещать их храм Божий. Тогда Господь Бог пошлет благодать на те дома, где родители своих детей приучат к церкви. Если верующие все встанут на путь веры и как один встанут на защиту храма Божия, то властям ничего не сделать».

23 июля 1929 г. собрание Усть-Суерского сельского совета признало действия церковного собрания антисоветскими.

Из показаний очевидцев: «До 1921 года поп Цветаев служил в селе Шадрино Суерского района, и когда пришли красные, то нашли у него оружие в пригоне, которое он все время воровал у красноармейцев и через своих сыновей передавал бандитам и имел с последними крепкую связь. Но все же его освободили от расстрела, так как он имел большую семью ребят и дал честное слово, что больше он такого никогда и ничего не позволит, а вот смотрите, какая у него совесть и честное слово. Предлагаю эту паршивую гадину отсюда выслать, чтобы не вредил».

Уполномоченный следственного отделения Курганского окружного отдела ОГПУ постановил: «Принимая во внимание, что, находясь на свободе, вышеуказанные лица будут продолжать свою преступную деятельность, запутывать следствие и из боязни грозящего им наказания могут скрыться от следствия и суда, заключить их под стражу при Курганском исправительно-трудовом доме».

Жена священника Таисья Федоровна, обеспокоенная положением мужа, стала собирать справки, которые могли бы положительно повлиять на его дальнейшую судьбу. Затем отнесла в Курганское ОГПУ: «Ходатайство от жителей деревень Вагиной, Памятной, Заозерной, Волосниковой и Варакосовой об ускорении следствия» и справку из Старо-Шадринского сельского совета о том, что «Священник Цветаев в 1921 году участия в банде не принимал. Винтовка, изъятая у Цветаева, была найдена его сыном Гавриилом за два дня до прихода местного отряда (красных). Священник о винтовке ничего не знал».

От предъявленных обвинений Цветаев и Буславьева отказались и никого не оговорили. 3 ноября 1929 г. они были осуждены на 3 года и для отбытия срока наказания направлены в Вишерский концентрационный лагерь.

После отбытия наказания Цветаев был «лишен права проживать в 12 населенных пунктах Уральской области с прикреплением сроком на 3 года». На этом его следы теряются.

Жил в селе Михайловка и служил в местной церкви ещё один клирик – **Алексей Иванович Мороз** (батюшка Алексий). Родился он во второй половине XIX в., окончил двухклассные курсы и в 1911 г. – пастырские Московские курсы. В этом же году рукоположен «во священники», направлен в Успенскую единоверческую церковь вторым священником в село Уварово Мокроусовского района. 4 февраля 1913 г., согласно прошению, переведен на вакансию священника при церкви святителя Николая Чудотворца поселка Михайловского Ишимского уезда. Скорее всего, по причине гонения на церковнослужителей пытался уехать подальше от глаз советской власти. 16 сентября 1918 г. – настоятель прихода храма праведного Симеона Богоприимца села Орловского того же уезда. Дальнейшая судьба отца Алексия остается неизвестной.

Село Лапушинское (Лапушки)

Сначала церковь именовалась Тихвинской, затем переименована в Богородицкую. Из архивного фонда ГАКО: «Богородицкая церковь села Лапушинского Курганского уезда Тобольской епархии построена в 1865 г. Ликвидирована в 1922 г. Но по записям последней приходской книги узнаём, что церковь действовала до 1923 г. В приход церкви входили с. Лапушинское, деревни Першино, Песьяное, Пившиное. На основании декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. церковь лишена юридического права. Прекратила свое существование в 1930-е годы.

Служил в вышеназванной церкви **Арсений Васильевич Урбанский**. Работая в Курганском архиве с метрическими книгами вышеуказанного прихода, я не раз любовалась убористым почерком клирика, который вместе с дьяконом Василием Парышевым заносил записи о родившихся и крещёных, о брачных обысках и погребении прихожан. Родился клирик в начале 1881 г. в селе Медведьевском Ишимского округа у Василия Михайловича Урбанского. Родные братья священника – Иван (1884 г.р.) и псаломщик Леонид (1882 г.р.). Всего в семье было шесть братьев и две сестры.

Арсений в 1904 г. окончил по второму разряду Тобольскую духовную семинарию. В 1905 г. рукоположен «во диаконы», а через несколько дней получил сан священника. До рукоположения служил псаломщиком в Усть-Ламенском (Троицкая церковь), в 1908 г. в слободе Суерской (Смоленская церковь) состоял на вакансии диакона. В Лапушках священник появился около 1908 г. В 1913 г. утверждён членом благочиннического совета. В январе 1917 г. назначен благочинным указанного благочиния. В 1911 г. награждён правом ношения набедренника за «усердно-полезную службу». В 1915 г. имел право ношения скуфьи. По показаниям старожилов села, вместе с колчаковцами выехал из Лапушек в 1920 г. В открытом доступе больше документов на батюшку нет. Не числится он также и в списках священников, расстрелянных в те страшные годы. Участь родового гнезда священника очень печальна. По документам, его брат Александр 1892 года рождения, который в 1938 г. проживал в с. Байкалово Тобольского района и работал бухгалтером райздравотдела, приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян в июне 1938 г. Место погребения – г. Тобольск. Реабилитирован посмертно в 1989 г.

Не менее печальная судьба и у дьячка Лапушинского прихода **Василия Григорьевича Парышева**. Родился он в 1873 г. в с. Дмитриевском (Дмитриевка) Мостовского (ныне Мокроусовского) округа. Исполнял обязанности священника (после побега Арсения Урбанского с колчаковцами) в местной Тихвинской церкви. Продолжал ещё три года вести записи, судя по клировым ведомостям. Дом его стоял около прихода. Он сохранился по сей день. Там проживают семьи, не догадывающиеся о том, что здание было построено в начале XX в. на средства прихожан для священнослужителей. История этого дома наполнена слезами гонимых клириков и их семей. Василий Григорьевич был арестован в период второй волны террора, 15 июня 1937 г. Точно не знаю, работал ли он на тот период времени в общественном хозяйстве, но, по воспоминаниям старушек, к нему тайно приезжали и приходили миряне, чтобы окрестить народившегося младенца или позвать на молебен по усопшему. Никому не отказывал, за что и поплатился. Батюшка приговорён тройкой УНКВД по Челябинской области по обвинению в принадлежности к контрреволюционной

организации. Расстрелян 16 ноября 1937 г. Реабилитирован в 1989 г. Курганской облпрокуратурой. О судьбе его семьи ничего неизвестно, кроме одного сына – Петра Васильевича Парышева, которого арестовали 10 мая 1937 г., чуть раньше отца. Обвинён по той же статье, что и о. Василий. Расстрелян 27 сентября 1937 г. Реабилитирован Курганским облсудом в 1957 г.

Очень скучны сведения и о заштатном священнике села Лапушинского Курганского уезда **Николае Иоанновиче Титове**. Только написано в справочнике, что окончил духовную семинарию, и всё. До какого года он был заштатным священником в Лапушках, не указано. О его семье и дальнейшей судьбе также ничего не известно.

Дмитриевка (Дмитриевское)

Известно ли сейчас дмитриевским жителям, что в их деревне в дореволюционные и первые послереволюционные годы находилась церковь? При ней настоятелем состоял **Григорий Тимофеевич Казанцев**. В справочнике Тобольской епархии за 1913 год лишь написано, что он в своё время окончил учительскую семинарию, рукоположен «во священники» в 1907 г. Церковь во имя Дмитрия, митрополита Ростовского, на 2007 год сохранила свои стены в измененном состоянии. Сама деревня образовалась в январе 1851 г. из переселенцев ближайших деревень и приезжих крестьян. Но долгие годы в просторечье она называлась Митриевкой.

Интересна история строительства храма. О ней подробно написал историк, исследователь Владимир Евдокимов. «12 марта 1863 г. от имени «общества» прошение о строительстве церкви подписал избранный доверенный Евстафий Максимович Симонов. Инициаторами выступили жители деревни Дмитриевка: в списке жертвователей 48 человек, 16 представители деревень Баженова, 4 – Богданова и ни одного из Старо-Першина. Старопершинцы еще долго игнорировали эту церковь, и лишь в 1867 г., когда церковь уже была освящена и действовала, они собрали пожертвования на строительство иконостаса. Между тем бумажная бюрократия продолжалась, и на 10 марта 1865 г. строительство церкви еще не началось. Но зато было объявлено о новом сборе пожертвований, на который подписалось 66 человек из Дмитриевки, 17 человек из Баженова, 7 человек из Богданова. Старопершинцы – ни одного. Но зато 26 июля 1864 г. появилось прошение о том, что к новому приходу желают присоединиться жители деревни Белой в количестве 114 человек. А в октябре 1864 г. ввиду неурожая и недобора подписанных денег в духовную консисторию отправлено прошение о сборе добровольных пожертвований. Наконец, в начале 1865 года заключен контракт на строительство с государственным крестьянином Утичей волости Василием Сидоровичем Лебедевым. Контракт от «общества» подписывали Козьма Дмитриевич Косарев и Евсей Сысоевич Симонов. Строили, видимо, достаточно быстро: 7 июня 1867 г. уже составляется прошение о строительстве иконостаса и есть уже священник – Василий Буров. В это же время церковь была освящена и начала свою работу, т.е. 1868 год. А в 1870 г. 12 июля был освящен иконостас. Поэтому ошибочно считается дата постройки церкви 1870 год. Дело о постройке Дмитриевской церкви начато в 1863 г. Окончено 18 сентября 1870 г. Первым церковным старостой избран Христофор Баранов.

Стоит сказать, что церковь названа так в честь святого Дмитрия Мироточивого. В Дмитриевский приход вошли жители четырех деревень: Дмитриевки – 560 прихожан, Баженовой – 184, Богдановой – 242, и Старопершиной – 484. Всего, по данным на

1863 год, 1470 прихожан. Прошение жителей деревни Беленькой было отклонено, и их оставили в приходе Мостовской и Мокроусовской церквей, а впоследствии и в Лапушинской церкви. С постройкой и вводом в действие Дмитриевской церкви был сокращен церковный штат Мостовской церкви: вместо двух престолов был оставлен один. Стоит отметить, что вновь построенная церковь стала пользоваться популярностью и в соседних приходах. Зачастую церковные церемонии здесь совершали жители деревень Капарулино, Круглое, Белое, Ново-Троицкое и села Михайловского».

Интересные сведения есть и о священнике **Василии Петровиче Бурове**. Предполагаю, что в Дмитриевской церкви он не служил ни дня, а только дал согласие крестьянам для быстрейшего строительства и открытия прихода. Вот данные из Тобольского справочника за 1913 год: «Дата рождения: ок. 1838 г. Дата смерти: весна 1884 г. Родственники: отец – Буров Петр, священник; жена – Бурова (Благонравова) N. (ум. не позднее 1882); сын – Буров Александр Васильевич (ок. 1861 – не ранее 1882), чиновник сын – Буров Семен Васильевич (03.09.1863 – 19.07.1929). Сам Василий Петрович окончил Тобольскую духовную семинарию в 1860 г. В это же время рукоположен «во священника» архиепископом Тобольским и Сибирским Феогностом (Лебедевым). На 1872 год переведён в Ильинскую церковь, станица Лебяжьевская. На 1884 год состоял в том же приходе законоучителем в казачьей школе. В послужном списке нет ни слова о его принадлежности к Дмитриевской церкви. Дальнейшая судьба батюшки также неизвестна, кроме одного факта, что весной 1884 года он скончался.

Псаломщиком в Дмитриевской церкви служил **Александр Евгеньевич Световостоков**. 20 июня 1915 г. он был рукоположен в сан диакона в Курганской Троицкой церкви. Значит, на тот момент отец Александр не проживал в Дмитриевке, а был переведён по прошению. Из его обширной семьи некоторые братья также прошли Тобольскую духовную семинарию, но к пастырству не примкнули. К примеру, Световостоков Михаил Евгеньевич – учитель земской школы в Пермской губернии. В Дмитриевке у семьи народились ребятишки: Ольга (1905 г.г.), Евлалия (1907 г.р.), Нина (1910 г.р.), Иван (1916 г.р.). В Кургане псаломщик потерял жену в возрасте 35 лет, и после её смерти детей разлучили – забрали на воспитание сестры Александра Евгеньевича, которые проживали в Алапаевске Свердловской области.

Село Уваровское (Уварово)

В этом красивом селе, стоявшем на холмах близ ручья Марьушка, некогда стояла Успенская единоверческая церковь. Служил в ней псаломщиком некто **Волосников Самуил Феофанович**. О его семье есть прекрасное повествование его праправнука Валерия Волосникова «Непридуманная повесть», где упоминается батюшка и его семья.

Отрывок из книги: «Умер Самуил Феофанович в шестьдесят четыре года от болезни, связанной с чистотом, в 1940 году. Недуг развелся ещё с девятнадцатого года, с Гражданской войны. Зимой в мороз его продержали всю ночь в сарае, полуодетого, вместе с пленными колчаковцами. Наутро, когда повели расстреливать, толпа селян, в основном женщины, стала просить не убивать Самошу, что он хороший, бедный и никакого зла не делал. Они так кричали, что командир приказал отпустить попа. Но болезнь, такую неприятную, тем не менее тогда он нахил.

Между прочим, на расстрел его вели не в первый раз. Полугодом раньше его чуть не расстреляли белые якобы за содействие большевикам; полная чушь, конечно, но население вступилось за него».

Отец Самуила был бедным клириком 1841 г. рождения. Его отец, Феофан Васильевич, служил псаломщиком в той же церкви и проживал в Уварово. В своё время получил домашнее образование. С 1887 г. семья проживала сначала в селе Романовском Тобольской епархии, затем переехала в наш край. Два года он был псаломщиком в единоверческой церкви, затем переведён в село Травнинское, будучи уволенным «за штат». Затем пожилого человека опять вернули в родовое гнездо – Романовское, предположительно, там и скончался не ранее 1915 года.

О том, что семья бедствовала, говорит запись в Тобольском справочнике за 1913 г.: «Святейшим Синодом 2 июня 1900, по ходатайству Тобольского епархиального начальства, было разрешено не считать препятствием к награждению установленными для духовенства знаками отличия бытность Феофана Васильевича под судом и штрафом. Осенью 1910 из епархиальной кассы взаимопомощи Феофану Васильевичу было выдано пособие в размере 50 руб. По сведениям 1915, получал пенсию от казны в размере 33 р. 33 коп. в год, пособие от Тобольского епархиального попечительства о бедных духовного звания 24 руб. в год. Владел небольшим домом с пристройкой». Больше сведений о Волосниковых не найдено.

Рухлов Неофит Григорьевич упоминается в Тобольском справочнике как псаломщик с 1898 по 1911 г. Проживал в Уварово и рукоположен в священники в 1911 г. Отец – Григорий Минеевич, мать – Мавра Фёдоровна. Брат – Василий Григорьевич. Целая династия священников! По данным на брата, узнаём, что жила семья в д. Сивково Частоозёрского района. Это Тобольская губерния, Ишимский уезд. Возможно, Неофит родился в том же населённом пункте. Семья у брата Василия была большой и крепкой. Дочери Олимпиада, Евфалия, Нина, Зинаида, Елизавета, Александра и долгожданный сын – Алексей. Очень печально сложилась при советской власти судьба дочерей. У Евфалии муж Рямов расстрелян, семья с детьми была выслана. У Нины муж Коптев расстрелян, семья с детьми выслана. У Зины муж Речкин Прокопий Афанасьевич, кожевник, раскулачен и отправлен в лагеря. Погиб в ГУЛАГе. Семья с детьми выслана. Все реабилитированы впоследствии.

Сам батюшка Василий служил в 1923 г. при Тобольском духовном училище. В 1937 г. был протоиереем в Никольской церкви села Петуховского Белозерского района. В сентябре 1937 г. арестован. В ноябре приговорён к высшей мере наказания с конфискацией имущества. В 1990 г. реабилитирован. Что стало с его семьёй – неизвестно.

Рязанов Иоанн Иоаннович. Священник, состоявший при единоверческой церкви с. Уваровского Ялуторовского уезда. О нём почти нет сведений, кроме одного, что в 1910 г. уволен «за штат». Но коль о его местопребывании была запись в Тобольском справочнике, значит, такой священник в преклонном возрасте пребывал на территории Мокроусовского района.

Мы с вами совершили небольшой экскурс в историю развития православия на территории Мокроусовского округа, исследовали судьбы некоторых священнослужителей, живших в незапамятные времена и оставивших свой след на мокроусовской земле. Их имена долгое время умалчивала история, но, думаю, этого не надо забывать.

ПРОЗА

ЗА ГРЕХИ НАШИ

Громкие одиночные хлопки в ладоши вывели меня из раздумья и заставили посмотреть в ту сторону, откуда они раздавались. Я просто гулял по почти ещё безлюдному в начале выходного дня парку, когда народ только просыпался или завтракал, неторопливо собираясь в места отдыха.

На боковой аллее стояли две женщины, озабоченно озираясь по сторонам.

– Влад! – громко позвала одна. – Влад, Владик, иди сюда, милый! Куда ты пропал?

И хотя называли моё имя, я понимал, что зовут явно не меня, зато по центральной дорожке метрах в ста впереди не торопясь вышагивал погруженный в свои мысли мальчишка лет десяти. Он будто бы вполголоса разговаривал сам с собой, водил руками и не обращал никакого внимания на окружающее его пространство.

Одна из женщин снова похлопала в ладоши, мальчишка наконец среагировал за эти резкие звуки, оглянулся вокруг, повернул обратно. Я внимательно рассматривал этого мальчугана с довольно странным поведением и потому не обратил никакого внимания на женщин. Посмотрел на них, только когда мальчуган подошёл к ним и молча начал выслушивать укоры:

– Ну куда ты опять потерялся? Владик, ты же знаешь, что мама волнуется, когда тебя нет рядом.

Голос мне показался очень знакомым, и только тогда я взглянул на женщин. Ну конечно, это была Алёна! Я знал её ещё в студенчестве, а теперь это была взрослая женщина, с той же копной пепельных волос, густо свисающих на плечи. Лицом она ничуть не изменилась, но фигура чуть раздалась, что нередко бывает с молодыми дамами после родов.

ИВАНОВ
Леонид Кириллович

Автор 20 книг прозы. Лауреат всесоюзных и международных литературных премий. Член Союза писателей России.

Публиковался в литературных журналах и альманахах «Наш современник», «Дорога жизни», «Север», «Karelia», «Врата Сибири», «Югра», «Проталина», «Бийский вестник», «Огни Кузбасса», «Чаша круговая», «Огни над Бией», «Александр» и др.

С 2014 г. – руководитель Тюменского регионального отделения Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ, почётный работник культуры и искусства Тюменской области.

Живёт в Тюмени.

Меня она тоже узнала, но в некотором замешательстве не могла определиться, как себя вести. Просто пройти мимо или хотя бы поздороваться.

Я решительно прервал её размышления.

– Доброе утро, Алёна! Извините, это твои мама и сын?

– Вы как здесь? – всё ещё не зная, как себя вести при неожиданной после десятка лет встрече, спросила Алёна.

– Вот, приехал в университет. Пригласили председателем ГЭК.

– Ой, простите! Это моя мама – Ольга Петровна, это сын – Владимир. Просто Влад. Мама, это Владимир Иванович. Я тебе когда-то о нём рассказывала. Влад, поздоровайся с дядей. Его зовут Владимир Иванович. Повтори, – сказала она по слогам, – Вла-ди-мир Ива-но-вич.

Мальчик послушно повторил так же по слогам:

– Вла-ди-мир Ива-но-вич.

– Молодец! – Похвалила мальчика Алёна. – Мама, вы немного погуляйте, а я, если можно, пообщуюсь с Владимиром Ивановичем.

Буквально в ста метрах от нас открывалось летнее кафе. Молодой парень в белой футболке, таких же шортах, белой бейсболке козырьком назад и белых же кроссовках расставлял стулья на веранде.

– Может, по чашке кофе? – предложил я.

– Пойдёмте. Вообще, Вы не представляете, я всё ещё в шоке от нашей встречи. Ну, никак не ожидала вас тут встретить.

– Да чего же тут удивительного? Всего каких-то триста километров. Я вообще уже третий год сюда приезжаю на гости. А ты как тут оказалась?

– Так у меня же мама здесь живёт. Так что тоже ничего удивительного.

Мы дошли до кафе, сели на веранде за крайний столик. Молодой человек в белой одежде тут же подошёл к нам:

– Доброе утро! Только кофе или пирожное тоже? Есть прекрасное мороженое. И услужливо замолчал в ожидании ответа.

– Я, право, не знаю...

– Тогда знаю я. Две чашки американо и два ваших прекрасных мороженых, – посмотрел на Алёну. – По 50 граммов коньяка за встречу?

– Нет-нет! – замахала она руками. – Вы же знаете, что я не пью спиртное!

– Ну, это когда было, – засмеялся я.

– А ничего не изменилось, – без улыбки ответила она и грустно добавила: – Разве что жизнь.

– Ну, жизнь – она на то и жизнь, чтобы меняться. Особенно если к лучшему. Ты как эти годы? Удачно вышла замуж, родила прекрасного сына, мама вон совсем ещё молодая...

Около минуты Алёна смотрела на кофе, потом тихо сказала:

– Не угадали... Замуж не вышла, сына родила, но Вы не могли не заметить его проблемы, мама молодится, но из-за переживаний живёт на таблетках. Вы это хотели услышать? – вдруг с непонятным вызовом ответила Алёна. – А Вы почти не изменились. Такой же импозантный, весёлый, довольный жизнью. Жена, наверное, стареет, а третьекурсницы остаются молодыми, – ввернула она, сделала паузу и добавила: – Я же тогда тоже на третьем курсе училась...

– Алёна, я всё прекрасно помню!

– Вы меня тогда Алёнушкой называли...

– И это я помню, Алёнушка!

Мы держали в руках чашки с кофе и молчали. Конечно, Алёна могла меня упрекать в том, что наш бурно вспыхнувший роман ничем не закончился, её возможные надежды на мой развод и женитьбе на ней не оправдались... Мы начали с ней встречаться зимой, а по весне она несколько раз заводила разговор о том, что хочет от меня ребёнка. Что она не собирается разрушать мою семью, не будет претендовать на материальную помощь, просто хочет родить от меня сына и назвать его моим именем в память о своей первой и последней любви.

За годы работы в университете у меня случались интрижки со студентками, и это в профессорско-преподавательской среде было делом обыденным, когда даже глубокие пенсионеры вдруг начали мнить себя мачо и вовсю ухлестывать за юными особами. У меня случались краткосрочные романы без обязательств, я понимал, что и у девушек это тоже были просто мимолётные увлечения молодым, высоким, приятной внешности, разносторонне эрудированным преподавателем с чувством юмора, что именно всех этих качеств и не хватало их сокурсникам, с которыми им было неинтересно.

Но с Алёнушкой у нас затянулось. Я чувствовал, что она действительно в меня влюблена той первой юношеской любовью, которая, кажется, – навеки. Мне тоже с ней, молодой, темпераментной и красивой, было интересно и приятно, но я не собирался бросать семью, чтобы на четвёртом десятке лет начинать жизнь заново.

И её желание родить от меня ребёнка сначала меня ввело в ступор, потом заставило задуматься и искать веские аргументы для отказа.

– Я просто хочу родить от Вас такого же умного и красивого сына, и больше мне ничего не надо, – говорила она.

– И как ты себе представляешь моё состояние, когда я буду знать, что где-то растёт мой сын?

– Это будет не Ваш, а мой сын... – парировала она. – Я всё равно его рожу, хоть от первого же попавшегося.

Я начинал сердиться, мы расставались на несколько дней, потом снова встречались, страстно предавались любовным утехам. А после третьего курса она, ничего не говоря мне, перевелась в свой город. Узнал я об этом только осенью, потому что мои лекции на этом потоке закончились. На мои звонки она не отвечала, её мобильный был вне зоны действия.

Встречая её однокурсниц, я пытался наводить справки, но никто ничего определённого сказать не мог. Так и закончился в полном неведении наш бурный роман. И вот – эта встреча в её родном городе.

– Вы сказали, что я замужем, что замечательный сын... – сказала она, поставив чашку на пластиковый и тоже белый, как костюм официанта, столик. – Нет, я не замужем и никогда не была.

Она посмотрела мне в глаза, будто решаясь, продолжать или нет, опустила глаза:

– Я любила только Вас. Я Вам говорила, что рожу сына для себя. Мне очень хотелось, чтобы он был очень умным и красивым, как Вы, но, видимо, не того выбрали в отцы. Сын у меня родился нормальным, а в три года у него стали проявляться странности. Потом врачи поставили диагноз: аутизм. Да, с ним тяжело.

Я честно признаюсь, с ним очень тяжело! Но я часто думаю, а может, за такими, как он, будущее нашей планеты? Они безгрешны, чисты душой и помыслами, им чужды стяжательство, зависть, богатство. Каждый из них в чём-то талантлив. Мой,

например, живёт музыкой. Они находятся в другом измерении и сделают наш мир счастливым. Может, через столетие или столетия. Но сделают! А мы будем страдать и мучиться от своей греховной сущности. Я долгое время не могла простить Вам, что Вы не захотели подарить мне ребёнка. Он был бы совсем другим, наверное, красивым и умным, но таким же, как мы, как большинство людей нашего времени. А поразмыслив, я простила Вас и Ваш отказ сделать меня счастливой мамой.

Да, нам тяжело, но мы выдержим во имя будущего этих детей с совершенно иным восприятием мира. Во имя будущего нашего общего и такого греховного мира. Простите! Я не могу больше оставаться с Вами, мама и Влад меня давно заждались.

Она поставила чашку с кофе, не сделав ни единого глотка, не притронувшись к мороженому. Встала и, ни разу не оглянувшись, направилась по аллее в ту сторону, куда ушли её мама и сын.

А я ещё долго сидел в кафе, смотрел вдоль аллеи, по которой ушла Алёна, не замечая того, что парк всё больше и больше наполняется отдыхающими.

СЛИШКОМ ПРОСТО

– Нина, я к тебе с необычной просьбой, – сразу после обмена приветствиями начала подруга. – Даже не знаю, с чего начать…

– Так ты с главного и начинай, – засмеялась Нина, хотя в голосе Тамары с первых же слов почувствовала тревогу.

Они дружили ещё со школы, и хотя в последние годы встречались не часто, но время от времени, как шутил муж, болтали по телефону о разных пустяках по часу и больше, потому настроение друг друга улавливали легко.

– Ниночка, деньги нужны…

– Наконец-то уговорила благоверного шубу тебе купить?

– Да какая шуба? Через дом до школы так я и в пуховике на рыбьем меху добегу. Мать моего ученика в беду попала, родительский комитет клич бросил – помочь оказать, кто сколько может. Я тебе потом отдам, просто деньги срочно нужны.

– Да не вопрос! Томочка, ты же знаешь, что есть у меня некоторая сумма на чёрный день. Сколько хоть надо-то?

– Ниночка, много надо… Там всё так сложно, так сложно…

В телефоне послышались хлюпанья.

– Так, подруга, для начала успокойся, – сказала Нина командным голосом, как это она умела делать, когда надо было поставить кого-то из подчинённых на место или прекратить бесплодные дискуссии на планёрках. – Высморкайся, вытри слёзы и рассказывай.

Грубоватый тон подруги заставил Тамару взять себя в руки.

– Ты знаешь, что за годы классного руководства мне удалось так сплотить родителей, что мы стали больше чем родственники…

– Томочка, это я от тебя тысячу раз слышала и постоянно восхищалась твоим педагогическим даром воспитывать не только учеников, но и их родителей. Меня, к сожалению, таким талантом природа не наделила, поэтому чаще приходится не убеждать, а командовать. Давай рассказывай, что там у вас случилось, мне уже даже интересно принять участие в богоугодном деле оказания гуманитарной помощи.

– Ниночка, ты шутишь, а дело на самом деле очень серьёзное, – подруга замолчала, и в телефоне было слышно, как она наливает воду в стакан, делает пару глотков.

– Я тебе на днях рассказывала, что мы все свои деньги потратили на путёвки. В кои-то веки собрались на море в Турцию съездить всей семьёй. Отпускные получим только через месяц, с них я тебе и отдаю.

– Ты снова не о том, – перебила подругу Нина. – Ты можешь толком рассказать, что у вас случилось?

– В семье моей ученицы беда случилась.

– Кто-то умер?

– Не дай Бог! Но бабушка при смерти. Обширный инфаркт.

– И вы собираете деньги на взятку врачам? – вклинилась Нина.

– Ой, что ты! Там всё намного сложнее. Можно я начну с другого? У меня, ты это хорошо знаешь, класс выпускной. Эта идиотская мода на шик, чтобы всё «как у людей»... У меня слов нет. Выпускной в детском саду, в четвёртом классе, в девятом, а уж в одиннадцатом наряды да вечеринка в дорогом ресторане – это расходы, как на свадьбу. Девочка хорошая, скромная, умная, медалистка, а в семье бабушка-пенсионерка да мама – продавец в магазине. Мама в долги залезла, чтобы дочь нарядить не хуже, чем у всех. Бабушка в жару на даче перетрудилась, звонит: «Доченька, я умираю...» Та как раз посуду мыла, бросила всё, на такси на дачу, а мать там действительно умирает. Вызвала скорую, пока то да сё, поздним вечером домой пришла, а там вселенский потоп. Три этажа залила. Второпях кран не выключила, а недомытая тарелка слив в раковине закрыла.

В подтопленных квартирах ремонт насчитали на триста тысяч. Короче, она сама не своя. Попросила на работе за свой счёт, чтобы с матерью в больнице быть, хозяин не дал – заменить некем. Представляешь её состояние? А там же деньги! Надо внимательной быть, а голова кругом. Хозяин на неё и так косо смотрел, дважды с утра замечания делал за невнимательность, а потом одна дама скандал устроила, что один и тот же товар дважды пробила. Хозяин её тут же уволил без выходного пособия. Вот такая ситуация, подруга! И девочку жалко, завтра вручение аттестатов и выпускной, и мать жалко, что без работы осталась да с такими долгами перед пострадавшими соседями, и бабушка очень хорошая, все эти годы нам во всём помогала...

– А в каком магазине она работала?

– Да у нас тут на Молодёжной маленький такой магазинчик, «Шатой» называется. А что?

– Да я просто так...

Ой, не просто так спросила Нина подругу про магазин! Была она на днях в этом «Шатое». Как только появились в городе огромные гипермаркеты, любила по выходным ездить в них за покупками, поскольку в одном месте можно приобрести и всевозможные продукты, и товары хозяйствственные, но со временем поняла, что эти торговые великаны отнимают очень много времени, и стала бывать в них крайне редко, предпочитая небольшие магазинчики с широким ассортиментом. И в тот раз остановилась взять помимо традиционных молока и сметаны каких-нибудь острых кавказских вкусностей.

Настроение было отвратительное. Клиент, уборку в квартире которого делали сотрудницы её клининговой фирмы, оказался на редкость привередливым, придирился к каждой мелочи, выторговывая скидки за якобы ненадлежащее выполнение заказа. Нина сдержалась, но эмоции её переполняли и рвались наружу. И выплеснулись, когда задумчивая продавщица из десятка купленных товаров пробила дважды одно и то же. Сумма-то ничтожно мала, в другое время Нина даже не обратила бы внимания

на этот полтинник, но, как назло, «завис» кассовый аппарат, его перезагрузили, но пришлось вынимать купленное из пакета и пробивать заново, а тут ещё кончилась лента, и Нина была готова взорваться. Она никогда раньше не проверяла чеки, а тут из-за сбоя начала смотреть и увидела дважды пробитый товар. И тут уже, не сумев овладеть собой, психанула по-настоящему.

– Простите, простите! – потерянным голосом извинялась продавщица.

– Да что мне ваши извинения? Я и так из-за вас потеряла полчаса, а вы ещё меня обсчитали, – выговаривала Нина. – Не умеете работать, ищите другое место для приложения своих способностей и талантов!

Как раз в это время из своего закутка вышел молодой бородатый хозяин, увидел хорошо одетую красивую даму.

– Что случилось, дорогая? Не волнуйтесь, сейчас разберёмся и всё уладим.

– Я потеряла у вас полчаса своего драгоценного времени, так меня ещё и чуть не обсчитали, – начала Нина.

– Не волнуйся, красавица! Дайте сюда чек.

Посмотрел, увидел дважды пробитый товар.

– Извините! Наша ошибка, поэтому всё, что вы выбрали, – за мой счёт. Это компенсация за потраченное время и за моральный ущерб. Заходите к нам снова, а эта женщина у меня с завтрашнего дня больше не работает.

– Мне не нужны ваши подачки, – Нина положила портмоне в сумочку и вышла из магазина, оставив товар на прилавке...

– Ниночка, ты меня слышишь? Алло?

– Да-да, Томочка! Я тебя слышу, – очнулась от воспоминания Нина.

– Просто ты куда-то пропала, я думала, связь прервалась.

– Нет, всё нормально. Тебе куда деньги привезти?

– Я сейчас ещё в школе.

– Через полчаса у тебя. Подъеду, наберу. Выйдешь на крыльцо, а то у вас на вернике там пропускной режим.

– Ну, с этим у нас действительно строго.

– До встречи!

Нина взяла сумочку, предупредила секретаря (она же была и диспетчером по приёму заказов), что вернётся через пару часов, и поехала в банк. Сняла с карты все деньги, махнула рукой, когда предупредили, что за наличку полагается комиссийный сбор, попросила конверт, сложила в него купюры.

Тамара ждала уже у ворот школьного двора. Обнялись, молча подала конверт, пошла к машине.

– Нинка! Мне столько не отдать сразу!

– Ничего не надо отдавать, – обернулась Нина.

Села в машину, включила скорость. За углом остановилась – ехать мешали набежавшие слёзы.

– Откупилась? – безжалостно уколола злая мысль. – Нет, милая, деньгами не откупаются. Это было бы слишком просто...

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ ОЛИМПИАДЫ ФЁДОРОВОЙ

Частная жизнь советских писателей в годы расцвета их творческой биографии была практически засекречена. Последние два десятилетия словно отменили негласный запрет, все чаще появляются в различных изданиях публикации документов личного характера – дневники, письма, семейные фотографии, раскрывающие неизвестные страницы из жизни известных писателей. Как они сохранились? В каждом случае – своя история. Мы нашли документы и фотографии одного из главных летотисцев Урала в курганском дворе по улице Гоголя. Как они там оказались? Да их просто выбросили за ненужность, освобождая муниципальное жилье. Но все-таки большую часть архива удалось спасти.

В доме по улице Гоголя, 83, в квартире номер 16 в 1960-е – 2000-е гг. жили три человека – Олимпиада Евгеньевна Федорова, ее мать Павлина Филипповна и ее сын Владимир. После его смерти семейный альбом, а также личные документы матери и книги его деда оказались во дворе дома. Благодаря Андрею Анатольевичу Чудакову, книголюбу, а на тот момент – начальнику Управления капитального строительства администрации города Кургана, – большую часть семейного архива удалось спасти. Более того, почти год поисков (консультаций, переписок с архивами и музеями) позволил нам аннотировать почти все фотографии в альбоме и реконструировать основные события жизни Олимпиады Федоровой.

БАБУШКИНА
Ольга Юрьевна

Кандидат исторических наук, доцент. Заведующая библиотекой-музеем «Жизнь замечательных людей» МБУК «БИС г. Кургана».

С 2023 г. – главный редактор литературно-публицистического альманаха «Тобол» (Курган), член редколлегии журнала «Православие на Урале: связь времен» (Екатеринбург).

Все фотографии из семейного альбома
Олимпиады Евгеньевны Федоровой публикуются впервые.

Олимпиада Федорова.
1950-е гг.

Олимпиада Евгеньевна родилась в Ленинграде 9 августа 1921 г. В своей автобиографии от 19 июня 1962 г. она рассказывает о родителях: «Отец, Евгений Александрович Федоров, 1897 года рождения, ныне писатель, член Союза писателей, инвалид Отечественной войны, пенсионер. Умер 2 апреля 1961 г. Мать, Федорова Павлина Филипповна, 1900 года рождения, пенсионерка. Работала кассиром кино в г. Троицке Челябинской области. Социальное положение матери до революции – крестьянка из бедняцкой семьи, до 1917 г. училась в церковно-приходской школе и работала в сельском хозяйстве. Отец до революции 1917 г.

учился и состоял на военной службе. Выходец из бедной семьи, он работал и учился в Псковском землемерном училище. В годы Отечественной войны – участник обороны Ленинграда и партизанил в Ленинградской области».

О матери мы больше ничего не смогли узнать, а вот об отце Олимпиады написаны десятки научно-популярных статей, которые уточняют его биографию. Евгений Александрович Федоров, известный советский писатель, автор трилогии «Каменный пояс», родился 15 января (27 по старому стилю) 1897 г. в селе Видзы Ковенской губернии, ныне Браславский район Витебской области, Беларусь. Отец его, Александр Назарьевич, происходил из бедной казачьей семьи, умер в 1919 г. Мать, Елизавета Ивановна, погибла в блокадном Ленинграде. Переселение белорусской семьи Федоровых на Урал было связано с миграционными процессами на рубеже веков, когда крестьяне из перенаселенных западных губерний Российской

империи массово осваивали свободные уральские и сибирские земли. Известно, что детство Евгения Федорова прошло в казачьей станице Магнитной. Об этом периоде своей жизни Евгений Александрович рассказывает в автобиографической повести 1949 г. «У горы Магнитной» (другое название «Детство в Магнитке»).

В пятнадцатилетнем возрасте Федоров уехал в столицу, где устроился в типографию. Будущий писатель получал среднее образование и работал переписчиком, чертежником, репетитором, корректором. В годы Первой мировой

**Будущий писатель
Евгений Федоров.
1927 г.**

**Писатель Евгений Федоров.
1945 г.**

войны был мобилизован на фронт. Спустя несколько месяцев получил назначение в Псковское военно-топографическое училище, которое окончил в 1917 г. Ему удалось подготовиться и выдержать экстерном экзамен на должность инженера, а затем окончить Институт красной профессуры. Е. А. Федоров – участник Гражданской войны 1918 – 1922 гг. Будучи командиром эскадрона им. Степана Разина в знаменитой Чапаевской дивизии, он сражался на Урале с колчаковцами. В октябре 1919 г. участвовал в освобождении Кургана от белогвардейцев.

После тяжелой контузии Федоров был демобилизован. После Гражданской войны был на руководящей инженерно-технической работе в Уральской области, краевым инженером в Нижегородском (Горьковском) крае, директором трестов в Ростове-на-Дону и в Ленинграде. По окончании Института красной профессуры работал в Академии наук СССР старшим научным сотрудником, ученым секретарем, был членом редакционной коллегии академического словаря современного русского языка. В годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. в качестве военного журналиста участвовал в обороне Ленинграда. Советское правительство отметило заслуги писателя перед Родиной, наградив орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Литературная деятельность Евгения Федорова началась в 1912 г., когда в московском альманахе «Громовые раскаты» был опубликован первый рассказ «Случай с Никиткой-ревизором». «Однако эти раскаты не потрясли никого, – вспоминал писатель. – Гроза не состоялась, и слава не пришла. И тогда я понял, что труд писателя необычайно труден, требует больших знаний, культуры и опыта».

С повести «Байтас», вышедшей в третьем номере журнала «Красная новь» за 1921 г., начнется систематическая литературная работа. Во второй половине 1920-х гг. в журнале «Крестьянка» опубликованы рассказы Евгения Федорова о жизни русской деревни до и после революции. Следующим важным этапом в его творчестве станут первые книги рассказов «Вороная кобыла» и «Соломонея» с предисловием писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова, увидевшие свет в 1936 г. Спустя год выходят исторические повести «Черепановы», «Кыштымский зверь», «Повесть о злоключениях первого русского золотоискателя» и известная в Зауралье сатирическая повесть «Шадринский гусь», выдержанная более 20 изданий.

В исторической повести «Картофельный бунт» описывается стихийное восстание крестьян Батуринской слободы Шадринского уезда против бесчисленных притеснений в XIX в. (Это произведение и сегодня не потеряло своей актуальности при изучении истории Курганской области).

Появляются первые положительные отзывы о писателе, в частности о его способностях сатирика и юмориста. В это время Федоров определяется с основной тематикой своего творчества – история Урала и Сибири, жизнь рабочих в этих местах, события революции и Гражданской войны. В 1937 г. Федоров Е. А. был принят в Союз советских писателей.

В годы Великой Отечественной войны в периодике, а также отдельными брошюрами вышли его очерки и рассказы: «Двуногие звери» (1941), «Что несут фашисты советскому крестьянству» (1941), в 1942 г. – «Рассказы о Кирове», «Клянусь тебе, Родина!», «Поруганная отчизна»; «В тылу врага. Рассказы» (1943) и другие.

Впервые к созданию крупных произведений Евгений Федоров обратился на кануне Великой Отечественной войны. В 1939 г. была напечатана первая редакция его романа «Горная дорога». Это произведение историко-революционного жанра о боевых действиях партизанского соединения под командованием Василия Блюхера. В 1959 г. роман будет переиздан в Свердловске под названием «Вдоль голубых Уральских гор».

В 1940 г. появился первый крупный исторический роман «Демидовы», ставший началом трилогии «Каменный пояс». В 1947 – 1948 гг. к «Демидовым» добавилась вторая книга «Наследники», а в 1953 г. – третий том «Хозяин каменных гор». Трилогия целиком была издана в 1955 г. и стала наиболее известным произведением Евгения Федорова. В 1954 г. появилась книга «Большая судьба» – роман о великом русском металлурге, создателе русского булавы П. П. Аносове, а в 1955 г. – последнее крупное произведение Е. А. Федорова – роман «Ермак» в двух томах.

За заслуги в области художественной литературы в 1947 и 1957 гг. он был награжден орденами Трудового Красного Знамени. Михаил Данилович Янко в книге «Литературное Зауралье» приводит слова Евгения Федорова, опубликованные в газете «Красный Курган» от 20 февраля 1957 г.: «Душевые слова приветствия дошли до меня в тяжелые дни моей болезни и явились лучшим лекарством. Они не только радостно взволновали меня, но вселили новые силы и родили жгучее желание скорее встать в строй и с еще большей страстью и плодотворнее работать для процветания милого Зауралья».

Умер Евгений Александрович Федоров 2 апреля 1961 г. в Ленинграде.

Его дочь Олимпиада родилась 9 августа 1921 г. в Ленинграде. Почему же не осталась рядом с известным отцом? В автобиографии 1962 г. она называет следующую причину переезда из родного города: «По состоянию здоровья уехала в степной городок Троицк (Южный Урал), где училась на рабфаке, который успешно окончила». В 1940 г. после окончания рабфака поступила в Челябинский педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Великая Отечественная война смешала все планы, и студентка 2-го курса вынуждена была оставить учебу в институте. В течение года Олимпиада работала агротехником на Троицком опытном поле. В 1942 г. поступила в Троицкий ветеринарный институт, который окончила в 1947 г. За годы учебы она создала семью с Загребельным Георгием Максимовичем. 5 октября 1946 г. родился сын Владимир. После окончания института Олимпиада Евгеньевна осталась на кафедре зоологии в должности старшего лаборанта. 15 октября 1951 г. О. Е. Фёдорова (она не взяла фамилию мужа и вскоре с ним рассталась, судя по фотографиям в альбоме) была зачислена по конкурсу в аспирантуру Ленинградского института усовершенствования ветеринарных врачей по кафедре паразитологии. 17 января 1955 г. в Зоологическом институте состоялась защита диссертации на со-

**Писатель Евгений Федоров
с дочерью Олимпиадой.
1950-е гг.**

искание ученой степени кандидата биологических наук «Изменчивость морфологических признаков и значение ее в систематике сосальщиков рода PLAGIORCHIS LUNE, 1889».

1 августа 1955 г. Олимпиада Евгеньевна принята в Курганский сельскохозяйственный институт на должность старшего преподавателя. Она читала курс лекций по гигиене сельскохозяйственных животных и основам ветеринарии, а также проводила практические занятия. 26 августа 1960 г. перешла работать на опытную станцию Курганского сельскохозяйственного института на должность старшего научного сотрудника в отдел ветеринарии. С 6 марта 1961 г. работала ветеринарным врачом в Курганской областной ветбаклаборатории, в отделе по борьбе с яловостью сельскохозяйственных животных, с 20 августа 1962 г. – в должности старшего преподавателя Курганского педагогического института. За сухими формулировками о переводе с одного места на другое трудно определить личностные качества человека. В

Евгений Федоров (слева) в музее Кюхельбекера в Смолино. 1957 г.

характеристике «для предъявления в облпрофсовет», подписанной ректором пединститута Кондрашенковым А. А. от 26 апреля 1963 г., сказано: «Много уделяет внимания повышению качества лекций и практических занятий, участвует в научно-исследовательской работе и оказывает помощь молодым преподавателям. Выполняет отдельные поручения месткома и партбюро». Ученый совет Курганского пединститута 11 ноября 1964 г. утвердил Олимпиаду Евгеньевну Федорову в должности заведующего вновь созданной кафедры зоологии, в которой она проработает пять лет. Спустя год О. Е. Федоровой будет присвоено ученое звание доцента. Последний документ Федоровой из архива Курганского госуниверситета датирован 16 июня 1970 г. – аттестационный лист о прохождении четырехмесячных курсов на кафедре зоологии в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Умерла Олимпиада Евгеньевна Федоровна в конце 1997 г. Такое предположение можем сделать на основании справки из ЖКО от 19 марта 1998 г., выданной ее сыну для предъявления в нотариальную контору.

Владимир Георгиевич Загребельный, сын Олимпиады Евгеньевны, проживал вместе с матерью. Он имел высшее образование, по профессии – «инженер-механик». С 1972 г. работал в Курганском проектно-конструкторском бюро. 29 октября 2010 г. в возрасте 64 лет уволился по собственному желанию в связи с выходом на пенсию. Семьи у него не было. Судя по времени обнаружения документов во дворе его дома, можно предположить, что Владимир Георгиевич скончался вскоре после выхода на пенсию.

В семейном альбоме Олимпиады Евгеньевны 95 фотографий, из них более половины посвящены отцу – портреты или групповые фотографии с кем-то из коллег (друзей), но чаще – вдвоем с дочерью. По надписям на обороте можно предположить, что отношения у них были теплые и сердечные. Вот некоторые из них: «Милой Липочки от папы. Не забывай его, моя славная дочурка. 5/VII 1927 г.», «Милой дочурке для воспоминаний о любящем её отце. Курорт Сестрорецк. 18/VIII 1935 г.», «Дорогой Липочки для воспоминаний об отце. Желаю здоровья, сил и успехов в жизни. Евгений Федоров. 9 сентября 1941 год. Ленинград, Действующая Армия».

Для Евгения Федорова Зауралье, по сути, стало второй родиной, а проживание в Кургане его близких навсегда связало историю нашего города с именем знаменитого писателя.

В заключение выражают благодарность всем неравнодушным людям, помогавшим в поисках:

- Людмиле Петровне Поповой, заведующей архивом Курганского государственного университета, за предоставленные документы об О. Е. Федоровой;
- Андрею Дмитриевичу Белоусову, директору Каширинского литературно-краеведческого музея имени В. К. Кюхельбекера, за консультации и помошь в аннотации фотографий Е. А. Федорова;
- Олегу Владимировичу Козлову и Светлане Николаевне Шумковой, ветеранам биологического факультета КГУ, поделившимся своими воспоминаниями об О. Е. Федоровой.

НОВЫЕ КНИГИ

Маяковке подарили книгу «Чкалов. Неугомонный экспериментатор» курганского историка-публициста, кандидата исторических наук Владимира Плющева. Центральная городская библиотека благодарит за подарок Пограничное управление ФСБ России по Курганской и Тюменской областям. В книге описаны годы детства и становления летчика-испытателя Валерия Павловича Чкалова. Вы прочтете воспоминания участников исторических событий – двух беспосадочных перелетов: из Москвы до Камчатки и из Москвы в Америку через Северный полюс – Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Белякова.

Дети автора – Алексей и Наталья – искренне благодарят за финансовую помощь всех, кто принял участие в ее выпуске.

Книга набрана и напечатана в издательстве «Дамми».

Юрий Гальцев – известный эстрадный артист, композитор, руководитель Театра Эстрады имени Аркадия Райкина – представляет свой первый сборник стихов для детей. Это новая, пока не изданная, но очень светлая сторона его творчества. Взрослый человек, играющий на гитаре и баяне, клоун, певец с уникальными голосовыми возможностями, создатель великолепных ярких номеров сам порой становится ребёнком. Смотреть на мир глазами детства может только нежная и чуткая душа. Такая, как у этого весёлого человека с открытым взглядом. Наверное, поэтому в его порой замысловатых и нестандартных по форме стихах для маленьких детишек столько необычных образов, много юмора и забавных персонажей.

«Я всегда хотел быть первым. Как Гагарин. Первый научился кататься на велосипеде. Первый освоил мопед. Первый оказался за рулём автомобиля. Много было того, что я делал первым. Первый взял гитару в школе – и по сей день не выпускаю! Кстати, эта книжка – тоже моя первая! До неё было много рассказов, песен, номеров, спектаклей... Но книга для детей – первая. Все мы родом из детства. Как-то вдруг отчётливо вспомнил его – и написал этот сборник!» Для чтения детям и взрослым!

Курганскому журналисту Валерию Паниковскому в его новой книге удалось ублажить обеих муз, которым он поклоняется всю свою сознательную жизнь. Это – Сатира и Каинса, муза шахмат.

В книгу вошли фельетоны образца 2023 года и шахматные опусы разных лет с налетом юмора и иронии. По давней традиции автору охотно и талантливо помогали его верные товарищи – художник Вадим Васильев и редактор Михаил Черепанов.

Книга рассчитана на читателей всех возрастов, любящих великое русское слово и нескучную игру – шахматы.

НОВЫЕ КНИГИ

Эта книга об истории курганского баскетбола создана на основе архива великого баскетбольного подвижника Валерия Андреевича Камшилова.

Авторы книги – журналисты Валерий Паниковский и Юрий Побритухин, спортивный историк Михаил Черепанов – постарались донести до читателя красоту и многообразие популярной игры, рассказать о ее героях – настоящих рыцарях оранжевого мяча.

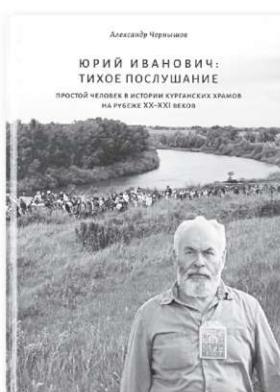
Книга богато иллюстрирована фотографиями и рисунками и рассчитана на широкий круг читателей – любителей баскетбола и спортивной истории.

Военно-исторический клуб «Курган» РПООКО «Пограничники Зауралья» провел презентацию очередной книги историка, писателя и поисковика Соловьёва Александра Петровича «Вечный огонь нашей памяти». Важно то, что в этой книге много материала о дивизиях и полках, формировавшихся на курганской земле. Немного об авторе: Соловьёв Александр Петрович – военный историк, писатель, краевед. Исследует боевой путь уральских дивизий.

Автор 8 книг о бойцах-уральцах,

основанных на подлинных документах, письмах, фото и воспоминаниях фронтовиков. Помогает в поиске «пропавших без вести» солдат на фронтах Великой Отечественной войны. Главный организатор «Дней Памяти» в Уральском федеральном округе. Был награжден знаками отличия, медалями, благодарственными грамотами и патриотической воинской работой.

Автор книги Александр Чернышов рассказывает о своем отце и о том, как в середине 1990-х годов всей семьей пришли в церковь, как воцерковлялись и какие послушания нес Юрий Иванович Чернышов в храме. Участие в жизни церкви оказалось связано с историей нескольких курганских храмов. Подробно описан период с 1993 года, с момента образования Курганской и Шадринской епархии, по 2016 год. Некоторые события затрагивают историю до 2022 года. Книга написана на основе открытых источников, личных воспоминаний автора и интервью курганских священников и мирян. Это живой и поучительный рассказ о простом человеке, который своим послушанием делал незаметную, но очень нужную церкви и людям работу.

Издание адресовано широкому кругу читателей – всем, кто интересуется жизнью человека в церкви и историей курганских храмов на рубеже XX–XXI веков.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора.....3

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Виктор ПОТАНИН

«Дневники и записные книжки». Отрывки.....4

ПОЭЗИЯ

Леонид БЛЮМКИН

Из новой книги «Из местностей иных».....14

Екатерина ПЕРМЯКОВА

«Вот и зима, потерпи. Крыши качают метели...».....26

Владимир ЗЮСЬКИН

Стихи о Шадринске – моей малой родине.....38

Юрий ГАЛАШОВ

«Снова в воздухе запах весны...».....66

Вильям ШЕЙХМАН

«Красив заснеженный Курган...».....125

Алексей БАСКОВ

«Время, возьми мою нежность...».....154

КРИТИКА

Валерий ПОРТНЯГИН. «По законам собеседника». Размышления о литературной

критике и новой книге Леонида Блюмкина.....21

Ирина ЖУКОВА. Женя Сорокапятка «Когда булочки еще умели смеяться»: заметки

читателя 137

ПРОЗА

Николай ПОКИДЫШЕВ

Главы из книги «За Красными горами».....29

Юрий ВАЛЬТЕР. «Нулевой вариант». Рассказ.....42

Сергей КОКОРИН. Рассказы.....59

Андрей ВЕТРОВ. Рассказы 70

Женя СОРОКАПЯТКА

Отрывок из книги «Когда булочки еще умели смеяться».....133

Валентина АСТАФЬЕВА. «Моторовна». Рассказ.....182

Олег БУНИН. Миниатюры.....185

Сергей ЛЕОНЧУК. «Разведчик». Рассказ.....205

Леонид ИВАНОВ. Рассказы.....225

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Владимир ПУЗАНОВ

Петр I и экспедиция Ивана Бухольца на р. Иртыш.....	51
Владимир АГА. Первые походы Башмакова.....	77
Николай ТОЛСТЫХ. Повенчанные курганским подпольем.....	89
Леонид КОНОВАЛОВ. Катайск: от слободы до города	
Катайские клады.....	163

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ

Станислав БАТУЕВ. Н. Д. Томин – человек, достойный памяти	86
Андрей БЕЛОУСОВ. Трудовая слава Ивана Прокопьева	106
Сергей СУХАНОВ. Страницы жизни генерала Усманова.....	145
Дмитрий ЛИТВИНЕНКО. К 95-летию со дня рождения Бориса Карсонова.....	171

ПУБЛИЦИСТИКА

Святослав РЫБАС. Донбасс пассионарный.....	100
Владимир ФИЛИМОНОВ. Неслучайные случайности.....	194

ИСКУССТВО

Светлана КУЛАКОВА. Художники. Ваятели. Мастера (о курганских скульпторах Валерии и Тамаре Лытченко-Метких).....	111
Цветная вкладка.....	117–124
Татьяна МАСЛЕННИКОВА. Курганскому театру драмы – 80 лет!.....	157

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

Надежда ЕФРЕМОВА. «А в группе у нас – не сон-час!». Стихи.....	139
Юрий ГАЛЬЦЕВ. Стихи.....	160
Андрей КАРПУНИН. «Как я лето проводил...». Стихи.....	179
Анна ЖАРОВА. «Мышка, приносящая счастье». Сказка.....	190

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Наталья ЗАХАРОВА. Судьбы священников Мокроусовского района.....	207
---	-----

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

Ольга БАБУШКИНА

Семейный альбом Олимпиады Федоровой.....	231
--	-----

Новые книги.....	237–238
------------------	---------

ISBN 978-5-89506-169-5

9 785895 061695